Роберт Стивенсон

Отлив

Часть сборника
Остров сокровищ (сборник)

Отлив

Роберт Льюис Стивенсон

Аннотация
Роберт Льюис Стивенсон. Отлив
Часть первая. Трио
  Глава 1. Ночь на берегу
  Глава 2. Утро на берегу. Три письма
  Глава 3. Старая тюрьма. Судьба у дверей
  Глава 4. Желтый флаг
  Глава 5. Груз шампанского
  Глава 6. Компаньоны
Часть вторая. Квартет
  Глава 1. Искатель жемчуга
  Глава 2. Ближайшее знакомство
  Глава 3. Званый обед
  Глава 4. Открытая дверь
  Глава 5. Давид и Голиаф
  Глава 6. Заключительная

Аннотация

Английский писатель, шотландец по происхождению, Роберт Льюис Стивенсон (1850–1894) вошел в историю литературы не только как классик неоромантизма, автор приключенческих романов, но и как тонкий стилист, мастер психологического портрета. Романтика приключений сочетается у него с точностью в описании экзотики и подлинным историческим колоритом.

Роберт Льюис Стивенсон
Отлив

[1]

[1] Примечания: 1

Роман «Отлив» был написан Стивенсоном совместно с его пасынком Ллойдом Осборном, автором первых четырех глав книги. Работа над произведением началась весной 1892 г.; с ноября 1892 г. по февраль 1894 г. роман выходил отдельными главами в журнальной публикации. Воплощая в себя наблюдения писателя над жизнью европейцев на тихоокеанских островах, роман представляет собой исследование жизни, деформированной борьбой за существование в условиях, пришельцев, в сущности, из другой цивилизации, непривычных и жестоких. Несмотря на экзотическое место действия, роман принадлежит реалистической традиции, предвосхищая аналогичную проблематику творчества Д. Конрада.

Часть первая
Трио

Глава 1
Ночь на берегу

По всем островам Тихого океана раскиданы люди самых разных европейских наций и почти всех слоев общества. Люди эти занимаются своими делами и сеют болезни. Одни преуспевают, другие прозябают. Одни взошли на троны и владеют островами и флотом. Другие вынуждены жениться, чтобы не умереть с голоду, — веселые, стройные, шоколадного цвета особы содержат их, давая возможность пребывать в полной праздности. Одетые по-местному, но сохранившие что-то чужестранное в осанке или в походке, иногда какую-нибудь реликвию, скажем, монокль, отличающий джентльмена и офицера, они проводят дни, растянувшись на верандах, крытых пальмовыми листьями, и развлекают туземных слушателей воспоминаниями о мюзик-холле. Есть и еще один тип европейцев, менее ловких, менее гибких, менее удачливых, быть может, менее бесчестных, которые даже на этих островах изобилия нуждаются в куске хлеба.

На краю города Папеэте, на берегу, под деревом

пурау сидели трое таких людей.

Было поздно. Давно уже музыканты, не переставая наигрывать, отправились по домам, а за ними, обхватив друг друга за талии и приплясывая, последовала пестрая толпа мужчин и женщин, торговых клерков и морских офицеров, увенчанных гирляндами. Давно уже темнота и тишина обошли все дома игрушечного языческого городка. Лишь уличные фонари все горели на темных улицах, словно светлячки, образуя расплывчатые венчики света или отбрасывая зыбкие отражения на поверхность воды в порту. От штабелей досок, наваленных у правительственного пирса, раздавался храп. Храп этот доносился с изящных шхун типа клипера, стоявших на якоре борт о борт, как ялики. Матросы спали прямо на палубе под открытым небом или набившись под навес посреди нагроможденных товаров.

Но люди под деревом пурау и не помышляли о сне. Такая погода летом в Англии казалась бы нормальной, но для южных морей она была зверски холодной. Неодушевленная природа знала это, и кокосовое масло в бутылках, имеющихся в каждой хижине острова, застыло. Трое людей тоже это знали и дрожали от холода. На них была

та же одежда из тонкой бумажной материи, в которой днем они обливались потом или мокли под тропическими ливнями. И, к довершению всех бед, в этот день они почти не завтракали, еще в меньшей степени обедали и совсем не ужинали.

По выражению, столь распространенному в южных морях, эти трое сидели на мели. Общее несчастье свело их вместе — самых жалких существ на Таити, говорящих по-английски; помимо того что они были несчастны, они, собственно, почти ничего не знали друг о друге — даже настоящих имен друг друга. Ибо каждый проделал долгий путь вниз, и каждого на какой-то стадии падения стыд вынудил принять вымышленное имя. И все-таки до сих пор ни один из них еще не привлекался к суду: двое были умеренно порядочными людьми, а у третьего сидящего под деревом пурау в кармане хранился потрепанный Вергилий.

Нечего скрывать: если бы за книгу можно было выручить деньги, Роберт Геррик давно бы отказался от этой последней собственности, но при всем спросе на литературу на некоторых участках южных морей, он не распространяется на мертвые языки, и Вергилий, на которого Геррик не мог выменять пищу, часто утешал его в голодные

дни. Потуже затянув пояс, Геррик перечитывал книгу, лежа на полу в заброшенной тюрьме, выискивая излюбленные места и открывая новые, менее прекрасные лишь оттого, что они не были освящены долгим знакомством. То, бывало, он замедлял шаг на загородной глухой тропе, садился на ее краю, над морем, любовался видневшимися на горизонте горами Эймео и затем погружался в «Энеиду», гадая по книге, что ему предстоит. И даже если оракул (как и полагается оракулам) вещал не очень уверенным и ободряющим голосом, то изгнанника, по крайней мере, посещали видения Англии: деловая, строгая классная комната, зеленые спортивные площадки, каникулы, проведенные дома, вечный лондонский шум, домашний очаг и седая голова отца. Таков удел серьезных, сдержанных классических авторов, школьное знакомство с которыми бывает зачастую мучительным: они проникают в нашу кровь и становятся неотделимы от памяти, и потому фраза из Вергилия говорит не столько о Мантуе

или Августе[2], сколько об английских родных местах и собственной безвозвратно ушедшей юности.

Роберт Геррик был сыном умного, энергичного и честолюбивого человека, младшего компаньона в лондонском крупном торговом доме. На мальчика возлагались надежды, его послали в отличную школу, он окончил ее с правом поступить в Оксфорд, что затем и сделал. При всей одаренности и хорошем вкусе (а он, бесспорно, обладал и тем и другим) Роберту недоставало настойчивости и умственной зрелости; он блуждал окольными путями науки, занимался музыкой или метафизикой, тогда как должен был трудиться над греческим, и получил в конце концов самую ничтожную степень. Почти одновременно лондонский торговый дом терпит крах, мистер Геррик-старший вынужден заново начать жизнь клерком в чужой конторе, а Роберт, отказавшись от честолюбивых замыслов, с благодарностью принимает карьеру, которая для него ненавистна

---

[2] Примечания: 2

Октавий Гай (с 27 г. до н. э. Цезарь Август; 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — первый римский император, сподвижник Юлия Цезаря. После убийства Юлия Цезаря расправился с его убийцами. Вел ожесточенную борьбу с Марком Антонием, закончившуюся сокрушительным поражением последнего в битве при Акциуме в 31 г. до н. э. Впоследствии единолично правил Римом.

и презренна. Он ничего не смыслил в цифрах, не интересовался делами, ненавидел нудные часы отсиживаний на службе и презирал стремления и удачи коммерсантов. Он не мечтал о том, чтобы разбогатеть, — лишь бы прожить безбедно. Молодой человек, более недостойный или более решительный, вероятно, отверг бы навязанный ему удел — быть может, взялся бы за перо или поступил бы на военную службу. Роберт же, более благоразумный, а может быть, более робкий, согласился на эту профессию, благодаря которой ему было проще помогать семье. Но душа его осталась мучительно раздвоенной; он чуждался общества бывших товарищей и из нескольких представленных на выбор мест выбрал должность клерка где-то в Нью-Йорке.

С этого времени жизнь для него стала сплошным позорищем. Он не пил, был абсолютно честен, никогда не дерзил нанимателям, но тем не менее его отовсюду увольняли. Не проявляя ни малейшего интереса к своим обязанностям, он не проявлял и усердия; его рабочий день был сплетением дел, которые он выполнял плохо или вовсе забывал выполнить. И с места на место, из города в город он таскал за собой репутацию человека, начисто ни к чему не пригодного. Никто не

может без краски стыда носить подобный ярлык, ибо поистине никакой другой ярлык не лишает столь безжалостно самоуважения. А для Геррика, знавшего цену своим способностям и знаниям и относившегося с презрением к тем пустячным обязанностям, к которым его считали неспособным, стыд был особенно уничижительным. Рано начав катиться по наклонной плоскости, он не мог уже посылать домой деньги, а вскоре перестал писать и письма, так как не мог сообщить ни о чем, кроме неудач.

Примерно за год до начала повествования он без работы очутился на улицах Сан-Франциско, и тут он окончательно потерял самоуважение, внезапно сменил имя и на последний доллар купил место на почтовой бригантине «Город Папеэте». На что надеялся Геррик, когда направился в южные моря, он едва ли знал сам. Правда, там можно было разбогатеть на жемчугах и копре[3]; правда, другие, не более одаренные, чем он, достигли на островах положения принцев-консортов и королевских министров. Но если бы Геррик отправился туда, преследуя какую-либо достойную цель, он сохранил бы отцовскую фамилию, — чу-

[3] Примечания: 3

Копра — мякоть плода (ореха) кокосовой пальмы; используется для получения кокосового масла.

жое имя свидетельствовало о его нравственном крахе. Он опустил свой флаг, он не питал больше надежд на то, что восстановит свою честь или будет помогать своей бедствовавшей семье, и он явился на остров (где, как он знал, климат мягок, хлеб дешев, а нравы просты) как дезертир, сбежавший от жизненной битвы и от своего прямого долга.

Неудача, решил он, его удел; так пусть она будет приятной.

К счастью, сказать «хочу быть подлецом» недостаточно, чтобы стать им. Его карьера неудачника продолжалась, но и в новой обстановке, под новым именем он испытывал не меньшие страдания. Он получил место — и потерял его прежним образом; от благотворительности рестораторов он перешел на откровенную милостыню, но мало-помалу добросердечие окружающих иссякло, и после первых же отпоров Геррик сделался робким. Конечно, вокруг было достаточно женщин, которые охотно согласились бы содержать куда более нестоящего и некрасивого мужчину. Но либо Геррик таких женщин не встречал, либо не распознал, а если и знал их, то, видимо, в нем заговорило мужское самолюбие, и он предпочел голодать. Он мок под дождем; изнывал от жары

днем, дрожал от холода ночью в полуразрушенной бывшей тюрьме, выклянчивал пищу или вытаскивал ее из помоек, и товарищами его были двое таких же, как он, отщепенцев. Так многие месяцы осушал он чашу унижения. Он узнал, что значит смириться, что значит вдруг взбунтоваться в порыве ребячьей ярости против судьбы, а потом впасть в оцепенелое отчаяние. Время переделало его. Он больше не тешил себя баснями о легком и даже приятном падении, он лучше изучил свой характер, он оказался не способен подняться на поверхность, но на опыте убедился, что не может сделать и последнего шага, чтобы окончательно пасть. Что-то — вряд ли гордость или сила воли, скорее всего, просто воспитание — удерживало его от полной капитуляции. Но он с возрастающим гневом принимал свои несчастья и порой удивлялся собственному терпению.

Уже четвертый месяц подошел к концу, а все не было никаких перемен и даже предвестий перемен. Луна, несущаяся через царство летящих облаков всех размеров, форм и плотности, то черных, как чернильные кляксы, то нежных, как молоденькая лужайка, бросала свой по-южному волшебный яркий свет на одну и ту же прелестную и ненавистную картину: остров и горы,

увенчанные неизменным облаком, затаившийся город в редких точках огней, мачты в гавани, гладкое зеркало лагуны и стена барьерного рифа, где белели буруны. Луна, прорываясь сквозь облака, моментами, словно раскачивающийся фонарь, освещала и его товарищей: дюжую фигуру американца, капитана торгового судна, разжалованного за какую-то провинность и называвшего себя Брауном, и малорослую фигуру, бледные глаза и беззубую улыбку пошлого и подленького клерка-кокни[4]. Недурное общество для Роберта Геррика! Янки, по крайней мере, был мужчиной; он обладал полновесными качествами — нежностью и твердостью характера, его руку можно было пожать, не краснея. Но никакой привлекательной черты нельзя было найти у другого, который именовал себя когда Томкинсом, когда Хэем и только смеялся над этой несообразностью; он переслужил во всех лавках Папеэте, ибо это ничтожество все же не было лишено способностей, но его выгоняли поочередно отовсюду, так как он был испорчен до мозга костей.

Он оттолкнул от себя всех прежних нанимате-

---

[4] Примечания: 4

Кокни — пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из низших слоев населения.

лей, так что они проходили мимо него по улице, как мимо паршивой собаки, а все прежние товарищи шарахались от него, как от кредитора.

Не так давно судно из Перу завезло инфлюэнцу[5], и теперь она свирепствовала на всем острове, и особенно в Папеэте. Со всех сторон вокруг пурау зловеще раздавался, то громко, то утихая, удушающий кашель. Больные туземцы, не умеющие, как и все островитяне, терпеливо переносить приступы лихорадки, выползли из своих жилищ в поисках прохлады и теперь, присев прямо на песок или на вытащенные из воды каноэ, со страхом ожидали наступления нового дня. Подобно тому как крики петухов разносятся в ночи от фермы к ферме, так приступы кашля возникали, затихали и возникали снова. Дрожащий мученик подхватывал знак, поданный соседом, несколько минут корчился в жестоком пароксизме и, когда приступ проходил, оставался лежать в изнеможении, утратив голос или мужество.

Если кто-нибудь обладал неизрасходованным запасом жалости, то израсходовать его следовало именно на Папеэте в эту холодную ночь

---

[5] Примечания: 5

Инфлюэнца — устаревшее название гриппа.

и в этот сезон свирепствовавшей болезни. И из всех страдальцев, вероятно, наименее достойным, но, несомненно, наиболее жалким был лондонский клерк. Он привык к другой жизни, к городским домам, постелям, к уходу и всем мелким удобствам, окружающим больного, а тут он лежал на холоде, под открытым небом, ничем не защищенный от сильного ветра и вдобавок с пустым желудком. К тому же он совсем ослаб, болезнь высосала из него все жизненные соки, и товарищи его с изумлением наблюдали, как он сопротивлялся. Ими овладевало глубокое сочувствие, оно боролось с отвращением к нему и побеждало. Их неприязнь усугублялась брезгливостью, вызванной созерцанием болезни, но в то же время, как бы в компенсацию за такие бесчеловечные чувства, стыд с удвоенной силой заставлял их еще неотступнее ухаживать за ним. И даже то дурное, что они знали о нем, усиливало их заботливость, ибо мысль о смерти наиболее невыносима тогда, когда смерть приближается к натурам чисто плотским и эгоистичным. Порой они подпирали его с двух сторон, иной раз с неуместной услужливостью колотили по спине, а когда бедняга откидывался на спину, мертвенно-бледный и обессилевший от злейшего

приступа кашля, они со страхом вглядывались в его лицо, отыскивая признаки жизни. Нет такого человека, который не обладал бы хотя бы одним достоинством: у клерка это было мужество, и он спешил успокоить их какой-нибудь шуткой, не всегда пристойного свойства.

— Я в порядке, братцы, — задыхаясь, выдавил он однажды, — ничто лучше частого кашля не укрепляет мышцы глотки.

— Ну, вы и молодчага! — воскликнул капитан.

— Да уж, храбрости мне не занимать, — продолжал мученик прерывающимся голосом. — Только чертовски обидно, что на меня одного свалилась такая напасть, и я же еще должен отдуваться и развлекать честную публику. По-моему, кому-то из вас двоих не грех взбодриться. Рассказали бы мне чего-нибудь.

— Беда в том, что нечего нам рассказать, сынок, — отвечал капитан.

— Если хотите, я расскажу, о чем сейчас думал, — проговорил Геррик.

— Рассказывайте что угодно, — сказал клерк. — Мне бы только не забыть, что я еще не помер.

Геррик, лежа лицом вниз, начал свою притчу медленно и еле слышно, как человек, который не знает, что скажет дальше, и хочет оттянуть

время.

— Хорошо. Вот о чем я думал, — начал он. — Я думал, что лежу я как-то ночью на берегу Папеэте, кругом лунный свет да резкий ветер и кашель, а мне холодно и голодно, и я совсем упал духом, и мне лет девятьсот, и двести двадцать из них я провел, лежа на берегу Папеэте. И мне захотелось иметь кольцо, которое надо потереть, или волшебницу крестную, или же знать, как вызвать дьявола. И я старался вспомнить, как это делается. Я знал, что надо сделать круг из черепов, я видел это в «Волшебном стрелке»[6], и надо снять сюртук и засучить рукава — так делал Формес в роли Каспара[7], и по его виду сразу можно было определить, что он изучил это дело досконально. И еще надо из чего-то состряпать дым и мерзкий запах — сигара, пожалуй, подошла бы, — и при этом надо прочитать «Отче наш» от конца к началу. Ну, тут я задумался, смогу ли я это сделать, как-никак в некотором роде это немалый подвиг. Меня охватило сомнение:

---

[6] Примечания: 6

«Волшебный стрелок» («Вольный стрелок») — опера К. Вебера на тему старинных немецких народных сказаний.

[7] Примечания: 7

Каспар — действующее лицо оперы К. Вебера «Вольный стрелок» (1820), егерь.

помню ли я «Отче наш» в настоящем-то порядке? И решил, что помню. И вот, не успел я добраться до слов «ибо твое есть царствие небесное», как увидел человека с ковриком под мышкой. Он брел вдоль берега со стороны города. Это был довольно безобразный старикашка, он хромал и ковылял и не переставая кашлял. Сперва мне его наружность пришлась не по вкусу, но потом стало жаль старикана — уж очень он сильно кашлял. Я вспомнил, что у нас еще оставалась микстура от кашля, которую американский консул дал капитану для Хэя. Правда, Хэю она ни на грош не помогла, но я подумал, что вдруг она поможет старику, и встал. «Иорана!»[8] — говорю я. «Иорана!» — отвечает он. «Послушайте, — говорю я, — у меня тут в пузырьке преотличное лекарство, оно вылечит ваш кашель, понятно? Идите сюда, я вам отолью лекарства в мою ладонь, а то все наше столовое серебро находится в банке». Старикашка направился ко мне. И чем ближе он подходил, тем меньше он мне нравился. Но что делать, я уже подозвал его…

— Что это за чушь несусветная? — прервал его клерк. — Прямо белиберда какая-то из кни-

---

[8] Примечания: 8
Приветствие в Полинезии.

жонок.

— Это сказка, я любил рассказывать дома сказки ребятишкам, — ответил Геррик. — Если вам неинтересно, я перестану.

— Да нет, валяйте дальше! — раздраженно возразил больной. — Лучше уж это, чем ничего.

— Хорошо, — продолжал Геррик. — Только я дал ему микстуры, как он вдруг выпрямился и весь изменился, и я увидел, что вовсе он не таитянин, а араб с длинной бородой. «Услуга за услугу, — говорит он. — Я волшебник из «Арабских ночей»[9], а этот коврик у меня под мышкой принадлежит Магомету бен-Такому-то. Прикажи — и сможешь отправиться на нем в путешествие». — «Не хотите ли вы сказать, что это ковер-самолет?» — воскликнул я. «А то нет!» — ответил он. «Я вижу, вы побывали в Америке с тех пор, как я в последний раз читал “Арабские ночи”», — сказал я с некоторым сомнением. «Еще бы, — сказал он. — Везде побывал. Не сидеть же сиднем с этаким ковром в загородном доме на две семьи». Что ж, мне это показалось разумным. «Ладно, — сказал я, — значит, вы утверждаете, что я могу сесть на ковер и отправиться прями-

---

[9] Примечания: 9

«Арабские ночи» — имеется в виду сборник «Тысяча и одна ночь».

ком в Англию, в Лондон?» Я сказал «в Англию, в Лондон», капитан, потому что он, видно, давно уже обретался в вашей части света. «В мгновение ока», — ответил он. Я рассчитал время. Какова разница во времени между Лондоном и Папеэте, капитан?

— Если взять Гринвич и мыс Венеры, то девять часов с какими-то минутами и секундами, — ответил моряк.

— Ну вот, и у меня получилось примерно столько же, — подхватил Геррик, — около девяти часов. Если тогда, как сейчас, было три часа ночи, по моим расчетам вышло, что я окажусь в Лондоне к полудню, и я ужасно обрадовался. «Загвоздка только вот в чем, — сказал я, — у меня нет ни гроша. Обидно было бы побывать в Лондоне и не купить утренний выпуск «Стэндарда». — «О! — сказал он. — Ты не представляешь себе всех преимуществ этого ковра. Видишь тот карман? Стоит только сунуть туда руку — и вытащишь полную пригоршню соверенов»[10].

— Американских, не так ли? — спросил капитан.

— Вы угадали! То-то они мне показались

[10] Примечания: 10

Соверен — английская монета, равная по достоинству одному фунту стерлингов.

необычно тяжелыми. Я теперь вспоминаю, что мне пришлось пойти на Черинг-кросс к менялам и получить у них английское серебро.

— Ну? Значит, отправились в Лондон? — спросил клерк. — Что вы там делали? Держу пари, вы первым делом выпили бренди с содовой!

— Понимаете, все произошло, как обещал старикашка, в мгновение ока. Только что я стоял здесь, на берегу, в три часа ночи, и вдруг я уже на Голден-кросс средь бела дня. Сперва меня точно ослепило, я прикрыл глаза рукой — и перемены как не бывало: грохот на Стрэнде звучал, как грохот бурунов на рифе. Прислушайтесь сейчас и услышите шум кэбов и омнибусов и звуки улицы! Наконец я смог оглядеться — и все оказалось по-старому! Те же статуи на площади, и церковь Святого Мартина, и бобби[11], и воробьи, и извозчики. Не могу вам передать, что я почувствовал. Мне хотелось плакать, что ли, или плясать, или перемахнуть через колонну Нельсона. Меня точно выхватили вдруг из ада и зашвырнули в красивейшую часть рая. Тут я подозвал экипаж, запряженный превосходной лошадью. «Получишь лишний шиллинг, если будешь на месте

---

[11] Примечания: 11

Бобби — прозвище английского полицейского.

через двадцать минут!» — сказал я извозчику. Он пустил лошадь хорошим шагом, хотя с ковром это, конечно, не шло ни в какое сравнение. Через девятнадцать с половиной минут я стоял у двери.

— Какой двери? — спросил капитан.

— Так, одного знакомого дома, — ответил Геррик.

— Ручаюсь, что это был трактир! — воскликнул клерк (только он выразился не совсем так). — А чего же вы не перелетели туда на своем ковре, вместо того чтобы тащиться в колымаге?

— Мне не хотелось будоражить тихую улицу, — ответил рассказчик. — Дурной тон. А к тому же мне хотелось прокатиться на извозчике.

— Ну и что же вы делали дальше? — спросил капитан.

— Я просто вошел.

— Родители? — спросил капитан.

— Н-да, скажем так, — ответил Геррик, жуя травинку.

— Ну, знаете, по мне, вы самый настоящий простофиля! — воскликнул клерк. — Надо же, прямо «Святые дети»! Уж будьте уверены, моя поездочка была бы не в пример веселее. Я бы пошел и выпил на счастье бренди с содовой. По-

том я бы купил широкое пальто с каракулевым воротником, взял бы трость и лихо прошелся бы по Пиккадилли. Потом я бы отправился в шикарный ресторан и заказал бы там зеленый горошек, бутылочку шампанского и котлетку из филе. Ой, я и забыл: сначала я заказал бы кильки в остром соусе, пирог с крыжовником и кофе погорячее и этот… как его, такое зелье в больших бутылках с печатью?.. Бенедектин, будь он проклят! Потом я заглянул бы в театр и свел бы там дружбу с какими-нибудь бывалыми ребятами, и мы бы уж поездили по дансингам, и барам, и все такое прочее — закатились бы до утра. А на другой день я бы полакомился кресс-салатом, ветчинкой и булочками с маслом. Уж я бы, мать честная!..

Тут клерка прервал новый приступ кашля.

— А теперь я скажу, что сделал бы я, — произнес капитан. — Мне не по нутру всякие модные коляски, где извозчик правит с самой макушки бизани. Я бы нанял простой, надежный, как шхуна, экипаж с самым большим тоннажем. Для начала я бы стал на якорь у рынка и купил индюка и молочного поросенка. Потом доехал бы до виноторговца и закупил дюжину шампанского и дюжину сладкого вина, густого, пряного и крепкого, что-нибудь такое вроде портвейна

или мадеры, самого лучшего в лавке. После я бы взял курс на игрушечную лавку и накупил бы на двадцать долларов всяких игрушек для малышей, а там — в кондитерскую, за пирожными, пирожками и плюшками и за такой штукой со сливами. Оттуда — в киоск, скупил бы там все газеты, где только есть картинки для ребят, а для женушки — журналы, где рассказывают про то, как граф открывает свою личность Анне Марии, а леди Мод бежит из сумасшедшего дома, куда ее засадили родственники. И только после этого я велел бы извозчику поворачивать к дому.

— И еще надо сиропу для детей, — напомнил Геррик, — они любят сироп.

— Да, и сиропу, и непременно красного, — подхватил капитан. — И такие штуки — за них потянешь, а они хлопают, и в середке у них стишки. А потом мы бы уж устроили День благодарения и рождественскую елку вкупе. Черт побери, до чего же я хотел бы повидать ребятишек! Вот повыскакивали бы они из дома, когда увидели бы, как их папаша подкатывает в карете! Моя младшая, Эйда…

Капитан вдруг умолк.

— Выкладывайте дальше, — сказал клерк.

— Проклятье, я даже не знаю, не умерли ли они

с голоду! — выкрикнул капитан.

— Одно утешение: хуже, чем нам, быть не может, — возразил клерк. — Разве что сам дьявол очень постарается.

И дьявол словно услышал его. Луна скрылась уже некоторое время назад, и они беседовали в потемках. Теперь вдруг послышался стремительно нараставший рев, поверхность лагуны побелела, и не успели изгнанники с трудом подняться на ноги, как на них обрушился шквал дождя. Только тот, кто жил в тропиках, может вообразить всю ярость и силу такого урагана: под его натиском человек захлебывался, как под хлынувшим душем; тьма и вода словно поглотили мир.

Они бросились бежать, ощупью отыскали свой приют, можно сказать, свой дом — бывшую тюрьму; промокшие, они ввалились в пустое помещение, улеглись на холодный коралловый пол — жалкие подобия людей, — и вскоре, когда ураган миновал, в темноте стало слышно, как стучит зубами клерк.

— Слушайте, ребята, — прохныкал он, — бога ради, лягте поближе, погрейте меня. Будь я проклят, если я без этого не сдохну!

И вот трое сгрудились в один мокрый ком и лежали так, дрожа, задремывая, то и дело возвра-

щаясь к жалкой действительности из-за кашля клерка, пока не наступил день.

Глава 2
Утро на берегу. Три письма

Тучи рассеялись, на Папеэте засияла красота тропического дня; море, разбивающееся о рифы, и пальмы на острове снова затрепетали от жары.

Французский военный корабль покидал остров, возвращаясь на родину; он стоял посередине лагуны — деятельный, как муравейник. Ночью к острову подошла какая-то шхуна, и теперь на ней развевался желтый флаг — знак заразы.

Вдоль берега, огибая мыс, длинной цепочкой тянулись одно за другим каноэ, направляясь к базару, пестревшему, как шаль, разноцветными одеждами туземцев и грудами фруктов. Однако ни эта красота, ни приветливое утреннее тепло, ни даже кипучая жизнь порта, столь интересная для моряков и зевак, не привлекала внимания троих отверженных. В душе у них по-прежнему был холод, во рту чувствовалась горечь после бессонной ночи, их пошатывало от голода. В унылом молчании они ковыляли по пляжу, точно хромые гуси. Двигались они к городу, где поднимался дымок, где завтракали счастливцы. Их голодные

глаза шарили по сторонам, высматривая только пищу.

Небольшая грязная шхуна стояла у самого причала, с которым ее соединяла доска. На передней палубе, под лоскутом навеса, пять канаков, составлявших команду, сидели на корточках вокруг миски с жареными бананами и пили кофе из жестяных кружек.

— Восемь склянок: пробило на завтрак! — воскликнул капитан с наигранной непосредственностью. — С этим судном я еще дела не имел — вот где мой дебют. Похоже, что удастся сделать полный сбор.

Он подошел к тому месту, где конец доски лежал на поросшем травой берегу, повернулся спиной к шхуне и принялся насвистывать веселую песенку «Ирландская прачка».

Она подействовала на матросов как условный сигнал: они разом оторвались от миски и сгрудились у борта, не выпуская из рук бананов и продолжая жевать. Словно несчастный пиренейский медведь, танцующий на улицах английских городов под страхом хозяйской дубинки, очень похоже, но куда живее и ритмичнее, капитан приплясывал в такт своему свисту, и его длинная под утренним солнцем тень дергалась на траве.

Канаки глядели на представление и улыбались, Геррик тупо следил за капитаном — на время голод заглушил в нем всякий стыд, — а чуть поодаль раздирали клерка демоны инфлюэнцы.

Внезапно капитан остановился, точно только сейчас заметил зрителей, и изобразил удивление, точно его застали врасплох, когда он развлекался в полном уединении.

— Привет! — сказал он.

Канаки захлопали в ладоши и попросили капитана продолжать.

— Не выйдет, сэр, — отвечал капитан. — Поесть нету — танцевать нету. Понимаешь?

— Бедный старик! — отозвался один из матросов. — Твой нету поесть?

— Господь видит — нету! — ответил капитан. — Очень хотел поесть. Но не имей.

— Очень хорошо. Мой имей, — сказал матрос. — Твоя идет сюда. Очень много кофе, очень много банана. Другая люди тоже идет сюда.

— Пожалуй, мы заглянем на минутку, — сказал капитан, и все трое торопливо перешли по доске на судно.

Там им пожали руки, освободили место у миски, пиршество в честь новоприбывших дополнили оплетенной бутылью патоки, с бака принесли

аккордеон и многозначительно положили рядом с певцом.

— Скоро, — сказал капитан, небрежно тронув инструмент, и принялся за длинный душистый банан, расправился с ним, поднял кружку с кофе и кивнул матросу, с которым вел переговоры. — За твое здоровье, дружище, ты делаешь честь южным морям, — провозгласил он.

С собачьей жадностью они глотали горячую пищу и кофе; даже клерк немного ожил, глаза его заблестели. Чайник опорожнили, миску опустошили; хозяева, прислуживавшие им с веселым гостеприимством, подали десерт — местный табак и свернутые в трубочку листья пандануса вместо бумаги, и через минуту все сидели кружком и дымили, как индейские вожди.

— Когда человек завтракает каждый Божий день, ему не понять, что это такое, — заметил клерк.

— Следующая проблема — обед, — проговорил Геррик и вдруг со страстью добавил: — Как бы я хотел быть канаком!

— Одно я знаю твердо, — сказал капитан, — я дошел до точки. Я скорее повешусь, чем буду еще гнить здесь живьем. — С этими словами он взял аккордеон и заиграл «Дом, милый дом».

— Перестаньте сейчас же! — закричал Геррик. — Я этого не могу вынести!

— Я тоже, — сказал капитан, — но что-то ведь надо играть, надо оплатить счет, сынок.

И он запел «Тело Джона Брауна» приятным мягким баритоном, затем последовал «Модник Джим из Каролины», потом «Рорин-храбрец», «Спускайся ниже, колесница» и «Дивная страна». Капитан щедро платил по счету, как делал и прежде, не один раз он покупал пищу за ту же монету у любящих песни туземцев, неизменно, как и теперь, вызывая восторг.

Он допел до середины «Пятнадцать долларов в кармане», вкладывая в исполнение много энергии и упорства, так как работа шла со скрипом, как вдруг среди матросов почувствовалось какое-то волнение.

— Капитан Том идет, — показал рукой матрос.

Трое бродяг, проследив за его рукой, увидели человека в пижамных штанах и белом джемпере, быстро шагающего со стороны города.

— Так это и есть тапена[12] Том? — прервав пение, спросил капитан. — Не пойму, что он за птица.

---

[12] Примечания: 12
Капитан *(полинез.).*

— Лучше сматываться, — заметил клерк. — Мне он не нравится.

— Отчего же? — задумчиво протянул певец. — Чаще всего нельзя сказать так сразу. Пожалуй, я попробую. У музыки, ребятки, есть такое свойство — смягчать лютых тапена. А вдруг дело выгорит и все завершится пуншем со льдом в капитанской каюте?

— Пунш со льдом? Мать честная! — сказал клерк. — Давайте что-нибудь такое, капитан, чтоб его забрало. Попробуйте «По лебяжьей реке».

— Ничего подобного, сэр! Тут пахнет Шотландией, — ответил капитан и отчаянно затянул «Давным-давно то было».

Капитан Том продолжал идти тем же быстрым, деловым шагом. На его бородатом лице, когда он враскачку прошел по доске, не отразилось ничего. Он даже глаз не скосил в сторону певца.

Мы с ним плескались в ручейке
С рассвета допоздна, —

звучала песня.

Капитан Том нес под мышкой пакет, который положил на крышу надстройки, и тут только он резко повернулся к бродягам и прорычал:

— Эй, вы! Проваливайте!

Клерк с Герриком, не соблюдая строгого порядка отступления, тут же бросились на берег по доске. Певец, однако, отшвырнул инструмент и медленно поднялся во весь рост.

— Что это вы так разорались? — сказал он. — Мне что-то хочется поучить вас вежливости.

— Коли будете еще разевать свою паршивую пасть, — отозвался шотландец, — я покажу вам, где раки зимуют. Я кое-что слышал про вас троих. Правительство держит вас на прицеле. Оно скоро на расправу со всякими проклятыми бродягами, надо отдать французам должное.

— Погодите, попадетесь вы мне на суше! — закричал капитан, а затем добавил, обращаясь к команде: — Прощайте, ребятки. Вот вы — настоящие джентльмены! Самый разнесчастный среди вас выглядит на шканцах лучше, чем этот поганый шотландец.

Капитан Том не снизошел до ответа, с неприятной усмешкой он наблюдал за бегством незваных гостей и, едва последний из них сошел на берег, повернулся к матросам и велел им заняться грузом.

Бродяги бесславно отступали по берегу; первым шел Геррик, лицо его побагровело, колени тряс-

лись, он был в бешенстве и близок к истерике. Он бросился на землю там же, под тем же пурау, где они мерзли в прошлую ночь, громко застонал и зарылся лицом в песок.

— Не говорите со мной, молчите! Я этого не вынесу! — вырвалось у него.

Двое других в замешательстве смотрели на него сверху.

— Чего это он там не вынесет? — сказал клерк. — Позавтракал, и ладно. Я так до сих пор облизываюсь.

Геррик поднял пылающее лицо с безумными глазами.

— Я не могу попрошайничать! — выкрикнул он пронзительно и снова повалился ничком.

— Пора с этим кончать, — проговорил капитан, вдохнув воздух сквозь сжатые зубы.

— А что, по-вашему, виден конец? — насмешливо фыркнул клерк.

— Для него конец недалек, можете на этот счет не сомневаться, — возразил капитан. — Вот что, — добавил он более веселым тоном, — вы тут дожидайтесь меня, а я пойду проведаю моего представителя.

Он повернулся на каблуках и раскачивающейся походкой моряка зашагал к городу.

Вернулся он приблизительно через полчаса. Клерк дремал сидя, прислонившись к дереву; Геррик в прежней позе лежал на песке. Нельзя было понять, спит он или нет.

— Эй, ребятки! — окликнул их капитан со своей обычной наигранной бодростью, от которой порой становилось больно. — У меня есть мысль. — И он показал почтовую бумагу, конверты с марками и карандаш. — Мы все можем послать домой письма с почтовой бригантиной. Консул позволил зайти к нему и надписать адреса чернилами.

— Что ж, все-таки что-то новое, — заметил клерк. — Мне это и в голову не приходило.

— Это вчерашняя болтовня о возвращении домой меня надоумила, — пояснил капитан.

— Ну, давайте, что ли, — сказал клерк. — Попробую и я. — И он отошел подальше, туда, где лежало каноэ.

Двое других остались под деревом. Они то начинали писать, то вымарывали написанное ранее; то сидели, уставившись на залив, покусывая кончик карандаша, а то переводили взгляд на клерка, который сидел в тени каноэ, упершись в него спиной, ухмылялся и кашлял, а карандаш его проворно летал по бумаге.

— Не могу, — вдруг сказал Геррик. — Духу не хватает.

— Послушайте, — сказал капитан с непривычной серьезностью, — может, и трудно писать, да еще неправду, знает Бог — трудно. Но так будет честнее. Что вам стоит написать, что вы здоровы и счастливы, но, к сожалению, не можете послать денег с этой почтой. Если не напишете так, то я вам скажу, как это называется: это будет чистейшей воды скотство.

— Легко говорить, — возразил Геррик. — Я вижу, вы и сами не очень-то много написали.

— При чем тут я? — вырвалось у капитана. Голос его был не громче шепота, но очень взволнованный. — Что вы обо мне знаете? Если бы вы командовали лучшим барком, какой выходил из Портленда, если бы вы валялись пьяный на койке, когда барк налетел на рифы в Группе четырнадцати островов, и, вместо того чтобы там остаться и потонуть, вылезли бы на палубу, и отдавали пьяные распоряжения, и загубили бы шесть душ, тогда бы вы имели право говорить! Вот так, — сказал он уже спокойнее, — такова моя история, теперь вы ее знаете. Недурно для отца семейства. Погибли пятеро мужчин и одна женщина. Да, на борту находилась женщина, хотя ей

нечего там было делать. Наверное, я отправил ее прямо в ад, если есть такое место. Домой я так и не показал глаз, жена с малышами переехала в Англию к своему отцу. Даже не знаю, что с ними, — добавил он с горечью.

— Благодарю вас, капитан, — сказал Геррик. — Вы мне теперь еще симпатичнее.

Отводя глаза, они коротко и крепко пожали друг другу руки, и нежность переполнила их сердца.

— Итак, ребятки, снова за вранье! — сказал капитан.

— Отца я не буду трогать, — отозвался Геррик, криво улыбаясь. — Из двух зол выберу свою милую.

Вот что он написал:

«Эмма, я начал писать отцу, но зачеркнул, потому что, пожалуй, проще написать тебе. Это мое прощание со всеми, последнее известие о недостойном друге и сыне. Я потерпел крах, я сломлен и опозорен. Я живу под чужим именем. Тебе придется со всей твоей мягкостью поведать об этом отцу. Я сам во всем виноват. Я знаю, захоти я – и мог бы пре-

успеть, и все же, клянусь тебе, я пытался захотеть. Невыносимо, что ты будешь думать, будто я не пытался. Ведь я всех вас люблю, в этом уж ты не должна сомневаться, именно ты. Я любил постоянно и неизменно, но чего стоила моя любовь? Чего стоил я сам? Я не обладал мужеством рядового клерка, не умел работать, чтобы заслужить тебя. Теперь я тебя потерял и даже способен радоваться этому: для тебя это к лучшему. Когда ты впервые появилась у нас в доме, – помнишь ли ты те дни, я так хочу, чтобы ты их не забывала, – тогда ты знала меня в мою лучшую пору, знала все лучшее, что есть во мне. Помнишь тот день, когда я взял твою руку и не отпускал ее, и тот день, когда мы глядели с моста Бэттерси на баржу и я начал рассказывать одну из своих дурацких историй, а потом вдруг сказал, что люблю тебя? Тогда было начало, а сейчас, здесь, – конец. Когда прочтешь письмо, обойди и поцелуй всех за меня на прощание – отца и мать, братьев и сестер, одного за другим, и бедного дядюшку. Попроси их всех забыть меня

и забудь сама. Поверни в двери ключ, не пускай обратно воспоминаний обо мне, покончи с призраком, который выдавал себя за живого человека и мужчину и похитил твою любовь. Все время, пока я пишу, меня мучает презрение к себе: я бы должен сообщить, что я благополучен и счастлив и ни в чем не нуждаюсь. Не то чтобы я хорошо зарабатывал – в таком случае я послал бы вам денег, – но обо мне заботятся, у меня есть друзья, я живу в дивном месте, о каком мы с тобой мечтали, так что жалеть меня незачем. В таких местах, как ты понимаешь, живется легко и неплохо, но часто бывает трудно заработать хотя бы полшиллинга. Растолкуй это моему отцу, он поймет. Больше мне нечего прибавить, я только мешкаю, точно гость, которому не хочется уходить. Да благословит тебя Бог. Подумай обо мне в последний раз, представь меня здесь, на ярком берегу, где небо и море неестественно сини и огромные буруны ревут на барьерном рифе, где островок сплошь покрыт зеленью пальм. Я здоров и крепок. И все-таки я умираю.

Умереть так приятнее, чем если бы вы толпились у постели больного. Шлю тебе прощальный поцелуй. Прости и забудь недостойного».

Он уже дошел до этих слов, бумага вся была исписана, и тут на него нахлынули воспоминания: вечера за фортепьяно, и та песня, шедевр любви, в котором столь многие нашли выражение для своих драгоценнейших чувств. «Однажды, о чудо!» — приписал он. Этого было достаточно. Он знал, что в сердце его любимой вспыхнут все слова в сопровождении прекрасных образов и мелодии — о том, как всю жизнь ее имя будет звучать в его ушах, ее имя будет повсюду повторяться в звуках природы, а когда придет смерть и душа его отлетит, память о ней будет еще долго трепетать в его мертвом теле.

Однажды, о чудо! Однажды из пепла моего сердца

Вырос цветок…

Геррик с капитаном закончили почти одновременно. Оба задыхались. Глаза их встретились, и оба отвернулись, заклеивая конверты.

— Что-то длинно вышло, — сказал капитан

грубовато. — Сперва не получалось, а потом как прорвало.

— У меня то же самое, — отозвался Геррик. — Стоило начать, и, кажется, мне не хватило бы и целой стопки. Но это было бы в самый раз для всех тех хороших слов, которые мне хотелось написать.

Они не кончили еще надписывать адреса, когда небрежной походкой подошел клерк, ухмыляясь и помахивая конвертом, как человек, который очень доволен собой. Он заглянул Геррику через плечо.

— Это что? — спросил он. — Да вы вовсе не домой пишете.

— Нет, все-таки домой, — возразил Геррик, — она живет у моего отца. А-а, я понял, что вы имеете в виду, — добавил он. — Мое настоящее имя Геррик. Я такой же Хэй, как и вы, смею думать.

— Ловко забили шар! — клерк расхохотался. — Меня звать Хьюиш, ежели хотите знать. На островах у всех имена выдуманные. Ставлю пять против трех, что у нашего капитана тоже не свое.

— Угадали, — ответил капитан. — Своего я не выговаривал с того дня, как вырвал заглавную

страницу из Боудича и забросил его к черту в океан. Но вам, ребятки, я скажу: меня зовут Джон Дэвис. Я Дэвис с «Морского скитальца».

— Быть не может! — вставил Хьюиш. — А что это был за корабль? Пират или работорговец?

— Это был самый быстроходный барк, когда-либо выходивший из Портленда, штат Мэн, — ответил капитан, — а потерял я его так, что с таким же успехом мог сам провертеть сверлом дыру у него в борту.

— Так вы его потеряли? — протянул клерк. — Надо думать, он был застрахован?

Не получив ответа на свою шутку, Хьюиш, все еще распираемый желанием поговорить, перескочил на другой предмет.

— Очень мне охота прочесть вам мое письмо, — начал он. — У меня недурно получается, когда я в ударе, а я придумал первоклассную шутку. Я с ней познакомился в Нордэмптоне, она служила в баре: такая свеженькая миленькая штучка, бездна шику. Мы с ней спелись, точно актеры в театре. Я на эту девчонку потратил, наверное, не меньше пяти фунтов. Ну вот, я вспомнил ее имя, написал ей и нарассказал, будто я разбогател, женился на королеве Островов и живу в прекрасном дворце. Наврал с три короба! Я вам прочту кусочек про

то, как я в цилиндре открывал парламент у черномазых. Обхохочетесь!

Капитан вскочил.

— Вот что ты сделал с бумагой? Стоило мне ее для тебя клянчить!

Вероятно, счастье для Хьюиша (которое в конце концов обернулось несчастьем для всех), что как раз в эту минуту на него напал обычный изнуряющий приступ кашля, — в противном случае товарищи покинули бы его — так велико было их негодование. Когда приступ миновал, клерк подобрал свое письмо, упавшее на землю, и разорвал на клочки.

— Довольно с вас? — угрюмо спросил он.

— Не будем больше об этом говорить, — ответил Дэвис.

Глава 3
Старая тюрьма. Судьба у дверей

Бывшая тюрьма, где так долго укрывались трое бездомных, представляет собой низкое прямоугольное здание с внутренним двором на углу тенистой западной улочки, по дороге к британскому консульству. Двор, поросший травой, усеян всяческими обломками, обрывками, остатками и носит следы пребывания бродяг. На двор выходят не то шесть, не то семь камер; двери, за которыми в свое время томились мятежные китоловы, теперь валяются тут же, на траве. Камеры не сохранили от своего прежнего назначения ничего, кроме ржавых прутьев на окнах.

Пол в одной из камер был слегка подметен; ведро с водой (последняя собственность, оставшаяся у троих отщепенцев) стояло на полу у двери, подле него — половина кокосового ореха вместо ковша; на драных остатках матраса спал Хьюиш — на спине, с открытым ртом и с лицом, как у мертвеца. Зной тропического дня, зелень освещенной солнцем листвы заглядывали в этот темный угол сквозь дверь и окно.

Геррик, шагавший взад-вперед по коралловому полу, время от времени останавливался и обмывал лицо и шею тепловатой водой из ведра. Долгие страдания позади, бессонная ночь, унижения минувшего утра и, наконец, муки, пережитые за то время, что он писал письмо, — все это привело его в то взвинченное состояние, когда боль чуть ли не доставляет удовольствие, время стягивается в миг, а смерть и жизнь становятся равно безразличны. Он ходил взад и вперед, как хищный зверь в клетке, сознание его блуждало в хаосе мыслей и воспоминаний, взгляд скользил по надписям на стенках. Полуосыпавшаяся штукатурка была сплошь покрыта ими: таитянские имена, французские и английские имена, грубые изображения парусных кораблей и дерущихся людей.

Ему вдруг пришло в голову, что он тоже должен оставить на этих стенах след своего пребывания. Он нашел чистое место, вынул карандаш и задумался. В нем проснулось тщеславие, которое так трудно заглушить в себе. По крайней мере, мы называем это тщеславием, хотя, быть может, и несправедливо. Скорее, его подтолкнуло ощущение собственного бытия. Сознание, что жизнь — то единственное и главное, чего он не пытался

удержать хотя бы пальцем. Из глубины его взбудораженного существа возникло предчувствие близящейся перемены — к добру или к худу, он не мог сказать. Перемены — только это он и знал, перемены, приближавшейся неслышно, с закутанным, непроницаемым лицом. Вместе с этим предчувствием возникло видение концертного зала, мощные звуки инструментов, затихшая публика и громкий голос музыки. «Судьба стучится в дверь», — подумал он, начертил пять нотных линеек на штукатурке и записал знаменитую фразу из Пятой симфонии[13]. «Ну вот, — подумал он, — они узнают, что я любил музыку и обладал классическим вкусом. Они? Он, я полагаю, — неизвестная родственная душа, которая попадет когда-нибудь сюда и прочтет мою memor querela[14]. Ха, он получит еще и латынь». И он добавил: «Terque quaterque beati Queis ante ora patrum»[15].

Он опять принялся беспокойно шагать, но

---

[13] Примечания: 13

…из Пятой симфонии. — Произведение Бетховена.

[14] Примечания: 14

Памятная жалоба *(лат.).*

[15] Примечания: 15

«Трижды и четырежды блаженны те, что находятся пред отеческим алтарем» ***(лат.).***

теперь он испытывал необъяснимое и утешительное чувство, словно исполнил свой долг. Этим утром он выкопал себе могилу, сейчас начертал эпитафию; складки тоги уложены — чего же ради откладывать пустячное дело, которое только и осталось совершить?

Геррик остановился и долго всматривался в лицо спящего Хьюиша, упиваясь своим разочарованием и отвращением к жизни. Он нарочно растравлял себя созерцанием этой гнусной физиономии. Может ли так продолжаться? Что его еще связывает? Разве нет у него прав, а есть только одна обязанность продолжать путь без отдыха и отсрочки и сносить невыносимое? «Ich trage unertragliches»[16], — всплыла в памяти строчка; он прочел все стихотворение, одно из совершеннейших стихотворений совершеннейшего из поэтов, и его словно ударила фраза «Du, stolzes Herz, du hast est ja gewollt»[17]. А где его гордое сердце? И он, опьяняясь презрением к самому себе, обрушился на себя со сладострастием, подобным тому, с каким растравливают больную душу: «У меня нет гордости, нет сердца, нет муже-

---

[16] Примечания: 16
«Я несу невыносимое» *(нем.).*

[17] Примечания: 17
«Ты, гордое сердце, ты так хотело» *(нем.).*

ства, иначе как бы я мог влачить эту жизнь, более позорную, чем виселица? Как мог опуститься до нее? Ни гордости, ни способностей, ни силы духа. Даже не разбойник. И голодаю тут — с кем? С тем, кто хуже разбойника, — с ничтожным дьявольским приспешником!» Ярость против товарища нахлынула на него, оглушила; он погрозил кулаком спящему.

Послышались быстрые шаги. На пороге показался капитан, задыхающийся, раскрасневшийся, с блаженным лицом. В руках он нес хлеб и бутылки с пивом, карманы оттопыривались от сигар. Он свалил свои сокровища на пол, схватил Геррика за обе руки и разразился громким смехом.

— Открывайте пиво! — закричал он. — Открывайте пиво и возглашайте аллилуйю!

— Пиво? — переспросил Хьюиш, с трудом поднимаясь.

— Вот именно! — воскликнул Дэвис. — Пиво, да еще сколько! Каждый может употребить — точно зубные таблетки от Ланона — надежно, гигиенично. Ну, кто за хозяина?

— Уж это предоставьте мне, — сказал клерк.

Он отбил горлышко у бутылок обломком коралла, и они по очереди выпили из кокосовой скорлупы.

— Закуривайте, — сказал Дэвис. — За все оплачено.

— Что случилось? — спросил Геррик.

Капитан вдруг посерьезнел.

— Я к этому и веду, — ответил он. — Мне надо потолковать с Герриком. А ты, Хэй, или Хьюиш, или как тебя еще, забирай курево и бутылку и сходи посмотри, как поживает ветер под пурау. Я тебя позову, когда надо будет.

— Секреты? Так не годится, — сказал Хьюиш.

— Послушай, сынок, — сказал капитан, — речь идет о деле, заруби себе на носу. Хочешь упрямиться — как знаешь, оставайся здесь. Но имей в виду: если уйдем мы с Герриком, то заберем с собой и пиво. Понятно?

— Да я вовсе не собираюсь вставлять палки в колеса, — возразил Хьюиш. — Сейчас уберусь. Давайте вашу бурду. Можете трепать языком, пока не посинеете, мне наплевать. Я только считаю, что это не по-товарищески, вот и все.

И он, шаркая ногами, потащился вон из камеры под жгучее солнце.

Капитан подождал, пока он покинет двор, и тогда повернулся к Геррику.

— Что такое? — хрипло спросил тот.

— Сейчас скажу, — ответил Дэвис. — Мне надо с

вами посоветоваться. У нас есть шанс… Что это? — воскликнул он, указывая на ноты на стене.

— Что? — переспросил Геррик. — Ах, это! Это музыка — я записал фразу из Бетховена. Она означает, что судьба стучится в дверь.

— Вот как? — протянул капитан, понизив голос, он подошел поближе и стал рассматривать надпись. — А французский что значит? — спросил он, ткнув пальцем в латынь.

— Ну, это просто значит: лучше бы мне умереть дома, — нетерпеливо ответил Геррик. — Так в чем дело?

— «Судьба стучится в дверь», — повторил капитан и, оглянувшись через плечо, сказал: — Знаете, мистер Геррик, дело ведь именно в этом.

— Что это значит? Объясните.

Но капитан снова уставился на ноты.

— А примерно когда вы написали эту штуковину?

— Какое это имеет значение? — воскликнул Геррик. — Скажем, с полчаса назад.

— Господи помилуй, вот чудеса! — вскричал Дэвис. — Некоторые назвали бы это совпадением, но только не я. А я, — и он провел толстым пальцем по строчкам, — назову это Провидением.

— Вы сказали, что у нас есть шанс, — напомнил

Геррик.

— Да, сэр! — произнес капитан, вдруг круто поворачиваясь лицом к собеседнику. — Я так сказал. Если вы такой человек, за какого я вас принимаю, значит, у нас есть шанс.

— Не знаю, за какого человека вы меня принимаете, — ответил тот. — Берите ниже — не ошибетесь.

— Дайте руку, мистер Геррик, — сказал капитан. — Я вас знаю. Вы — джентльмен и человек мужественный. Я не хотел говорить при этом лодыре, увидите почему. Но вам я сейчас все выложу. Я получил судно.

— Судно? — воскликнул Геррик. — Какое?

— Ту шхуну, которую мы видели утром в стороне от входа в гавань.

— Шхуна с карантинным флагом?

— Та самая посудина, — ответил Дэвис. — Это «Фараллона», сто шестьдесят тонн водоизмещением, идет из Фриско[18] в Сидней с калифорнийским шампанским. Капитан, помощник и один матрос померли от оспы, наверное, подхватили в Паумоту. Капитан с помощником были единственными белыми, вся команда — канаки. Для

---

[18] Примечания: 18

Фриско — жаргонное название г. Сан-Франциско.

христианского порта, конечно, странный подбор. Остались трое матросов и повар. Как они плыли — не знают. Я, кстати, тоже не знаю, как они плыли. Должно быть, Уайзман пил беспробудно, если их занесло сюда. Во всяком случае, он помер, а канаки все равно что заблудились. Они шатались по океану, точно младенцы по лесу, и напоследок уперлись носом в Таити. Здешний консул взялся за это дело, предложил место капитана Уильямсу; Уильямс не болел оспой и отказался. А я тут и явился за почтовой бумагой. Мне показалось, будто что-то наклевывается, когда консул посоветовал мне заглянуть еще, но вам двоим я тогда ничего не стал говорить, чтобы потом не разочароваться. Консул предложил Мак-Нейлу — тот испугался оспы. Предложил корсиканцу Капирати и потом Леблу, или как его там, — не пожелали взяться, дрожат за свои драгоценные шкуры. Наконец, когда уже никого больше не осталось, он предлагает мне. «Браун, беретесь доставить шхуну в Сидней?» — спрашивает он. «Разрешите мне самому выбрать помощника и одного белого матроса, — говорю я, — не доверяю я что-то этой шайке канаков. Заплатите нам всем троим за два месяца вперед, чтобы выкупить из заклада нашу одежду и инструменты, и сегодня

к вечеру я проверяю кладовые, пополняю запасы и завтра засветло выхожу в море!» Вот что я ему ответил. «Это меня устраивает, — говорит консул. — И можете считать, Браун, что вам чертовски повезло», — говорит он. И этак многозначительно на меня смотрит. Ну, да теперь это не имеет значения. Хьюиша я беру простым матросом, поселяю, само собой, на корму, а вас назначаю помощником за семьдесят пять долларов, и жалованье за два месяца вперед.

— Меня — помощником? Да какой же я моряк! — вскричал Геррик.

— Значит, придется научиться, — сказал капитан. — Вы что, воображаете, что я удеру, а вас оставлю тут помирать на мели? Не на того напали, дружище. Да и, кроме того, вы справитесь, я ходил с помощниками и похуже.

— Видит бог, я не могу отказаться, — сказал Геррик. — И, видит бог, я благодарю вас от всего сердца.

— Вот и хорошо, — ответил капитан. — Но это не все. — Он отвернулся, чтобы зажечь сигару.

— А что еще? — спросил Геррик с необъяснимой, но острой тревогой.

— Сейчас подойду и к этому… — Дэвис помолчал минуту. — Слушайте, — продолжал он, держа

сигару между большим и указательным пальцами, — попробуйте смекнуть, к чему это ведет. Не понимаете? Ладно, мы получаем двухмесячное жалованье, меньше нельзя — иначе нас не выпустят кредиторы. Раньше чем через два месяца нам до Сиднея не добраться, а когда мы туда попадем… Я вас прямо спрашиваю: что нам это даст?

— По крайней мере, мы снимемся с мели, — ответил Геррик.

— Подозреваю, что в Сиднее есть свои мели, — возразил капитан. — Сказать вам честно, мистер Геррик, я и не собираюсь это выяснять. Нет, сэр! Сидней меня не увидит.

— Говорите проще, — сказал Геррик.

— Проще простого, — ответил капитан. — Я собираюсь присвоить шхуну. В этом нет ничего нового, в Тихом океане каждый год так делают. Стивенс ведь украл недавно шхуну? Хэйз и Пис крали судно за судном. И таких случаев тьма. А груз? Подумайте-ка. Шампанское! Да его как нарочно для нас погрузили. Мы продадим его в Перу прямо на пирсе, а с ним и шхуну, коли найдем дурака, который ее купит. А потом нас ищи свищи. Если вы меня поддержите, клянусь моей жизнью, я доведу дело до конца.

— Капитан, — произнес Геррик дрогнувшим

голосом, — не делайте этого.

— Я доведен до отчаяния! — возразил Дэвис. — Подвернулся случай, другого может не быть. Геррик, скажите одно слово, поддержите меня, ведь мы так долго вместе бедствовали.

— Не могу. Простите меня. Но я не могу. Я все-таки еще не так низко пал, — ответил, смертельно побледнев, Геррик.

— А что вы говорили сегодня утром? Что не можете попрошайничать? Либо — либо, сынок.

— Да, но это грозит тюрьмой! — воскликнул Геррик. — Не искушайте меня. Это — тюрьма.

— Слышали, что сказал капитан шхуны, где мы были сегодня утром? — упорствовал капитан. — Ну так он сказал правду. Французы нас не трогали достаточно долго, больше так продолжаться не может. Мы и у них на примете, будьте уверены. Через три недели вы все равно окажетесь в тюрьме, что бы вы ни делали. Я прочел это на лице консула.

— Вы забываете, капитан, — возразил молодой человек. — Есть еще выход. Я могу умереть. Сказать по правде, мне следовало бы умереть три года назад.

Капитан сложил руки на груди и посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, — сказал он, — вы можете перерезать себе глотку, что верно, то верно. И большая вам от этого будет польза? А мне что прикажете делать?

Лицо Геррика засветилось странным возбуждением.

— Оба, — сказал он, — оба, вместе. Не может быть, чтобы затея эта доставляла вам удовольствие. Пойдем, — он нерешительно протянул руку, — несколько всплесков в лагуне — и успокоение!

— Знаете, Геррик, мне охота ответить вам, как в Библии: «Изыди, Сатана!» Как! Думаете, я пойду топиться, когда у меня дети умирают с голоду? Доставляет удовольствие? Нет, черт возьми, не доставляет! Но это мой тяжкий крест, и я его понесу, пока не свалюсь. У меня трое детишек, поймите, двое мальчуганов и девочка, Эйда. Беда та, что вы не отец. Я вам скажу, Геррик, я вас люблю, — вырвалось у капитана, — вы мне сначала не понравились, уж слишком вы были англичанин и воспитанный, но теперь я вас полюбил. Не кто другой, как любящий, борется сейчас с вами. Я не могу выйти в море только с лодырем — это невозможно. Если вы утопитесь, пропал мой последний шанс, последний шанс жалкого бедняги, который хочет заработать на кусок хлеба для

своей семьи. Я ничего другого не умею — только водить корабли, а бумаг у меня нет. А тут мне вдруг подвертывается случай, и вы меня бросаете одного! Эх, нет у вас семьи, вот в чем беда!

— Положим, она у меня есть, — возразил Геррик.

— Да, я знаю, — ответил капитан, — вы думаете, что есть. Но семья только тогда, когда есть дети. Только дети идут в счет. Что-то есть в этих плутишках такое… Не могу о них говорить спокойно. Ежели бы вы и впрямь думали о своем отце, о котором столько говорите, или о милой, которой писали сегодня утром, вы бы чувствовали то, что чувствую я. Вы бы сказали: «Что значат законы, и Бог, и все прочее? Моим родным тяжело живется, но ведь они мне свои, я добуду им хлеб или, клянусь, добуду им деньги, даже если придется сжечь Лондон». Вот как бы вы сказали. И даже более того: в душе вы так и говорите в эту самую минуту. Я вижу по вашему лицу. Вы думаете: «Плохой я друг человеку, с которым вместе нищенствовал; а что до девушки, в которую я считаю себя влюбленным, то дохлая же это любовь, если ради нее я не решаюсь пойти на то, на что почти любой согласился бы за бутыль виски». Маловато романтики в такой любви, не о том

ведется речь во всяких песенниках. Да что толку мне вас уговаривать, когда в душе у вас можно читать как по писаному. В последний раз вас спрашиваю. Покинете вы меня в самую нужную минуту — судите сами, покинул ли я вас, — или дадите мне руку и попробуете попытать счастья и вернуться домой — почему бы и нет! — миллионером? Скажите «нет», и да сжалится над вами Господь! Скажите «да», и я научу своих малышей на коленях молить за вас Бога каждый вечер. «Благослови, Бог, мистера Геррика!» — вот что они будут повторять один за другим; женка будет в это время сидеть в ногах кровати и держаться за столбики, а маленькие невинные дьяволята… — Он остановился. — Я нечасто распространяюсь про ребятишек, — сказал он, — но уж коли начну, то не остановишь.

— Капитан, — слабым голосом спросил Геррик, — а нет другого выхода?

— Если хотите, я займусь пророчеством, — подхватил капитан с новой энергией. — Откажетесь от моего предложения из-за того, что считаете себя слишком честным, и не пройдет месяца, как окажетесь в тюрьме за мелкое воровство. Даю вам мое честное слово. Я это предвижу, Геррик, если вы этого не видите: вы ведь сломлены. Не

думайте, что если сейчас вы откажетесь, вы так и будете жить, как святой. Вы уже почти выдохлись. Не успеете оглянуться, как броситесь в противоположную сторону. Нет, либо мое предложение, либо Новая Каледония. Уверен, что вы там не бывали и не видали этих белых людей — обритых, в пыльной одежде и в соломенных шляпах, когда они бродят шайками по Нумеа при свете фонарей. Они похожи на волков, похожи на проповедников и похожи на помешанных. Хьюиш по сравнению с лучшими из них — ангел. Вот какая вас ждет компания, Геррик, и вы к ним непременно попадете, я вам это предсказываю.

И в самом деле, когда он так стоял и вся его могучая фигура сотрясалась от возбуждения, казалось, что в него вселился пророческий дух и вещает его устами. Геррик взглянул на него и отвел взгляд — неловко было подглядывать за таким волнением. И всякое мужество покинуло Геррика.

— Вы говорите о возвращении домой, — запротестовал он. — Это невозможно.

— Для нас невозможно, — возразил тот. — Капитану Брауну нельзя, мистеру Хэю, его помощнику, нельзя. Но какое отношение это имеет к капитану Дэвису или к мистеру Геррику, недотепа

вы этакий?

— Но ведь у Хэйза были его дикие острова, куда он наезжал, — последовало еще одно робкое возражение.

— А у нас вместо диких островов будет Перу, — ответил Дэвис. — Оно было достаточно диким для Стивенса не дальше как в прошлом году. Думаю, что и для нас дикости хватит.

— А команда?

— Канаки… Ну же, я вижу, вы одумались, дружище. Я вижу, вы со мной.

И капитан снова протянул руку.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Геррик. — Я пойду на это. Странный поступок для сына моего отца, но я на это пойду. Я пойду с вами, капитан, на жизнь и на смерть!

— Благослови вас Бог! — воскликнул капитан и умолк. — Геррик, — добавил он, улыбаясь, — я, наверное, помер бы на месте, если бы вы ответили «нет».

И Геррик, поглядев на него, почти уверился в этом.

— А теперь объявим новость лодырю, — сказал Дэвис.

— Интересно, как он ее примет, — сказал Геррик.

— Он-то? Ухватится обеими руками! — последовал ответ.

Глава 4
Желтый флаг

Шхуна «Фараллона» стояла при входе в лагуну, в самом узком месте, где перепуганный лоцман поспешил ее поставить и сбежать. Если глядеть с берега сквозь редкую полосу судов, на фоне открытого моря выделялись два предмета: по одну сторону — островок с пальмами, пушками и бастионами, возведенными сорок лет назад для защиты столицы королевы Помары, по другую сторону — отщепенка «Фараллона», изгнанная за порог порта; она переваливалась с борта на борт до самых шпигатов, размахивая флагом бедствия. Несколько морских птиц с писком и криком носились вокруг шхуны, а невдалеке, на безопасном расстоянии, держался сторожевой катер с военного корабля. Оружие поблескивало в руках солдат. Неистовый солнечный свет и слепящие тропические небеса придавали картине выпуклость и законченность.

Аккуратная шлюпка с туземцами в матросской одежде на веслах и портовым доктором за рулем отделилась от берега в третьем часу дня

и быстро направилась к шхуне. Носовая часть шлюпки была завалена мешками с мукой, луком, картофелем, и среди всего этого восседал Хьюиш, наряженный фок-мачтовым; груда сундуков и ящиков мешала гребцам; на корме, слева от доктора, сидел Геррик в готовой дешевой паре, его каштановая борода была подрезана и заострена, на коленях лежала кипа дешевых романов, а в ногах покоился хронометр, которым заменили хронометр с «Фараллоны», давно остановившийся и потерявший всякую ценность.

Они миновали сторожевой катер, обменялись окликами с помощником боцмана и, наконец, подошли к запретному кораблю. Оттуда не доносилось ни шороха, ни звука, и оттого, что море было очень бурным и риф близок, вокруг шхуны стоял грохот прибоя, похожий на грохот битвы.

— Эй, на шхуне! — окликнул доктор как можно громче.

Тотчас же из надстройки, куда они складывали припасы, показался сперва Дэвис, а за ним оборванная темнокожая команда.

— Привет, Хэй, это вы? — сказал капитан, облокачиваясь на поручни. — Пусть доктор пришвартуется тихонечко, будто это корзина с яйцами. Тут дьявольски бурно, а шлюпка-то

прехрупкая.

Шхуну как раз швырнуло особенно яростно. Она то задирала кверху борт, точно хороший глубоководный пароход, обнажая сверкающую медь, то ее кидало вниз, к шлюпке, так что в шпигатах начинала бурлить вода.

— Надеюсь, вы хорошо переносите морскую качку, — заметил доктор. — Без этого вам придется плохо.

Действительно, для того чтобы подняться на борт «Фараллоны» в этом открытом месте, требовалась немалая ловкость. Менее ценные товары были подняты наверх кое-как; хронометр после нескольких неудачных попыток осторожно передали из рук в руки; и осталось самое трудное — погрузить Хьюиша. Наконец даже этот мертвый груз (нанятый матросом первого класса за восемнадцать долларов и отрекомендованный в разговоре с консулом как бесценный работник) был благополучно переправлен на судно, и доктор, вежливо попрощавшись, отплыл обратно.

Трое авантюристов обменялись взглядами, а Дэвис испустил вздох облегчения.

— Теперь давайте установим хронометр, — сказал он и первым вошел в надстройку.

Там было довольно просторно: из кают-компа-

нии дверь вела в две другие каюты и порядочных размеров кладовую; переборки были выкрашены в белый цвет, пол покрыт линолеумом. Не осталось никакого беспорядка, никаких признаков прежней жизни — имущество умерших подверглось дезинфекции и было переправлено на берег. Только на столе в блюдечке горела сера, и пары ее заставили вошедших закашляться. Капитан заглянул в каюту по правому борту, где на койке все еще валялись скомканные простыни и отброшенное одеяло, как его отбросили с обезображенного трупа, собираясь хоронить.

— Черт, я же велел черномазым выкинуть этот хлам в воду, — проворчал Дэвис. — Они, наверное, боятся дотронуться. Ладно, по крайней мере, они полили здесь из шланга, и на том спасибо. Хьюиш, беритесь за тряпки.

— Идите вы!.. — огрызнулся Хьюиш, делая шаг назад.

— Это еще что? — рявкнул капитан. — Мой юный друг, вы, кажется, забываетесь — капитан здесь я.

— А мне-то что, — отрезал клерк.

— Ах, так? — заревел Дэвис. — Тогда отправляйтесь спать к черномазым! Марш отсюда!

— Скажите пожалуйста! — протянул Хью-

иш. — Думаете, на простачка напали? Шутки шутками…

— Ладно, я сейчас вам разъясню, как обстоит дело, и вы поймете раз и навсегда, пахнет ли тут шутками, — сказал Дэвис. — Я — капитан, и я им буду. Одно из трех. Либо вы подчиняетесь моим приказам как стюард, и в таком случае вы столуетесь с нами. Либо вы отказываетесь подчиняться, я вас отсюда выставляю, и вы катитесь без всяких разговоров. Либо, последнее, я подаю сигнал вон тому военному кораблю и отсылаю вас под конвоем на берег как арестованного за мятеж.

— А я себе помалкиваю, так вы считаете? Не на такого напали! — с издевкой отпарировал Хьюиш.

— А кто тебе поверит, сынок? — спросил капитан. — Нет, сэр! Мое капитанство — дело нешуточное. Хватит разговаривать. Берите тряпки.

Хьюиш был не дурак и понимал, когда проигрывал; не был он и трусом: он подошел к койке, взял в охапку заразное белье с постели и понес его вон без проволочек и без тени страха.

— Я ждал этого предлога, — сказал Дэвис Геррику. — С вами я этого проделывать не стану, вы и сами все понимаете.

— Вы собираетесь спать здесь? — спросил Гер-

рик, следуя за капитаном в одну из кают, где тот принялся прилаживать хронометр в изголовье кровати.

— Ничуть не бывало! — ответил тот. — Пожалуй, я буду спать на палубе. Не то чтобы я боялся, но как-то мне сейчас оспа ни к чему.

— И я не то чтобы боялся, — сказал Геррик, — но как подумаю о тех двоих, худо делается: как тут капитан с помощником умирали друг против друга… Страшная история. Интересно, что они сказали напоследок?

— Уайзман и Уишерт? — переспросил капитан. — Наверное, пустяки какие-нибудь. Заранее представляешь себе все это так, а на поверку выходит совсем иначе. Может, Уайзман сказал: «Слушай, дружище, тащи-ка сюда джину, меня что-то уж здорово пошатывает». А Уишерт, верно, ответил: «Ох, жуткое дело!»

— Вот это и страшно, — сказал Геррик.

— Так оно и есть, — заключил Дэвис. — Готово, хронометр установлен, теперь самое время сниматься с якоря и убираться.

Он зажег сигару и вышел на палубу.

— Эй, ты! Как твое имя? — крикнул он одному из матросов, узкобедрому ладному парню с какого-то дальнего острова на западе, темнокожему

почти как африканец.

— Сэлли Дэй, — ответил тот.

— Вот так дьявол… — заметил капитан. — Не знал, что у нас на борту есть дамы. Ну, Сэлли, будь добр, спусти вон ту тряпку. Другой раз я тебе сослужу такую же службу. — Он наблюдал, как желтый флаг опускается через салинг[19] и ложится на палубу. — Больше вы не будете болтаться с кораблем где попало. Собирайте народ на корму, мистер Хэй, — добавил он излишне громким голосом. — Мне надо им кое-что сказать.

С неизведанными дотоле ощущениями Геррик приготовился впервые в жизни обратиться к экипажу. Он благодарил небо за то, что они туземцы. Но даже туземцы, размышлял он, могут угадать в нем новичка, могут заметить промах, отступление от того специфичного английского языка, который принят на судах. Возможно, они и не понимают другого. И он напрягал память в поисках нужных слов, припоминая все, что знал из морской романтики.

— Эй, ребята, давай на корму! — крикнул он. — Живей, живей! Все на корму!

Они столпились в проходе, как овцы.

---

[19] Примечания: 19

Салинг — рама, состоящая из продольных и поперечных брусьев, служащая для натяга снастей стоячего такелажа.

— Они здесь, сэр, — доложил Геррик.

Некоторое время капитан продолжал стоять лицом к корме, затем с пугающей внезапностью повернулся к команде и, кажется, остался доволен их испугом.

— Значит, так, — сказал он, перекатывая во рту сигару и перебирая спицы штурвала. — Я — капитан Браун. Я командую этим судном. Это мистер Хэй, старший офицер. Еще один белый — стюард, но он будет нести вахту и стоять у штурвала. Мои приказания исполнять проворно. Понятно, что такое «проворно»? Никаких жалоб на кормежку: она будет выше нормы. К мистеру Хэю обращаться «мистер Хэй, помощник» и добавлять «сэр», когда отвечаете на любой мой приказ. Будете работать проворно и ловко — всем обеспечу райскую жизнь. — Он вынул сигару изо рта. — Но если нет, — загремел он, — я вам тут же устрою сущий ад! Теперь, мистер Хэй, с вашего разрешения, выберем вахтенных.

— Хорошо, — ответил Геррик.

— Будьте любезны прибавлять «сэр», когда обращаетесь ко мне, мистер Хэй, — заметил капитан. — Я беру себе даму. Отойди к правому борту, Сэлли. — Затем он шепнул Геррику на ухо: — Возьмите старика.

— Вон ты, я беру тебя, — сказал Геррик.

— Как тебя звать? — спросил старика капитан. — Как ты говоришь? Ну нет, это не по-английски. Я не потерплю у себя на судне вашей разбойничьей тарабарщины. Мы тебя будем звать старый Дядюшка Нед, потому что на макушке, где должны расти волосы, у тебя их нет. Отойди к левому борту, Дядюшка. Ты разве не слышал, что мистер Хэй тебя выбрал? Дальше я возьму Белокожего. Белокожий, отойди направо. Так, а кто из вас двоих кок? Ты? Тогда мистер Хэй возьмет твоего приятеля в синих штанах. Отойди налево, Штаны. Ну вот, теперь известно, кто вы: Штаны, Дядюшка Нед, Сэлли Дэй, Белокожий и кок. Все чистокровные аристократы, как я понимаю. А теперь, мистер Хэй, мы, с вашего позволения, снимемся с якоря.

— Ради бога, подскажите мне какие-нибудь слова, — прошептал Геррик.

Час спустя «Фараллона» стояла под всеми парусами, руль был взят лево на борт, и весело позвякивающий кабестан[20] втянул якорь на место.

— Путь свободен, сэр! — прокричал Геррик с

---

[20] Примечания: 20

Кабестан (шпиль) — ворот, устанавливаемый на судах для вытягивания якорных цепей, тросов.

носа.

Капитан взял шхуну в руль, когда она, как застоявшийся конь, рванулась вперед, дрожа и клонясь под ветром. Сторожевой катер послал прощальный оклик, кильватер побелел и застроился, и «Фараллона» вышла в море. На якоре она стояла у самого прохода. Как только она прянула вперед, Дэвис сразу же направил ее в коридор между двумя краями рифа, где по обе стороны кипели и шумели буруны. Сквозь узкий синий просвет шхуна ринулась в открытое море, и душа капитана возликовала, когда он почувствовал дрожь палубы под ногами и, оглянувшись поверх гакаборта[21], увидел движущиеся крыши Папеэте и горы, возвышающиеся позади.

Но они еще не покончили с берегом и страхом перед желтым флагом. Когда они очутились примерно на середине коридора, раздался крик, поднялась суматоха, на глазах у всех человек вскочил на поручни и, выбросив руки над головой, перегнулся и прыгнул в воду.

— Так держать! — крикнул капитан, передавая штурвал Хьюишу.

---

[21] Примечания: 21

Гакаборт — верхняя закругленная часть кормовой оконечности судна. На гакаборт накладывались резные узоры, служившие для украшения.

В следующую секунду он был среди канаков с кафельнагелем[22] наготове.

— Кто еще хочет на берег? — заорал он, и этот бешеный рев нагнал на всех страху не меньше, чем оружие в его руке.

Канаки тупо глядели вслед сбежавшему, чья черная голова виднелась на воде, удаляясь от шхуны к берегу. А шхуна тем временем, как беговая лошадь, пронеслась по коридору и вырвалась на океанский простор.

— Ну и болван же я, что не держал наготове пистолет! — воскликнул Дэвис. — Ничего не поделаешь, пойдем с неполной командой. Плохо сторожили, мистер Хэй.

— Не представляю, как мы справимся, — сказал Геррик.

— Должны справиться, — возразил капитан. — Хватит с меня Таити.

Оба невольно обернулись и посмотрели назад: одна за другой открывались горы прекрасного острова, с левого борта Эймео поднял свои расщепленные вершины. А шхуна все мчалась дальше в открытое море.

— Подумать только! — воскликнул капитан,

---

[22] Примечания: 22

Кафельнагель — металлический стержень, применяемый для скрепления деревянных конструкций.

взмахнув рукой. — Еще вчера утром я плясал, точно пудель, чтобы заработать себе завтрак.

Глава 5
Груз шампанского

Нос судна был установлен так, чтобы Эймео остался к северу, и капитан уселся в каюте с картой, линейкой и кратким курсом навигации.

— Ост пол к норду, — сказал он, оторвавшись наконец от своего занятия. — Мистер Хэй, ваше дело — следить за счислением. Мне важен каждый ярд, чтобы шхуна не отклонялась от курса ни на волос. Я собираюсь продырявить Туамото, а это всегда риск немалый. Если бы эти зюйд-остовые пассаты дули с зюйд-оста, чего они не делают, то мы могли бы пройти по нашему курсу с точностью до полрумба. Скажем, в пределах румба. Тогда мы обойдем Факарава с наветренной стороны. Да, сэр, так нам и придется сделать, раз мы ложимся на другой курс. Тогда мы пройдем эту кашу мелких островов в самом чистом месте, видите? — И капитан показал точку, где его линейка пересекала расползшийся лабиринт Опасного Архипелага. — Хорошо бы уже была ночь — я бы лег на другой галс прямо сейчас, а так мы теряем время и зря отходим к востоку.

Что делать, потом наверстаем. И если не попадем в Перу, то пристанем к Эквадору. Один черт, я думаю. Грошовые деньги на бочку — и никаких тебе расспросов. Отличное это племя — южноамериканские испанцы.

Таити уже остался за кормой. Диадема возвышалась среди неровных, иззубренных гор, Эймео оказался совсем рядом и, черный, загадочный, выделялся на золотом великолепии запада. И только тогда шхуна оторвалась от двух островов и был брошен лаг.

Минут через двадцать Сэлли Дэй, который то и дело оставлял штурвал и заглядывал в кают-компанию, где висели часы, провозгласил пронзительным голосом:

— Четыре склянки!

И показался кок с супом в руках.

— Я, пожалуй, сяду, перекушу с вами, — сказал Дэвис Геррику. — А когда я закончу, как раз стемнеет, и мы поставим нашу посудину по ветру и помчим в Южную Америку.

Тут же на углу стола, как раз под лампой, сидел Хьюиш, а с наветренной стороны у него стояла бутылка шампанского.

— Это что такое? Откуда это взялось? — спросил капитан.

— Шампанское, из заднего трюма, если вам это интересно, — ответил Хьюиш, выпивая залпом кружку.

— Так не годится! — воскликнул Дэвис, и эта фраза, обнаружившая привычное благоговение торгового моряка перед святыней груза, прозвучала на украденном судне крайне нелепо. — Из таких фокусов никогда ничего путного не выходило.

— Каков младенец! — отозвался Хьюиш. — Послушать его, так подумаешь, будто у нас все по-честному! Ловко вы меня провели, а? Я должен торчать на палубе и стоять за рулем, пока вы тут оба сидите и жрете; мне привесили кличку, а вас я должен величать «сэр» да «мистер». Ну так слушайте меня, мистер командир: я буду пить шампанское, иначе дело не пойдет. Я вам говорю. Вы прекрасно знаете, что теперь у вас нет под боком военного корабля.

Дэвис был ошеломлен.

— Я бы отдал пятьдесят долларов, чтобы этого не случилось, — сказал он упавшим голосом.

— Но это уже случилось, — возразил Хьюиш. — Попробуйте, чертовски славное.

Рубикон был перейден без дальнейшей борьбы. Капитан наполнил кружку и выпил.

— Лучше бы это было пиво, — проговорил он со вздохом. — Но спору нет — штука настоящая, да и дешевка. А теперь, Хьюиш, выметайтесь и становитесь за штурвал.

Дрянной человечек одержал верх и пришел в хорошее настроение.

— Есть, сэр, — ответил он и вышел, предоставив остальным обедать.

— Гороховый суп! — воскликнул капитан. — Будь я проклят, если рассчитывал когда-нибудь опять есть гороховый суп!

Геррик сидел неподвижно, молча. Просто немыслимо было после всех этих месяцев безнадежной нужды вдыхать запах грубой корабельной пищи и не испытывать вожделения. Рот его наполнился слюной от желания попробовать шампанского. Однако равно немыслимо было присутствовать при сцене, разыгравшейся между Хьюишем и капитаном, и не осознать с внезапной остротой, в какую пропасть он упал. «Вор среди воров», — повторял он себе. Он не мог притронуться к супу. Если бы он пошевелился, то лишь затем, чтобы выбежать из-за стола, броситься за борт и пойти на дно честным человеком.

— Что с вами? — сказал капитан. — У вас неважный вид, дружище, выпейте капельку.

Шампанское пенилось и искрилось в кружке; его яркость, его веселое кипение приковали взгляд Геррика.

«Слишком поздно колебаться», — подумал он, рука его сама взялась за кружку, он пригубил, испытывая наслаждение и безудержное желание пить еще, осушил кружку до дна, и, когда поставил ее на стол, глаза его заблестели.

— Все-таки жизнь хороша! — воскликнул он. — Я и забыл, что такое жить. Да, даже ради такой жизни стоит жить. Вино, пища, сухая одежда — что ж, стоит и умереть, стоит отправиться на виселицу! Капитан, скажите-ка: почему все бедняки не становятся ворами?

— Перестаньте, — остановил его капитан.

— Должно быть, они невероятно порядочные люди, — продолжал Геррик. — Тут что-то выше моего понимания. Вспомните тюрьму! А что, если бы нас вдруг отослали сейчас обратно! — Он содрогнулся, словно в конвульсиях, и опустил лицо на сцепленные руки.

— Да что с вами? — закричал капитан.

Ответа не последовало, только плечи Геррика заходили ходуном, так что стол закачался.

— Выпейте еще. Нате, пейте. Я вам приказываю. Не вздумайте плакать, когда худшее позади.

— Я не плачу, — ответил Геррик. Он поднял голову — в глазах его не было слез. — Но это хуже слез. Это ужас перед могилой, из которой мы спаслись.

— Ну вот, теперь беритесь за суп, он вас подкрепит, — добродушно уговаривал Дэвис. — Я же говорил, что вы совсем сломлены. Вы бы не выдержали больше недели.

— И это самое страшное! — вскричал Геррик. — Еще неделя — и я убил бы кого-нибудь за доллар! Господи, и я это понимаю? И я еще живу? Это какой-то кошмар.

— Спокойней, спокойней! Успокойся, сынок. Ешь гороховый суп. Пища — вот что тебе нужно, — сказал Дэвис.

Суп действительно подкрепил Геррика и успокоил его нервы, еще один стакан вина, кусок солонины и жареные бананы довершили дело, и он снова мог взглянуть в лицо капитану.

— Я и не знал, что до такой степени выдохся, — сказал он.

— Ну, — сказал Дэвис, — вы были весь день тверды, как скала, теперь вы немножко поели и опять будете, как скала.

— Да, — ответил Геррик, — теперь я тверд, но странный из меня старший офицер.

— Ерунда! — воскликнул капитан. — Вам нужно только следить за курсом корабля и соблюдать его в пределах полурумба. С этим бы и младенец справился, не то что человек с университетским дипломом. Водить корабли не так уж трудно, когда столкнешься с этим вплотную. А теперь пошли, повернем на другой галс. Несите вашу грифельную доску, и сразу начнем счисление.

С лага при свете нактоуза[23] сняли показания и занесли пройденное расстояние на доску.

— Готовимся к повороту, — объявил капитан. — Дайте штурвал мне, Белокожий, а сами станьте у грота. Гика-тали прошу вас, мистер Хэй, а потом ступайте вперед — следите за передними парусами.

— Есть, сэр, — отозвался Геррик.

— Путь впереди свободен? — спросил Дэвис.

— Свободен, сэр.

— Руль под ветер! — закричал капитан. — Выберите слабину, как только шхуна сделает поворот! — крикнул он Хьюишу. — Больше сил, не запутайтесь ногами в кольцах.

Неожиданно он ударом свалил Хьюиша на палубу и занял его место.

---

[23] Примечания: 23

Нактоуз — шкапик из тикового дерева, дуба или красного дерева, на котором устанавливается компас на судне.

— Вставайте и держите штурвал крепче! — заорал он. — Болван несчастный, вы что — хотели, чтобы вас убило? Потяни кливер-шкоты![24] — закричал он через минуту и добавил, обращаясь к Хьюишу: — Давайте сюда штурвал, попробуйте свернуть тот шкот.

Но Хьюиш, не двигаясь с места, злобно глядел на Дэвиса.

— А вы знаете, что вы меня ударили? — проговорил он.

— А вы знаете, что я спас вам жизнь? — отозвался капитан, не удостаивая того даже взглядом и переводя глаза с компаса на паруса. — Где бы вы были, если бы гик перекинуло и вы бы запутались в слабине? Нет, сэр, больше вам у грота-шкота[25] не стоять. Портовые города полны матросов, стоявших у грота-шкота: они скачут на одной ноге, сынок, а остальных и просто нет в живых. Ставьте гика-тали, мистер Хэй. Ударил вас, говорите? Счастье для вас, что ударил.

— Ладно, — медленно произнес Хьюиш, — по-

---

[24] Примечания: 24

Кливер-шкоты — снасти, которыми растягивается нижний угол косого треугольного паруса.

[25] Примечания: 25

Грота-шкот — снасть, с помощью которой ставится нижний парус на грот-мачте.

жалуй, в этом есть правда. Будем думать, что есть.

Он подчеркнуто повернулся спиной к капитану, ушел в надстройку, и раздавшийся там немедленно выстрел пробки возвестил, что он нашел средство утешиться.

Геррик перешел на корму к капитану.

— Как она сейчас? — спросил он.

— Ост тень норд пол к норду, — ответил Дэвис. — Почти как я ожидал.

— А что подумают матросы?

— Э, они не думают. Им за это не платят, — ответил капитан.

— Кажется, у вас что-то произошло с… — Геррик не договорил.

— Скверная тварь, так и норовит укусить. — Капитан покачал головой. — Но пока вы и я держимся вместе, это не имеет значения.

Геррик лег в проходе с наветренной стороны. Вечер был ясный, безоблачный. Покачивание корабля убаюкивало Геррика, к тому же он ощущал тяжесть первой сытной еды после долгой голодовки. От глубокого сна его разбудил голос Дэвиса:

— Восемь склянок!

Геррик осоловело поднялся и побрел на корму,

где капитан передал ему штурвал.

— Бейдевинд[26], — сказал он. — Ветер немного порывистый. Как рванет посильнее, так забирайте насколько можно к наветренной стороне, но держите полный.

Он шагнул к надстройке, помедлил и окликнул полубак:

— Нет ли там у кого концертины?[27] Молодчина, Дядюшка Нед. Тащи ее на корму, ладно?

Шхуна очень легко слушалась руля, и Герриком, который не спускал глаз с парусов, белевших в лунном свете, овладела дремота. Резкий звук, донесшийся из каюты, вывел его из забытья — там откупорили третью бутылку, и Геррик вспомнил про «Морского скитальца» и про Группу четырнадцати островов. Вслед за этим послышались звуки аккордеона и голос капитана:

Что нам ураганы? Мы набьем карманы

И пойдем, пойдем плясать по берегу реки —

Я в обнимку с Молли, а Том в обнимку

---

[26] Примечания: 26

Бейдевинд — курс парусного судна, при котором его диаметральная плоскость составляет угол менее 90° с направлением ветра.

[27] Примечания: 27

Концертина — пневматический музыкальный инструмент, небольшая гармонь, с клавишами в виде кнопок.

с Полли,

Как вернемся мы из Южной Аме-ри-ки![28]

Звучала затейливая мелодия; вахтенный внизу остановился у передней двери и заслушался. При свете луны видно было, как Дядюшка Нед кивает в такт головой; Геррик улыбался, стоя у штурвала, забыв на время о своих тревогах. Песня следовала за песней, взлетела еще одна пробка, голоса стали громче, точно двое в каюте ссорились, но согласие, видимо, было тут же восстановлено, и теперь послышался голос Хьюиша, который под аккомпанемент капитана затянул:

На воздушном шарике

На небо полетим,

Звезды посчитаем,

На месяц поглядим!

Геррика захлестнула волна омерзения. Он сам удивлялся, до какой степени мелодия и слова (написанные не без лихости), голос и манера певца действовали ему на нервы: как скрип ножа по тарелке. Его тошнило при мысли, что оба его

---

[28] Примечания: 28
Перевод песен И. Комаровой.

компаньона упиваются до потери сознания краденым вином, ссорятся и икают и опять приходят в себя, в то время как перед ними уже зияют двери тюрьмы.

«Неужели я продал свою душу зря?» — думал он, и в нем закипала ярость и решимость — ярость против своих товарищей и решимость довести дело до конца, если только это возможно; извлечь выгоду из позора, раз уж позор неминуем, и вернуться домой, домой из Южной Америки, — как там поется в песне?

Что нам ураганы? Мы набьем карманы
И пойдем, пойдем плясать по берегу реки... —

звучали слова в его мозгу, и перед ним вдруг возникла освещенная фонарями лондонская набережная; он узнал ее и увидел огни моста Бэттерси, перекинутого через угрюмую реку. И пока длился этот мираж, Геррик стоял как зачарованный, глядя в прошлое. Он был неизменно верен своей любимой, но недостаточно прилежно вспоминал о ней. Среди собственных возрастающих невзгод она как-то отодвинулась вдаль, словно луна в тумане. Его прощальное письмо, внезапная надежда, толкнувшая его в разгар отчаяния

принять постыдное решение, перемена обстановки, океан, музыка — все всколыхнуло в нем мужественность.

«Я все-таки завоюю ее, — подумал он, сжав зубы. — Правдой или неправдой — не все ли равно?»

— Четыре склянка, помощник. Уже, наверное, четыре склянка, — вдруг вывел его из задумчивости голос Дядюшки Неда.

— Посмотри на часы, Дядюшка, — сказал он. Сам он не желал заглядывать в каюту из-за пьянчуг.

— Уже больше, помощник, — повторил гаваец.

— Тем лучше для тебя, Дядюшка, — отозвался Геррик и вручил ему штурвал, повторив указания, полученные раньше им самим.

Он сделал два шага, как вдруг вспомнил про счисление.

«По какому она идет курсу?» — подумал он и залился краской стыда. То ли он не посмотрел на цифры, то ли забыл их — опять привычная небрежность: доску придется заполнить наугад.

«Больше никогда этого не случится! — поклялся он себе в безмолвной ярости. — Никогда! Если план провалится, моей вины тут быть не должно!»

И всю остальную вахту он провел рядом с Дядюшкой Недом и изучал циферблат компаса так, как, вероятно, никогда не изучал письма от любимой.

Все это время, подстрекая его к вящей бдительности, из кают-компании до него доносились пение, громкий разговор, издевательский хохот и то и дело хлопанье пробок.

Когда в полночь вахта по левому борту кончилась, на шканцах показались Хьюиш и капитан с пылающими физиономиями. Оба нетвердо держались на ногах. Первый был нагружен бутылками, второй нес две жестяные кружки. Геррик молча прошел мимо них. Они окликнули его хриплыми голосами — он не ответил; они обругали его невежей — он не обратил внимания, хотя в животе у него крутило от бешенства и отвращения. Он прикрыл за собой дверь и бросился на рундук, не для того чтобы спать, решил он, а чтобы размышлять и предаваться отчаянию. Однако он и двух раз не повернулся на своей неудобной постели, как пьяный голос заорал ему в ухо, и ему опять пришлось идти на палубу и стоять утреннюю вахту.

Первый вечер установил образец для последующих. Два ящика шампанского едва продержались

сутки, и почти все было выпито Хьюишем и капитаном. Хьюиш не бывал трезв, но и мертвецки пьян тоже не бывал; излишества явно пошли ему на пользу, пища и морской воздух скоро вылечили его, и он начал полнеть. Но с Дэвисом дела обстояли хуже. В обмякшей личности, целыми днями валявшейся на рундуке в расстегнутом кителе, потягивавшей вино и читавшей романы, в шуте, который из вечерней вахты устраивал публичные попойки, трудно было узнать энергичного моряка, бодро шагавшего по улицам Папеэте. Он держался вполне прилично до тех пор, пока не кончал измерять высоту солнца; тут он зевал, откладывал в сторону свои вычисления, скручивал карту и с этой минуты уже проводил время в рабском потворстве своим желаниям либо в пьяном, скотском сне. Он забросил все свои обязанности, за исключением одной: поддерживал суровую дисциплину во всем, что касалось стола. Снова и снова Геррик слышал, как вызывают кока на корму, как тот бежит с новыми блюдами в кают-компанию или уносит оттуда пищу, начисто забракованную. И чем больше капитан предавался пьянству, тем изощреннее становился его вкус.

Однажды утром он приказал вывесить за борт

боцманский стул, разделся до пояса и перелез через поручни с банкой краски.

— Не нравится мне, как покрашена шхуна, — заявил он, — да и название пора убрать долой.

Но это занятие наскучило ему через полчаса, и шхуна продолжала путь с безобразным пятном на корме — часть слова «Фараллона» оказалась замазанной, а часть проглядывала сквозь слой краски. Он отказался стоять ночную и утреннюю вахты. Погода ведь для плавания отличная, объявил он и спросил со смехом:

— Где это слыхано, чтобы капитан сам нес вахту?

На счисление, которое Геррик все еще старался соблюдать, он не обращал ни малейшего внимания и не оказывал Геррику никакой помощи.

— На что нам сдалось это счисление? — спросил он. — Солнце на месте, и ладно.

— Солнце будет светить не всегда, — запротестовал Геррик. — Вы же сами говорили, что не доверяете хронометру.

— Ну, хронометр нам упрекнуть не в чем! — воскликнул Дэвис.

— Сделайте мне одолжение, капитан, — холодно произнес Геррик. — Я желаю соблюдать счисление, поскольку это входит в мои обязан-

ности. Я не знаю, какую надо делать скидку на течение, не знаю, как это делается. Я слишком неопытен, и я прошу вас мне помочь.

— Никогда не следует расхолаживать усердного офицера, — проговорил капитан, снова разворачивая карту (Геррик застал его как раз в рабочие часы, когда он был еще относительно трезв). — Вот оно, глядите сами: чисто в любом направлении между вест и вест-норд-вест и в окружности от пяти до двадцати пяти миль. Так говорит адмиралтейская карта — надеюсь, вы не считаете себя умнее ваших же англичан?

— Я стараюсь выполнять мой долг, капитан Браун, — сказал Геррик, густо покраснев, — и имею честь уведомить вас, что не люблю, когда надо мной издеваются.

— Да какого черта вам нужно? — заорал Дэвис. — Идите и следите за проклятым кильватером. Коли стараетесь выполнять долг, так чего не выполняете? Я считаю, что не мое дело торчать на хвосте у судна, а ваше. И вот еще что я скажу, любезный. Я вас не просил задирать тут передо мной нос. Вы обнаглели, вот что. Лучше не приставайте ко мне, мистер Геррик, эсквайр.

Геррик разорвал бумаги, которые держал в руках, бросил на пол и вышел из каюты.

— Зубрила, и только, а? — насмешливо сказал Хьюиш.

— Он считает нас неподходящей компанией — вот чего он бесится, Геррик, эсквайр! — продолжал бушевать капитан. — Он думает, будто я не замечаю, когда он разыгрывает важную персону. Не желает, видишь ли, посидеть с нами, слова учтивого не скажет. Я его проучу, сукина сына! Чтоб мне треснуть, Хьюиш, я ему покажу, кто из нас важнее — он или Джон Дэвис!

— Полегче с фамилиями, кэп, — остановил его Хьюиш, всегда более трезвый. — Поосторожней на поворотах, старина!

— Правильно, молчу. Ты хороший парень, Хьюиш. Ты мне сперва не очень понравился, но теперь я вижу — ты парень подходящий. Давай раскупорим еще одну бутылочку.

В этот день, вероятно разгоряченный ссорой, он пил еще безрассуднее и к четырем часам дня уже лежал на рундуке в бесчувственном состоянии.

Геррик и Хьюиш поужинали порознь, один за другим, сидя против багроволицей храпящей туши. Если зрелище это отбило у Геррика аппетит, то на клерка одиночество подействовало так удручающе, что, едва встав из-за стола, он пошел заискивать перед бывшим товарищем.

Геррик стоял у штурвала, когда Хьюиш приблизился и доверительно облокотился о нактоуз.

— Послушайте, приятель, — сказал он, — мы с вами что-то не такие дружки, как раньше.

Геррик раза два молча перекрутил штурвал. Взгляд его, перебегая со стрелки компаса на шкаторину[29] фока, скользнул по Хьюишу, не задержавшись на нем. Но тот изобразил полнейшую тупость, что далось ему нелегко, так как эта черта характера не была ему свойственна. Возможность поговорить с Герриком с глазу на глаз именно на этой стадии их отношений представляла для такого типа, как он, особую привлекательность. Кроме того, вино, делающее некоторых людей чересчур обидчивыми, сделало Хьюиша нечувствительным к обиде. Потребовалось бы буквально ударить его, чтобы он отказался сейчас от своего намерения.

— Хорошенькое дельце, а? — продолжал он. — Дэвис-то до чего допился? Должен вам сказать, вы сегодня прописали ему по первое число. Ему это отчаянно не понравилось. Он прямо взбесился, когда вы ушли. «Слушай, — говорю я, — хватит, поменьше налегай на выпивку. Геррик прав, сам

---

[29] Примечания: 29

Шкаторина — кромка паруса, обшитая ликтросом.

знаешь. Прости уж ему на этот раз». А он говорит: «Брось читать мне мораль, а то я съезжу по твоей поганой роже». Чего ж я мог поделать, Геррик? Но я вам скажу: мне это здорово не нравится. Похоже на другой «Морской скиталец».

Геррик по-прежнему хранил молчание.

— Вы что, оглохли? — резко спросил Хьюиш. — Вы не очень-то вежливы, а?

— Отойдите от нактоуза, — сказал Геррик.

Клерк посмотрел прямо ему в лицо долгим, злобным взглядом; тело его все словно изогнулось, как у змеи, которая вот-вот ужалит, затем он повернулся на каблуках, скрылся в надстройке и откупорил там шампанское.

Когда прокричали восемь склянок, он спал на полу рядом с рундуком, где валялся капитан, и из всей правобортовой вахты на зов явился один Сэлли Дэй. Геррик предложил отстоять с ним вахту и дать отдохнуть Дядюшке Неду. Он провел бы таким образом на палубе двенадцать часов, а может быть, даже шестнадцать, но при такой благополучной погоде он мог спокойно спать от смены до смены, наказав разбудить себя при малейшем признаке шквала, — настолько он полагался на людей, с которыми у него возникла тесная связь. С Дядюшкой Недом он вел

долгие ночные беседы, и старик рассказал ему нехитрую историю своей тяжкой жизни — жизни на чужбине среди белых, историю страданий и несправедливости.

Кок, обнаружив, что Геррик ест всегда в одиночестве, стал готовить для него лакомства, весьма неожиданные и подчас малосъедобные, которые Геррик заставлял себя съедать. А однажды, когда он стоял на носу, он вдруг почувствовал, как его погладили по плечу, и услышал голос Сэлли Дэя, тихонько сказавшего ему на ухо: «Твоя хороший люди!» Он обернулся и, подавив слезы, пожал Сэлли руку.

Это были добрые, веселые, бесхитростные души. По воскресеньям каждый выносил на палубу собственную Библию: даже друг для друга они были иноязычными, и Сэлли Дэй объяснялся со своими товарищами только на английском. Каждый читал или делал вид, что читает свою главу, и Дядюшка Нед водружал на нос очки. Потом все сообща пели миссионерские гимны. Поэтому уподобить островитян «Фараллоны» белым значило бы оскорбить первых. Все эти простые души — даже Сэлли Дэй, отпрыск каннибалов, — были так верны всему, что почитали за добро. Стыд пронзал Геррика, когда он вспоминал, для чего

он здесь... То, что эти наивные малые относятся к нему с признательностью и расположением, словно надевало шоры на его совесть, и порой он и сам был не прочь вместе с Сэлли Дэем признать себя хорошим человеком. Но только теперь обнаружилась истинная мера их расположения к нему. Вся команда в один голос запротестовала, и прежде чем Геррик понял, к чему они клонят, разбудили кока, и тот добровольно вызвался заменить его; все матросы сгрудились вокруг помощника, увещевая его, поглаживая, убеждая лечь и отдохнуть, ничего не опасаясь.

— Плавду говолит, — сказал Дядюшка Нед. — Плиляг. Каждая люди на колабль будет полядке. Каждая люди нлавится твоя очень.

Геррик попробовал сопротивляться — и уступил; с трудом выдавил из себя какие-то избитые слова благодарности, потом отошел к стене надстройки и прислонился к ней, пытаясь совладать с волнением.

Дядюшка Нед последовал за ним и стал уговаривать его лечь.

— Бесполезно, Дядюшка Нед, — ответил Геррик. — Мне все равно не заснуть. Я потрясен вашей добротой.

— Ай нет, больше не звал моя Дядюшка Нед! —

воскликнул старик. — Нет, моя длугое имя! Мое имя Тавита[30], все давно как Тавита, цаль Излаиля. Почему он думал — гавайский имя? Моя думать: они ничего не понимать, все лавно как Вайзамана.

Впервые за все время была упомянута фамилия покойного капитана, и Геррик воспользовался случаем. (Читатель будет избавлен от неуклюжего наречия Дядюшки Неда, и ему будет в менее затруднительном изложении представлена суть рассказа)

Судно едва миновало Золотые Ворота, как капитан с помощником вступили на путь пьянства, который не прервала даже болезнь и который завершился смертью. Шли дни и недели, а они все не встречали ни земли, ни кораблей, и туземцы, видя себя затерянными среди необозримого океана со своими безумными командирами, испили до дна чашу страха.

Наконец они приблизились к невысокому острову, зашли в залив, и Уайзман с Уишертом высадились на берег.

Там была большая деревня, очень красивая деревня, и много канаков, но все какие-то озабо-

---

[30] Примечания: 30

Тавита — искаженное имя Давид, царь иудейский.

ченные. Из глубины деревни с разных сторон до Тавиты доносились туземные причитания.

— Мой не слыхал на остлове говолить, — сказал Тавита, — мой слыхал плакать. Мой подумал: хм, тут умилал много-много.

Но до Уайзмана и Уишерта не дошел смысл этого первобытного плача. Сытые, пьяные, они беспечно и весело шагали в глубь острова, обнимали девушек, у которых не хватало сил их оттолкнуть, подхватывали пьяными голосами похоронный плач и наконец, приняв какой-то жест за приглашение, вошли в хижину, где застали много людей, сидевших в полном молчании. Они, пригнувшись, ступили под навес, разгоряченные, смеющиеся, — и через минуту показались снова, побледневшие, приумолкшие. И когда толпа расступилась, чтобы пропустить их, Тавита успел заметить в глубоком сумраке жилища, как больной поднял с подстилки голову, показав обезображенное болезнью лицо.

Трагически беспечная парочка стрелой бросилась к шлюпке, вопя, подгоняя Тавиту; изо всех сил работая веслами, они доплыли до судна, подняли якорь, бранясь и раздавая удары, поставили все паруса и до захода солнца снова очутились в море — снова пьяные. Еще неделя — и обоих их

предали пучине.

Геррик осведомился, где лежит остров, и Тавита ответил, что, насколько он понял из разговоров тамошних жителей, когда они вместе шли с берега в деревню, это, должно быть, один из островков Туамото. Предположение было вполне вероятно, так как Опасный Архипелаг в этом году был весь, с востока на запад, охвачен опустошительной оспой. Геррику только показалось странным, что они взяли из Сиднея такой курс.

Потом он вспомнил про пьянство.

— А они удивились, когда вдруг увидели остров? — спросил он.

— Вайзамана говолил: «Челт, откуда это?»

— Ах так, ну да, — проговорил Геррик. — Я думаю, они сами не знали, где находятся.

— Мой тоже так думай, — подтвердил Дядюшка Нед. — Мой думай, никто не знай. Эта лучше, — добавил он, показывая на кают-компанию, где спал пьяный капитан. — Все влемя смотлеть солнце.

Последний косвенный намек довершил представившуюся Геррику картину жизни и смерти их предшественников — их долгое, грязное и тупое ублажение своей плоти, пока они совершали свое последнее плавание неизвестно

куда У Геррика не было ясной и твердой веры в грядущую жизнь, мысль об адских муках его смешила, однако ему, как и всем людям, смерть нераскаявшегося грешника казалась ужасной. Ему делалось худо от созданной его воображением картины, а когда он сравнил ее с драмой, в которой сам участвовал, и подумал о роке, как бы нависшем над шхуной, на него напал почти суеверный страх. Но, странное дело, он не дрогнул. Он, доказавший свою непригодность в стольких случаях, теперь, очутившись не на своем месте, под бременем обязанностей, в которых ничего не смыслил, без помощи и, можно сказать, без моральной поддержки, пока что вел себя безупречно. Даже унизительное обращение с ним и страшные перспективы, открывшиеся этой ночью, казалось, только придали ему стойкости и укрепили его. Он продал свою честь, и он поклялся себе, что все это не напрасно. «Не моя будет вина, если все провалится», — повторял он. И в душе он удивлялся самому себе. Несомненно, его поддерживал гнев, а также сознание, что это последний шанс, что корабли сожжены, двери все, кроме одной, заперты, — сознание, которое служит столь сильным укрепляющим средством для людей просто слабых и столь безнадежно

подавляет трусов.

Некоторое время плавание шло, в общем, неплохо. Они миновали, не меняя галса, Факараву. Благодаря тому что дул неизменно свежий ветер и все время в южном направлении, они благополучно проскользнули между Ранака и Ратиу и несколько дней плыли к норд-ост тень ост пол к осту с подветренной стороны Такуме и Гонден, но не подошли ни к одному острову. Приблизительно на 14-м градусе южной широты, между 134-м и 135-м градусами западной долготы, наступило мертвое затишье, и море сделалось довольно бурным. Капитан отказался убрать паруса; руль закрепили, вахтенных не выставляли, и три дня «Фараллону» качало и болтало почти на одном месте. На четвертое утро, незадолго до рассвета, подул бриз[31], и быстро начало свежеть. Капитан накануне крепко выпил и, когда его разбудили, был еще нетрезв. Когда же в половине девятого он впервые показался на палубе, стало ясно, что за завтраком он опять много пил. Геррик уклонился от его взгляда и с негодованием уступил палубу человеку, который был, мягко

[31] Примечания: 31

Бриз — ветер на морском побережье, меняющий два раза в сутки направление. Днем бриз дует с суши, ночью — с моря. Бризы распространяются не более 40 км внутрь берега и немного более в сторону моря.

говоря, под хмельком.

Сидя в кают-компании, Геррик по громким командам капитана и по ответным крикам матросов, которые стояли у снастей, понял, что на судне ставят все паруса; он бросил недоеденный завтрак, опять поднялся на палубу и увидел, что грот– и кливер-марсели[32] подняты, а оба вахтенных и кок поставлены к стакселю[33]. «Фараллона» шла теперь далеко от берега.

Небо потемнело от мчащейся мутной пелены, а с наветренной стороны быстро приближался зловещий шквал, который чернел и разрастался на глазах.

Все внутри у Геррика задрожало от страха Он воочию увидел смерть, а если и не смерть, то верное крушение. Даже если бы «Фараллона» и вынесла близящийся шквал, то наверняка потеряла бы мачты. На этом их предприятие потерпело бы крах, а сами они оказались бы в плену у явных улик своего преступления.

Грозящая опасность и собственная тревога заставили его молчать. Гордость, гнев, стыд бу-

---

[32] Примечания: 32

Грот-марсель — второй снизу на грот-мачте парус. *Кливер-марсель* — термин, отсутствующий в отечественной морской практике.

[33] Примечания: 33

Стаксель — косой парус треугольной формы.

шевали в нем, не находя выхода; он стиснул губы и крепко сложил на груди руки.

Капитан с остекленевшими глазами и налитым кровью лицом сидел в шлюпке с наветренного борта, выкрикивал команды и ругательства; меж колен он зажал бутылку, в руке держал недопитый стакан. Он сидел спиной к шквалу и был главным образом поглощен намерением поставить паруса Когда это было выполнено, когда огромная трапеция паруса начала забирать ветер и подветренный планшир[34] оказался вровень с пеной, он лениво рассмеялся, опрокинул в рот стакан, растянулся в шлюпке посреди бочонков и ящиков и вытащил книжку.

Геррик не спускал с него глаз и постепенно накалялся. Он взглянул туда, где шквал уже выбелил поверхность воды, возвещая о своем приближении особенным зловещим звуком. Он взглянул на рулевого и увидел, что тот вцепился в спицы с помертвевшим от страха лицом. Он увидел, как матросы разбегаются по своим местам, не дожидаясь команды. И словно что-то взорвалось у него внутри. Бурный гнев, так долго сдерживаемый, так давно раздиравший его

[34] Примечания: 34

Планшир — деревянный брус, ограничивающий фальшборт в верней его части.

втайне, внезапно прорвался наружу и потряс его, как буря парус. Он шагнул к капитану и тяжело ударил его по плечу.

— Ты, скотина, — сказал он дрогнувшим голосом, — оглянись назад!

— Что такое? — завопил пьяница, подскакивая и опрокидывая шампанское.

— Ты погубил «Морской скиталец» из-за того, что был горьким пьяницей. Сейчас ты погубишь «Фараллону». Ты утонешь точно так же, как те, кого ты утопил, и будешь проклят. Твоя дочь пойдет на панель, а твои сыновья станут ворами, как их отец.

На секунду капитан совершенно оторопел от этих слов и побледнел.

— Бог ты мой! — воскликнул он, уставившись на Геррика как на привидение. — Бог ты мой, Геррик!

— Да оглянись же скорее! — повторил его обвинитель.

Несчастный пьяница, почти протрезвев, повиновался и в тот же миг вскочил на ноги.

— Стаксель долой! — заревел он.

Матросы давно с нетерпением ожидали этой команды. Большой парус быстро спустился вниз и наполовину перевалился за борт в мчавшуюся

пену.

— Марса-фалы[35] отдать! Стаксель так оставить! — опять прокричал он.

Но не успел он договорить, как шквал с воем обрушился сплошной лавиной ветра и дождя на «Фараллону», она содрогнулась от удара и замерла как мертвая. Разум покинул Геррика: он с ликованием вцепился в наветренные снасти, он покончил счеты с жизнью и теперь упивался свободой; он упивался дикими звуками ветра и оглушающей атакой дождя; он упивался возможностью умереть сейчас, среди бешеной сумятицы стихий.

А тем временем капитан, стоя на шкафуте по колени в воде (так низко сидела шхуна), кромсал фока-шкот[36] карманным ножом. Это был вопрос секунд, так как «Фараллона» уже наглоталась ринувшейся в наступление воды. Но руки капитана опередили стихию: фока-гик порвал последние волокна шкота и рухнул в подветренную сторону. «Фараллона» прыгнула к ветру и выпрямилась, а

---

[35] Примечания: 35

Марса-фал — снасть, ввязанная за середину марса-рея и служащая для его подъема при постановке марселя.

[36] Примечания: 36

Фока-шкот — шкоты, с помощью которых растягивают парус по фок-рею.

носовой и пяточный фалы, которые давно были отпущены, побежали в тот же миг.

Еще минут десять шхуна неслась под напором шквала, но теперь капитан уже владел собой и кораблем, и опасность была позади. И вдруг шквал умчался, ветер упал, солнце опять засияло над потрепанной шхуной. Капитан, закрепив фока-гик и поставив двоих матросов к помпе, двинулся на корму — трезвый, немного бледный, а в зубах у него все еще торчала изжеванная сигара, как застал его шквал. Геррик последовал за ним; недавней силы чувств как не бывало, но он понимал, что предстоит сцена, и с готовностью, даже с нетерпением ждал ее, чтобы скорее покончить со всем этим.

Капитан, дойдя до конца надстройки, обернулся и, столкнувшись с Герриком лицом к лицу, отвел глаза.

— Мы потеряли два марселя и стаксель, — пробормотал он. — Слава богу еще, что мачты целы. Вы небось думаете, что без верхних парусов еще лучше.

— Я не это думаю, — сказал Геррик неестественно тихим голосом, который, однако, вызвал смятение в душе капитана.

— Я знаю! — закричал он, вытянув руку. —

Знаю, что вы думаете. Незачем говорить это сейчас. Я трезв.

— И все-таки я должен сказать, — возразил Геррик.

— Не надо, Геррик, вы уже достаточно сказали, — упрашивал Дэвис. — Вы уже сказали такие слова, которых я не стерпел бы ни от кого, кроме вас. Я один знаю, насколько это верно.

— Я должен вам заявить, капитан Браун, — продолжал Геррик, — что я слагаю с себя должность помощника Можете заковать меня, застрелить, если хотите: сопротивляться я не буду, я только отказываюсь каким бы то ни было образом помогать или подчиняться вам. Предлагаю назначить на мое место мистера Хьюиша. Из него получится достойный первый офицер, под стать капитану, сэр. — Геррик улыбнулся, поклонился и повернулся, чтобы идти.

— Куда вы, Геррик? — закричал капитан, удерживая его за плечо.

— Переселиться к матросам, сэр, — ответил Геррик все с той же улыбкой. — Я достаточно долго прожил здесь с вами, джентльмены.

— Вы зря так поступаете, — сказал Дэвис. — Не бросайте меня так сразу, я ведь ничего плохого не сделал — только пил. Старая история, дружище!

Но раз уж я протрезвел, вы теперь увидите… — умолял он.

— Извините, но у меня больше нет желания вас видеть, — ответил Геррик.

Капитан застонал.

— Вы помните, что сказали про моих детей? — вырвалось у него.

— Абсолютно точно. Хотите, чтобы я вам повторил еще раз? — спросил Геррик.

— Нет! — воскликнул капитан, зажимая ладонями уши. — Не заставляйте меня убить человека, который мне дорог! Геррик, если вы хоть раз увидите меня со стаканом вина до того, как мы сойдем на берег, разрешаю вам всадить в меня пулю. Я даже прошу вас об этом! Вы — единственный на судне, кого жаль потерять. Думаете, я не знаю этого? Думаете, я вас предал? Я всегда понимал, что вы правы; пьяный или трезвый — понимал. Чего вы хотите? Клятвы? Вы же умный человек, вы должны понять, что я говорю серьезно.

— Вы хотите сказать, что не будете больше пьянствовать? — спросил Геррик. — Ни вы, ни Хьюиш? Что вы не будете воровать мою долю прибыли и пить шампанское, за которое я продал свою честь? Что вы будете выполнять свои обя-

занности, и стоять вахту, и станете бдительным, и будете делать вашу часть работы на корабле, а не взваливать ее всю целиком на плечи неопытного человека и делать из себя посмешище для туземных матросов? Это вы хотите сказать? Если да, то извольте сказать это определенно.

— Вы говорите так, что джентльмену это трудно проглотить, — сказал капитан. — Не хотите же вы заставить меня признать, что я стыжусь самого себя? Поверьте мне на этот раз: я выполню все без обмана, вот вам моя рука.

— Хорошо, на этот раз я поверю, — сказал Геррик. — Но если вы снова меня обманете…

— Ни слова больше! — прервал Дэвис. — Ни слова, дружище! Вы и так много наговорили. У вас злой язык, Геррик, когда вы рассержены. Просто порадуйтесь, что мы опять друзья, как я радуюсь, и перестаньте меня колоть все время в больное место. Я постараюсь, чтоб вы в этом не раскаялись. Сегодня мы были на волосок от смерти — можете не говорить, по чьей вине, — и, наверное, от ада тоже на волосок. Мы оба попали в скверную передрягу и должны быть терпеливее друг к другу.

Он говорил бессвязно, но казалось, что он делает это нарочно, просто ходит вокруг да около,

не решаясь в чем-то признаться, или же в страхе оттягивает время, чтобы не дать Геррику сказать еще что-нибудь неприятное. Но Геррик выпустил уже весь яд; он был по природе своей человек добрый и теперь, торжествуя победу, начинал испытывать жалость. Он произнес несколько ободряющих слов, желая закончить разговор, и предложил пойти переодеться.

— Погодите еще немного, — остановил его Дэвис. — Сперва я хочу вам объяснить еще одну вещь. Помните, что вы сказали про моих детей? Я хочу объяснить, почему это меня так садануло, и, мне думается, вы пожалеете о своих словах. Это насчет моей крошки Эйды. Не следовало вам так говорить, хотя я, конечно, понимаю, что вы не знали. Она… видите ли… она умерла.

— Что вы, Дэвис! — воскликнул Геррик. — Да вы десяток раз о ней говорили как о живой! Проветрите голову, старина! Это все вино.

— Нет, сэр, — сказал Дэвис. — Она умерла. От какой-то желудочной болезни. Я тогда плавал на бриге «Орегон». Она похоронена в Портленде, штат Мэн. «Эйда, пяти лет, единственная дочь капитана Джона Дэвиса и его жены Марии». Я вез для нее куклу. Я даже не вынул этой куклы из бумаги, Геррик; она пошла ко дну вместе с

«Морским скитальцем» в тот самый день, когда я был проклят.

Глаза капитана были устремлены на горизонт, он говорил с необычной для него мягкостью, но с полным самообладанием, и Геррик глядел на него с чувством, близким к страху.

— Не думайте, что я спятил, — продолжал Дэвис. — У меня ровно столько здравого смысла, сколько нужно. Но мне кажется, что человек в несчастье делается как ребенок. И это у меня как будто детская игра. Я никак не мог посмотреть правде в глаза, вот я и придумал притворяться. И прямо вас предупреждаю: как только мы окончим наш разговор, так я снова начну притворяться. Так что, видите, на панель она пойти не может, — добавил он, — не смогла даже выздороветь и получить свою куклу!

Геррик робко положил руку ему на плечо.

— Не надо! — вскричал Дэвис, отпрянув назад. — Не видите разве, я и так совсем разбит? Пошли, пошли, дружище, можете мне поверить до конца. Пошли, наденем что-нибудь сухое.

Они вошли в каюту и застали там Хьюиша, который на коленях взламывал ящик с шампанским.

— Эй, стоп! — закричал капитан. — Чтоб боль-

ше этого не было! Больше пьянства на судне не будет!

— Трезвенником сделались, что ли? — отозвался Хьюиш. — Я не против. По-моему, самое время, а? Сдается мне, что вы чуть второй корабль не потопили к черту. — Он достал бутылку и начал преспокойно отковыривать проволоку острием штопора.

— Слышите, что я сказал? — рявкнул Дэвис.

— Конечно, слышу. Вы орете громко, — ответил Хьюиш. — Но только мне наплевать.

Геррик потянул капитана за рукав.

— Пусть его… — сказал он. — На сегодня нам уже довольно.

— Ладно, пускай пьет, — согласился капитан. — Все равно в последний раз.

Проволока уже была снята, бечевка перерезана, головка из позолоченной бумаги сорвана, и Хьюиш с кружкой в руке ждал обычного взрыва. Взрыва не последовало. Он раскачал пробку большим пальцем — никакого результата. Наконец он взял штопор и вытащил пробку. Она вылезла легко и почти беззвучно.

— Надо же! — сказал Хьюиш. — Бутылка-то порченая.

Он налил немного в кружку — вино было бес-

цветное и без пузырьков. Он понюхал его, потом попробовал.

— Вот так номер, — сказал он. — Да это вода!

Если бы посреди океана внезапно прозвучал трубный глас, то и тогда трое в кают-компании не могли быть сильнее ошеломлены. Кружка обошла всех троих, каждый попробовал, понюхал, каждый воззрился на бутылку с роскошной золотой головкой, как, вероятно, Крузо воззрился на следы на песке. И у всех одновременно родилось одно общее мрачное предчувствие. Разница между бутылкой с шампанским и бутылкой с водой невелика, но между судном, груженным шампанским, и судном, груженным водой, лежит огромная дистанция от богатства до разорения.

Откупорили вторую бутылку. В каюте стояло наготове два ящика; их притащили и попробовали. Тот же результат: содержимое было бесцветным, безвкусным и безжизненным, как дождь на дне рыбачьей лодки, вытянутой на берег.

— Мать честная! — сказал Хьюиш.

— Погодите, попробуем из трюма, — проговорил капитан, вытирая лоб тыльной стороной руки, и все трое, мрачные, тяжело ступая, вышли из каюты.

Всю команду вызвали на палубу, двоих канаков

отправили в трюм, третьего поставили к талям, а Дэвис с топором в руке встал у комингсов[37].

— А как же матросы? Ведь они будут знать, — прошептал Геррик.

— Черт с ними! — ответил Дэвис. — Не до того. Важно знать нам.

На палубу подняли три ящика и по очереди проверили. Из каждой бутылки, по мере того как капитан разбивал их топором, бежало, шипя и пенясь, шампанское.

— Из глубины давайте! Слышите? — крикнул Дэвис в трюм канакам.

Эта команда явилась сигналом к новому пагубному повороту событий. Поднимали наверх ящик за ящиком, разбивали бутылку за бутылкой — оттуда текла вода, и только вода. Еще глубже, и вот они дошли до слоя, где ящики уже были без клейма, бутылки без проволоки и без обертки, где мошенничество стало явным и откровенным.

— Хватит валять дурака! — сказал Дэвис. — Дядюшка, сложи ящики в трюм, а битую посуду свали за борт. Пошли, — обратился он к своим спутникам и повел их назад, в кают-компанию.

---

[37] Примечания: 37

Комингсы — вертикальные стальные листы или толстые деревянные доски, брусья высотой до 60 см, ограждающие отверстия или люки на палубе.

Глава 6
Компаньоны

Они уселись по сторонам стола. Впервые они собрались за ним все вместе, но сейчас, перед лицом общей катастрофы, они и думать забыли о взаимной неприязни, о былых разногласиях.

— Джентльмены, — начал капитан, выдержав паузу, как заправский председатель, открывающий собрание, — нас надули.

Хьюиш расхохотался:

— Ничего не скажешь, проделка первостатейная! А Дэвис-то, Дэвис думал, это он всех провел! Украли груз сырой водицы! Ой, не могу! — И он скорчился от смеха.

Капитан выдавил из себя слабое подобие улыбки.

— Опять старуха судьба, — сказал он Геррику, — но на сей раз она, сдается, вошла-таки в дверь.

Геррик только покачал головой.

— Ах ты, господи, вот отмочил! — не унимался Хьюиш. — Вот бы смеху было, случись такая штука с кем-нибудь другим! А дальше что с этой проклятой шхуной делать? Ну и дела!

— В этом вся загвоздка, — сказал Дэвис. — Одно ясно: незачем везти это дурацкое стекло в Перу. Нет, сэр, мы в капкане.

— Мать честная, а купец? — крикнул Хьюиш. — Купец, который делал погрузку? Он получит новость с почтовой бригантиной и, само собой, решит, что мы идем прямо в Сидней.

— Да, купцу будет худо, — сказал капитан. — Кстати, понятно теперь, почему команда — канаки. Если хочешь потерять судно, то лучшей команды, чем канаки, и искать нечего. Но одно непонятно: зачем шхуну завели в воды Таити?

— Да чтобы потерять ее, младенец! — сказал Хьюиш.

— Много вы понимаете, — возразил капитан. — Никому не охота терять шхуну вот так, ее нужно терять, когда она идет своим курсом, каналья вы этакий! Вы что ж, думаете, у страховой компании не хватит ума, чтобы вылезти сухой из воды?

— Так и быть, — проговорил Геррик, — кажется, я могу вам сказать, почему ее занесло так далеко к востоку. Я знаю от Дядюшки Неда. Видимо, эти двое несчастных, Уайзман и Уишерт, с самого начала как упились шампанским, так и умерли пьяными…

Капитан опустил глаза.

— Они валялись на койках или сидели в этой самой проклятой каюте, — продолжал Геррик с возрастающим волнением, — и насасывались этой мерзости. Когда их одолела болезнь и начала трепать лихорадка, они стали пить еще больше. Они валялись тут, скуля и воя, пьяные, умирающие. Они понятия не имели, где находится судно, им было наплевать. Они, видно, даже не измеряли высоту солнца.

— Не измеряли высоту? — воскликнул капитан, поднимая голову. — Дух святой! Ну и компания.

— Да какое, к черту, это имеет значение? — вмешался Хьюиш. — Нам-то что за дело до Уайзмана и того, другого?

— Очень большое, — ответил капитан. — Мы как-никак их наследники.

— Наследство нам досталось хоть куда, — заметил Геррик.

— Не скажите, — возразил Дэвис. — На мой взгляд, могло быть и хуже. Конечно, с грузом было бы иное дело, сейчас наличных за него не выручишь. Но я вам берусь разъяснить, на что можно рассчитывать теперь. Сдается мне, что нам удастся выжать из купца во Фриско все его доллары до последнего.

— Погодите, — остановил его Хьюиш. — Дайте

сообразить, как же это получается, господин судья?

— Слушайте, дети мои, — продолжал капитан, который заметно обрел свою прежнюю самоуверенность. — Уайзману и Уишерту должны были заплатить за то, чтобы они бросили старую шхуну вместе с грузом. Ну так и мы тоже собираемся ее бросить, и я считаю своим личным долгом добиться, чтобы нам тоже заплатили. Сколько должны были получить У. и У.? Этого мне не угадать. Но У. и У. замешаны в этой истории, они сознательно участвовали в мошенничестве. Мы же действуем честно, мы случайно ввязались в эту историю, так что купцу придется выложить секрет, и уж я постараюсь, чтоб он выложил его честь по чести. Нет, сэр! Все-таки из «Фараллоны» еще можно кое-что вытянуть.

— Валяйте, кэп! — прокричал Хьюиш. — Ату! Вперед! Не сдаваться! Вот это нюх на деньги! Будь я проклят, но такой оборот мне нравится еще больше.

— А я не понимаю, — проговорил Геррик. — Прошу простить меня, но я не понимаю.

— Знаете что, Геррик, — сказал Дэвис, — я так или иначе хотел с вами поговорить по другому поводу, так пусть и Хьюиш заодно послушает.

С пьянством покончено, и мы прямо просим у вас прощения. Мы должны поблагодарить вас за все, что вы для нас делали, пока мы вели себя как свиньи. Вот увидите, в дальнейшем я как следует примусь за свои обязанности. Что касается вина, которое, согласен, мы у вас украли, то я все проверю, и вам будут возмещены убытки. С этим все в порядке. Но вот про что я хочу сказать. Старая игра была опасной. Играть в новую так же безопасно, как держать пекарню. Мы просто ставим «Фараллону» по ветру и идем себе, пока не минуем с подветренной стороны наш порт отправления и пока не окажемся достаточно близко к любому другому месту, где есть американский консул. Тут «Фараллону» — на дно, прощай, наша «Фараллона»! Сутки или около того болтаемся в шлюпке, а потом консул переправляет нас за счет дядюшки Сэма во Фриско. И если купец не выложит денежки немедленно, то тогда он будет иметь дело со мной!

— Но я думал… — начал Геррик и не выдержал: — Нет, нет, давайте лучше поплывем в Перу!

— Ну, если вам полезен тамошний климат, я ничего не имею против! — ответил капитан. — Но за каким еще чертом вам туда понадобилось, не возьму в толк. С нашим грузом там делать

нечего. Я что-то не слыхал, чтобы пустые бутылки считали где бы то ни было добрым товаром, а уж в Перу и подавно, готов прозакладывать последний цент. И всегда-то было сомнительно, удастся ли нам продать шхуну, я никогда на это не рассчитывал, а теперь и вовсе уверен, что она гроша ломаного не стоит. Не знаю уж, какой в ней изъян, но только чую, что-то есть, иначе она не была бы сейчас здесь с таким товаром в трюме. Опять же, если мы ее потеряем и высадимся в Перу, что нас ожидает? О нашей потере мы объявить не можем — спрашивается, как мы очутились в Перу? В этом случае купец не имеет права дотрагиваться до страховых денег, скорее всего, он обанкротится. А вас устраивает сидеть на мели в Каллао?

— Зато там не выдают преступников, — заметил Геррик, — никто нас оттуда не выставит.

— А между прочим, сын мой, мы мечтаем, чтобы нас выставили, — возразил капитан. — Ведь какова наша цель? Мы хотим, чтобы консул выставил нас в Сан-Франциско, прямехонько к дверям купца. По моим расчетам, Самоа должен оказаться подходящим деловым центром. Пассаты нас туда загонят, Штаты там имеют консула, и оттуда во Фриско ходят пароходы, так что мы

тайком съездим обратно и навестим купца.

— Самоа? — переспросил Геррик. — Да мы туда будем добираться целую вечность.

— Ну да, с попутным-то ветром! — отвечал капитан.

— С лагом возиться не надо, так? — вставил Хьюиш.

— Не надо, сэр, — подтвердил Дэвис. — «Маловетрие и противные ветры, шквалы и затишья. Навигационное счисление: пять миль. Обсервации[38] не было. Откачка производилась». Да еще внести показания барометра и термометра за прошлогодний рейс. «В жизни не видывал такого плавания, — говорите вы консулу. — Я уж боялся, что не хватит…» — Капитан вдруг оборвал фразу. — Слушайте, — сказал он и снова остановился. — Извините меня, Геррик, — добавил он с откровенным смущением, — а вы следили за расходованием продуктов?

— Если бы меня предупредили, я следил бы и за этим тоже, в меру моих скромных способностей, — ответил Геррик. — А так кок брал что хотел.

---

[38] Примечания: 38

Обсервация — наблюдение береговых предметов или небесных светил, на основании которых получают графически на карте или путем вычислений местоположение корабля.

Дэвис повесил голову.

— Видите ли, я взял маловато, когда снаряжал шхуну, — произнес он наконец. — Главное для меня было убраться подальше от Папеэте, пока консул не передумал. Пойду-ка проведу ревизию.

Он поднялся из-за стола и исчез с лампой в кладовой на корме.

— Вот и еще одна прореха, — заметил Хьюиш.

— Любезный, — сказал Геррик с внезапной вспышкой враждебности, — ваша вахта не кончена, кажется, вам сейчас стоять у штурвала.

— Все разыгрываете важную персону, голубок? — сказал Хьюиш. — «Отойдите от нактоуза. Кажется, вам стоять у штурвала, любезный...» Ха!

Он демонстративно зажег сигару и — руки в карманах — вышел на шкафут.

Капитан вернулся подозрительно скоро; даже не взглянув на Геррика, он снова кликнул Хьюиша и уселся за стол.

— Так вот, — неловко начал он, — я проверил запасы на глазок. — Он помолчал, как бы выжидая, не поможет ли ему кто-нибудь, но так как двое других молча и с явной тревогой смотрели на него во все глаза, он еще более неуклюже продолжал: — Так вот, ни черта не выйдет. И это

наверняка. Мне жаль не меньше вашего и даже еще больше, но игра проиграна. До Самоа нам не дотянуть, до Перу и то вряд ли.

— Не пойму, чего вы там мелете? — грубо спросил Хьюиш.

— Сам ничего не пойму, — ответил капитан. — Я взял мало запасов, признаюсь, но что тут творилось — убей, не понимаю! Точно дьявол постарался. Должно быть, наш кок величайшая бестия. Всего двенадцать дней, шутка сказать! С ума сойти можно. Я честно признаюсь в одном: я, видно, плохо рассчитал с мукой. Но остальное… Черт побери! Вовек не пойму! На этом грошовом судне больше расходуется, чем на атлантическом лайнере. — Он украдкой взглянул на товарищей, но, не прочтя ничего хорошего на их помрачневших лицах, счел за благо прибегнуть к ярости. — Ну, погоди, доберусь я до этого кока! — взревел он и ударил кулаком по столу. — Я поговорю с сукиным сыном так, как с ним еще никто не говорил. Я возьму его на мушку, я…

— Вы его пальцем не тронете, — проговорил Геррик. — Вина целиком ваша, и вы это прекрасно знаете. Если вы даете туземцу свободный доступ в кладовую, сами знаете, к чему это может привести. Я не позволю мучить беднягу.

Трудно сказать, как реагировал бы Дэвис на этот вызов, только в эту минуту его отвлек на себя новый противник.

— Нда-а, — протянул Хьюиш, — дельный из вас капитан, нечего сказать. Никудышный вы капитан, вот что! Нечего мне зубы заговаривать, Джон Дэвис, я вас теперь раскусил: от вас проку не больше, чем от паршивого чучела! Ах, вы ничего не понимаете, да? А кто вопил и требовал, что ни день, новые консервы? Сколько раз я своими ушами слышал, как вы отсылали обед целиком обратно и заставляли кока выплескивать его в помойную лохань? А завтрак? Мать честная! Завтрака наготовлено на десятерых, а вы орете: еще, еще! А теперь вы сами не понимаете? Провалиться мне, если этого мало, чтобы послать протест Господу Богу! Будьте осторожней, Джон Дэвис, не троньте меня, я могу укусить.

Дэвис сидел как пришибленный. Можно было бы даже предположить, что он не слышит, если бы голос клерка не разносился по кораблю, точно крик баклана среди береговых утесов.

— Хватит, Хьюиш, — остановил его Геррик.

— А-а, переметнулись? Ладно же, надутый, брезгливый сноб! Берите его сторону, давайте! Двое на одного. Но только Джон Дэвис пускай

бережется! Он сшиб меня тогда, в первый вечер на шхуне, а я этого еще никому не спускал. Пусть становится на колени и просит у меня прощения. Вот мое последнее слово.

— Да, я на стороне капитана, — сказал Геррик. — Значит, нас двое против одного, оба люди крепкие, и команда будет за меня. Надеюсь, смерть моя близка, но я совсем не против, если сперва мне придется прикончить вас. Я даже хочу этого: я бы убил вас без малейших угрызений совести. Берегись, берегись, мерзкий пакостник!

Злоба, с которой он произнес эти слова, была так поразительна сама по себе и так неожиданна именно в его устах, что Хьюиш вытаращил глаза, и даже униженный Дэвис поднял голову и уставился на своего защитника. Что же касается Геррика, то волнения и разочарования этого дня сделали его совершенно бесстрашным; он испытывал странный подъем, возбуждение; голова казалась пустой, глаза жгло, в горле пересохло; миролюбивый и безобидный человек, если не считать, что от слабохарактерных людей можно ожидать чего угодно, Геррик в этот миг был одинаково готов убить или быть убитым.

Вызов был брошен, и бой предложен. Тот, кто отозвался бы первым, неминуемо определил

бы исход; все это понимали и не решались заговорить; долгие секунды трое сидели молча, неподвижно…

Но тут последовало желанное вмешательство.

— Земля! — прокричал голос на палубе. — Земля с наветренной стороны!

И, будто спасаясь из комнаты, где лежит труп убитого, трое бросились бежать вон, оставив ссору позади неразрешенной.

Небо на стыке с морем было молочно-опаловое, а само море, вызывающее, чернильно-синее, описывало безупречный круг. Они могли обшаривать горизонт сколько угодно, однако даже опытный глаз капитана Дэвиса не мог обнаружить ни малейшего нарушения в его сплошной линии. Вверху медленно таяли бледные облачка; над шхуной, единственным предметом, привлекавшим внимание, то кружила, то замирала тропическая белая, как снежные хлопья, птица с длинными, ярко-красными перьями в хвосте. В океане и в небе больше не было ничего.

— Кто кричал «земля»? — грозно спросил Дэвис. — Кто вздумал шутить со мной шутки? Я научу, как меня разыгрывать!

Однако Дядюшка Нед с довольным видом показал на какое-то место над горизонтом, где можно

было различить зеленоватое туманное пятно, плывшее на фоне бледного неба, как дым.

Дэвис приставил к глазам подзорную трубу, потом взглянул на канака.

— Это называется земля? — спросил он. — Я бы этого не сказал.

— Один лаз давно-давно, — сказал Дядюшка Нед, — мой видал Анаа все давно как этот, четыле-пять часа ланьше, как подошел туда. Капитана говолил, солнце заходить, солнце вставать опять, он говолил, лагуна все давно как селькала.

— Все равно как что? — переспросил Дэвис.

— Селькала, саа, — повторил Дядюшка Нед.

— А-а, зеркало, — догадался Дэвис. — Понял, отражение от лагуны. Что ж, может, и так, только странно, что я никогда об этом не слыхал. Давайте-ка посмотрим по карте.

Они опять пошли в кают-компанию и, заглянув в карту, нашли, что шхуна находится с наветренной стороны от Архипелага, далеко посреди белого поля карты.

— Вот! Сами видите, — сказал Дэвис.

— И все-таки меня это смущает, — возразил Геррик, — мне почему-то думается, что не все так просто. И знаете, капитан, насчет отражения все правильно, я слыхал об этой штуке в Папеэте.

— Тогда тащите сюда Финдлея![39] — приказал Дэвис. — Попробуем и так и этак. Остров бы нам пришелся сейчас весьма кстати при нашем-то положении.

Капитану подали объемистый том с изломанным корешком, как это и водится с Финдлеем, и капитан, найдя нужное место, начал пробегать глазами текст, бормотать что-то себе под нос и, послюнив палец, переворачивать страницы.

— Ого! — воскликнул он наконец. — А это что? — И он прочел вслух: — «Новый остров. Как утверждает Делиль, этот остров, остающийся неизвестным ввиду личных мотивов неких лиц, лежит на 12°49′10″ южной долготы и 133°6′ западной широты. В дополнение к указанному капитан Мэтьюз со «Скорпиона» флота Ее Величества тоже сообщает, что на пересечении 12°0′ южной долготы и 133°16′ западной широты лежит некий остров. Очевидно, речь идет об одном и том же острове, если таковой существует, что, однако, вызывает сомнение и полностью отрицается купцами южных морей».

— Ну и ну! — подвел итог Хьюиш.

— Довольно неопределенно, — сказал Геррик.

---

[39] Примечания: 39

Финдлей — общеупотребительное название морского справочника, названного по имени его автора.

— Говорите что угодно, — воскликнул Дэвис, — но остров перед нами! Это то, что нам надо, можете быть уверены.

— «Остающийся неизвестным ввиду личных мотивов», — прочел Геррик через плечо капитана. — Что бы это значило?

— Это может означать жемчуг, — ответил Дэвис. — Подумайте, остров, где есть жемчуг, а правительство об этом не знает? Похоже на недвижимость. Или предположим, это ничего не значит. Просто остров. Тогда мы могли бы там запастись рыбой, кокосами и туземной пищей и выполнить наш план насчет Самоа. Сколько, он говорил, им оставалось до Анаа? Кажется, пять часов?

— Четыре или пять, — подтвердил Геррик.

Дэвис подошел к двери.

— Какой дул ветер, когда вы подходили к Анаа, Дядюшка Нед?

— Шесть или семь узлов.

— Хм, тридцать — тридцать пять миль, — подсчитал Дэвис. — Значит, самое время убавлять паруса. Если это остров, то ни к чему напарываться на него в темноте, а если не остров, так почему бы не пройти там днем. К повороту! — заорал он.

И шхуну повернули в ту сторону, где неулови-

мое мерцание в небе начинало уже бледнеть и уменьшаться подобно тому, как исчезает с оконного стекла пятно от дыхания. Одновременно на шхуне взяли все рифы[40].

[40] Примечания: 40
Брать рифы — убавлять площадь паруса.

Часть вторая
Квартет

Глава 1
Искатель жемчуга

Около четырех утра, когда капитан с Герриком сидели на поручнях, во мраке впереди послышался шум бурунов. Оба соскочили на палубу и стали вглядываться и прислушиваться. Шум стоял непрерывный, словно от идущего поезда; нельзя было различить ни подъема, ни спада, океан поминутно с равномерной силой набегал на невидимый остров.

Время шло. Геррик напрасно ожидал хоть какого-нибудь изменения в сплошном мощном реве, и постепенно он проникся ощущением вечности. Сам остров для опытного глаза угадывался в цепочке пятен, расположенных низко на фоне звездного неба. Шхуна легла в дрейф, и все с нетерпением стали ждать рассвета.

Предрассветных облаков не было. Наконец на востоке появилась светлая полоска, затем — робкий всплеск света неизъяснимого, безымянного оттенка, от пурпурного до серебряного; потом вспыхнули угли. Некоторое время они мерцали на горизонте, то разгораясь, то туск-

нея, то испуская короткие лучи, но пока все еще господствовали ночь и звезды. Казалось, будто искра зарделась и поползла вдоль нижнего края тяжелого, непроницаемого занавеса, но ничему вокруг огонь пока не угрожает. Но вот еще немного — и весь восток запылал золотым и алым, и небесная чаша наполнилась дневным светом.

Остров — неизвестный, отрицаемый — лежал прямо перед ними, совсем близко. Геррику подумалось, что никогда, даже во сне, он не видел ничего более дивного и изящного. Берег был сверкающе бел; сплошной барьер деревьев — неподражаемо зелен. Суша возвышалась над морем футов на десять, деревья — еще футов на тридцать.

По мере того как шхуна продвигалась вдоль берега к северу, между деревьями открывался просвет, и поверх невысокой и неширокой полоски суши Геррик, как поверх забора, видел лагуну внутри, а за ней — дальнюю сторону атолла, протянувшегося узкой чертой в зубцах деревьев на фоне утреннего неба. Геррик терзался, подыскивая сравнения. Остров был подобен краям огромного сосуда, погруженного в воду; подобен насыпи кольцеобразной железной дороги, поросшей лесом. Остров казался таким хрупким

среди беснующихся бурунов, таким прекрасным и непрочным, что Геррик, пожалуй, не удивился бы, если бы на его глазах остров затонул, беззвучно исчез и над ним плавно сомкнулись бы волны.

Между тем капитан устроился на форсалинге и в подзорную трубу обшаривал берега, высматривая вход в лагуну, высматривая признаки жизни. Однако остров продолжал открываться ему по частям и выдвигать мыс за мысом, а ни домов, ни людей, ни дыма костра не было видно. Вблизи мелькали, парили и ныряли в синюю воду морские птицы, а поодаль на целые мили тянулась пустынная кайма кокосовых пальм и пандануса, предоставляя желанный зеленый приют — кому? И гробовая тишина нарушалась только биением океана.

Бриз был легчайший, скорость его невелика, жара невыносима. Палуба раскалилась, медное солнце пылало над головой посреди медного цвета неба, смола кипела и пузырилась в швах, мозги — в черепных коробках. И все это время возбуждение сжигало троих авантюристов, как лихорадка. Они шептались, кивали, показывали руками и прикладывали губы к уху друг друга, испытывая какое-то странное побуждение со-

блюдать тайну. Они приближались к острову исподтишка, как соглядатаи, как воры, и даже Дэвис отдавал команды с салингов главным образом жестами. Матросам передалось это молчаливое напряжение, как передалось бы собакам волнение их хозяев. И посреди рева многомильных бурунов к безлюдному острову приближался безмолвный корабль.

Наконец в этом нескончаемом контуре возник разрыв. По одну его сторону выдавался мысок кораллового песка, по другую стояла густая группа высоких деревьев, закрывавшая обзор; посредине находился вход в огромный резервуар. Дважды в день океан теснился в этом узком горле и громоздился между хрупкими стенами; дважды в день, с отливом, колоссальному избытку воды приходилось протискиваться обратно.

Час, когда подошла «Фараллона», был часом прилива. Океан с инстинктом домашнего голубя устремился к обширному вместилищу, вихрем промчался через ворота и, чудесно преобразясь, умиротворенный и переливчатый, как шелк, влился во внутреннее море.

Шхуна поднялась в крутой бейдевинд, ее подхватило и понесло как игрушечную. Она проскользнула, пролетела, мимолетная тень от

прибрежных деревьев коснулась ее палубы, на миг мелькнуло дно пролива и тут же пропало. В следующую минуту «Фараллона» покачивалась на глади лагуны, а в глубине под ней, в прозрачном аквариуме, резвились мириады разноцветных рыб и мириады бледных коралловых цветов усеивали дно.

Геррик был восхищен. Утоляя свою страсть к красоте, он забыл о прошлом и о настоящем, забыл, что в одном случае ему угрожает тюрьма, в другом — нищета; забыл, что попал сюда в отчаянных поисках пищи и любых средств для спасения своей жизни.

Стайка рыб, окрашенных во все цвета радуги, с клювами, как у попугаев, промчалась в тени шхуны, вырвалась оттуда и сверкнула в солнечных лучах, проникавших в воду. Рыбки были красивы, как райские птицы, и их бесшумный полет поразил Геррика, как звуки прекрасной мелодии.

Тем временем перед глазами Дэвиса лагуна продолжала являть свои пустынные воды, и длинная вереница прибрежных деревьев разматывалась, как леска с катушки. И по-прежнему никаких следов жизни. Едва зайдя в лагуну, шхуна взяла к северу, где вода была глубже; теперь шхуна

скользила мимо высокой рощи, которая скрывала от взоров еще один изгиб. Непросмотренной оставалась лишь бухта за этим мысом. И вдруг занавес поднялся: перед ними открылась гавань, уютно пристроившаяся в изгибе, и, онемев от изумления, они увидели людские жилища.

То, что мгновенно открылось зрителям с палубы «Фараллоны», было не туземным селением, а, скорее, большой фермой с прилегающими постройками: длинный ряд навесов и амбаров, поодаль жилой дом с глубокой верандой, с другой стороны десяток туземных хижин и строение с каланчой, архитектуре которого явно старались придать черты церкви.

На берегу, перед деревней, лежали вытащенные на песок тяжелые лодки и груда бревен, раскатившихся по раскаленным отмелям. На флагштоке, установленном на пристани, развевался красный торговый английский флаг. Позади, с боков, поверх селения — те же высокие пальмы, что скрывали его вначале, протягивали над ним крышу из шумящих зеленых вееров. Они качались и шуршали там, наверху, и пели под ветром весь день свою песню.

По каким-то неуловимым признакам селение явно выглядело обжитым, но в то же время от него

веяло заброшенностью, от которой становилось тоскливо. Между домами не было видно людей, не слышно шума работы или развлечений. Лишь на самом высоком месте берега, неподалеку от флагштока, виднелась женская фигура непомерных размеров, белая как снег, которая манила к себе вытянутыми вперед руками. Присмотревшись, в ней можно было узнать образец морской скульптуры, носовое украшение с корабля, которое долго носилось и ныряло в бесконечных волнах, а теперь, оказавшись на суше, сделалось ангелом-хранителем этого опустевшего селения.

«Фараллона» шла с попутным ветром. К тому же здесь, внутри, под защитой земли, он был сильнее, чем снаружи, и перед шхуной быстро, как в панораме, сменялись картина за картиной, так что трое авантюристов стояли в немом изумлении. Флаг был достаточно красноречив — это был отнюдь не истрепанный и выцветший трофей, который изорвался в лохмотья, развеваясь над давно обезлюдевшим островом. И словно чтобы укрепить растущую уверенность в том, что остров населен, в затененной глубине веранды блеснуло стекло, мелькнула белая скатерть. Если статуя на берегу в своей застывшей позе и с белым, как от проказы, телом царство-

вала одна в деревушке, то царствовала недавно. Людские руки хлопотали, людские ноги сновали там не далее как час назад. Фараллонцы были в этом уверены; их глаза шарили в глубокой тени пальм, отыскивая спрятавшихся; если бы дело было за пристальностью взгляда, глаза их просверлили бы стены домов. В эти напряженные секунды у них появилось ощущение, что за ними наблюдают, их дурачат, что над ними нависла угроза, — ощущение почти невыносимое.

На самом краю пальмовой рощи, которую они только что миновали, скрывался ручей, до последней минуты скрытый от глаз путешественников. Вдруг неожиданно оттуда выскочила лодка, и голос прокричал:

— Эй, на шхуне! Подходите к пирсу! В двух кабельтовых[41] глубина двадцать саженей[42], хороший грунт!

В лодке на веслах сидели два смуглокожих гребца в коротких синих юбочках. Тот, что кричал — рулевой, — был во всем белом, в полном тропи-

---

[41] Примечания: 41

Кабельтов — мера длины, равная 185,2 м (0,1 морской мили).

[42] Примечания: 42

Сажень морская (шестифутовая) — морская мера длины, равная 1,83 м. В морском деле применялась лишь для указания глубины моря для однообразия с английскими морскими картами и пособиями, где глубины всегда указываются или в шестифутовых саженях, или в футах.

ческом одеянии европейца; широкие поля шляпы затеняли лицо, но голос выдавал джентльмена, и в глаза бросалась его рослая фигура. Вот все, что можно было разобрать. Кроме того, стало ясно, что «Фараллону» заметили уже давно, еще в море, и обитатели острова подготовились к приему.

Команде рулевого машинально повиновались, судно стало на якорь. Трое авантюристов собрались на корме у надстройки и с бьющимися сердцами, без единой мысли принялись ждать незнакомца, который мог сыграть важную роль в их судьбе. Они не успели составить никакого плана действия, не успели придумать никакой истории, их застигли врасплох, и они должны были выпутываться, как могли.

Однако тревога мешалась с надеждой. Раз остров не занесен на карту, значит, человек этот не занимает официального поста и не имеет права потребовать у них бумаги. А сверх того, если можно верить Финдлею (а на поверку выходит, что можно), этот человек — представитель «личных мотивов»; появление шхуны, вполне вероятно, глубоко раздосадовало его, и возможно даже (нашептывала надежда), он захочет и сможет купить их молчание.

Тем временем лодка подошла к борту, и они

смогли наконец разглядеть, с кем имеют дело. Это был высокий человек, ростом примерно шесть футов четыре дюйма, и соответственно крупного сложения, но мускулы его казались расслабленными, как бывает у вялых, апатичных людей. Впечатление исправляли глаза: глаза необычайно блестящие и вместе с тем томные, мрачные и черные, как угли, но с огоньками в глубине, сверкающими, как топаз; глаза, говорящие о совершенном здоровье и мужестве, глаза, которые словно бы предупреждали: берегись сокрушающего гнева их обладателя. Лицо, от природы смуглое, на острове загорело до такой степени, что он почти не отличался от таитян; только его жесты, манеры, энергия, таившаяся в нем, как огонь в кремне, выдавали европейца. Он был одет в белую тиковую, превосходно сшитую пару; шейный платок и галстук были шелковые, нежнейших расцветок. К банке[43], рядом с ним, был прислонен винчестер.

— Доктор с вами? — закричал он, подплывая к борту. — Доктор Саймондс? Никогда о нем не слыхали? И о «Тринити Холл» тоже? Ага!

Он, казалось, не удивился и только из веж-

[43] Примечания: 43

Банка — деревянная доска, служащая для укрепления шлюпки от сдавливания и одновременно сиденьем для гребцов.

ливости притворился удивленным; глаза его между тем остановились поочередно на каждом из троих белых с неожиданно весомым любопытством, которое можно было даже назвать беспощадным.

— Ах так! — сказал он. — Поскольку явно произошла небольшая ошибка, то я вынужден осведомиться, чему я обязан столь приятным сюрпризом?

Он уже поднялся на палубу, но каким-то образом ухитрялся быть совершенно недоступным, так что самый общительный из невежд, будучи мертвецки пьян, и тот не осмелился бы фамильярничать; и ни один из троих авантюристов не решился протянуть ему руку.

— Что ж, — сказал Дэвис, — пожалуй, назовем это случайностью. Мы слыхали про ваш остров, а потом, понимаете, прочли в «Указателе» про «личные мотивы». Так что когда мы увидали отражение лагуны в небе, мы сразу повернули шхуну, и вот мы здесь.

— Не помешали, нет? — добавил Хьюиш.

Незнакомец взглянул на Хьюиша с деланным изумлением, а затем подчеркнуто отвел взгляд. Трудно было разыграть более оскорбительную пантомиму.

— Меня ваше прибытие даже устраивает, — сказал он. — Моя собственная шхуна запаздывает, так что, возможно, я кое о чем вас попрошу. Фрахтовать вашу шхуну можно?

— Отчего же, — ответил Дэвис. — Смотря по обстоятельствам.

— Моя фамилия Этуотер, — продолжал незнакомец. — Вы, надо полагать, капитан судна?

— Да, сэр, капитан Браун.

— Постойте-ка, постойте, — вмешался Хьюиш, — давайте начистоту! На мостике заправляет он — это точно, но не внизу. Внизу мы все равны, у каждого есть доля в предприятии. И когда доходит до дела, то я не хуже его. Вот я и приглашаю пойти внутрь и выпить, а потом обсудить все между собой по-дружески. У нас водится шампанское — пальчики оближете, — добавил он, подмигивая.

От присутствия настоящего джентльмена вульгарность клерка взыграла самым отвратительным образом, и Геррик инстинктивно, как заслоняются от удара, поспешил вмешаться.

— Моя фамилия Хэй, — сказал он, — раз уж мы начали знакомиться. Мы в самом деле будем очень рады, если вы зайдете к нам.

Этуотер живо повернулся в его сторону.

— Кончали университет? — спросил он.

— Да, Мэртон, — ответил Геррик и тут же густо покраснел, осознав свою оплошность.

— А я из другого ордена, — сказал Этуотер. — Тринити Холл, Кембридж, моя шхуна названа в его честь. Н-да, в странном месте и в странной компании мы с вами знакомимся, — продолжал он, небрежно игнорируя остальных. — А вы подтверждаете… Прошу прощения у этого господина, я не уловил его фамилии…

— Меня зовут Хьюиш, сэр, — ответил клерк и в свою очередь покраснел.

— Ага-а, — протянул Этуотер и снова обратился к Геррику: — Так вы подтверждаете рекомендацию, данную мистером Хювишем вашему хваленому шампанскому? Или же надо делать скидку на бьющую через край поэтическую непосредственность его натуры?

Геррик пришел в замешательство: вкрадчивое хамство их посетителя вызвало на его лице краску; то, что с ним обошлись как с равным, в то время как другими пренебрегли, доставило ему против воли удовольствие, но тут же возмутило и вызвало вспышку гнева.

— Не знаю, — сказал он, — обыкновенное калифорнийское, на мой взгляд, вполне сносное.

Этуотер, казалось, принял какое-то решение.

— В таком случае разрешите мне сказать следующее: вы все трое пожалуете сегодня вечером ко мне и принесете с собой корзинку вина, а я позабочусь о съестном. Кстати, мне следовало с самого начала задать вам вопрос: была ли у вас оспа?

— У нас лично — нет, — ответил Геррик. — Но вообще на шхуне были случаи.

— Умер кто-нибудь?

— Двое, — ответил Геррик.

— Да, болезнь страшная, — проговорил Этуотер.

— А у вас тут как, на острове? — спросил Хьюиш. — Смерти были?

— Двадцать девять, — ответил Этуотер. — Двадцать девять смертей и тридцать один больной из тридцати трех душ населения. Странный способ считать, не правда ли, мистер Хэй? Души! Я содрогаюсь каждый раз, как произношу это слово.

— А-а, вот почему на острове так пусто, — вставил Хьюиш.

— Да, именно потому, мистер Хювиш, — сказал Этуотер, — вот потому-то дом пуст, а кладбище полно.

— Двадцать девять из тридцати трех! — вос-

кликнул Геррик. — А когда дошло до того, чтобы хоронить, как же вы?.. Или вы не возились с похоронами?

— Вы угадали, — сказал Этуотер, — во всяком случае, выдался один такой день, когда мы не могли больше хоронить. В то утро умерли пятеро, тринадцать умирали, и, кроме нас с причетником, не было ходячих. Мы устроили военный совет, потом отнесли… пустые сосуды… на берег лагуны и… похоронили их. — Он оглянулся через плечо на сверкающую гладь воды. — Так, значит, вы придете обедать? Скажем, в половине седьмого? Так будет мило с вашей стороны!

Его голос, интонации, с какими он произносил эти шаблонные любезные фразы, сразу задали фальшивый светский тон, и Геррик бессознательно подпал под этот тон.

— Разумеется, с огромным удовольствием, — сказал он. — В половине седьмого? Благодарю вас.

> *И голос мой стал, словно пушечный гром.*
>
> *Будивший глубины в сраженье морском, —*

продекламировал Этуотер с улыбкой, которая

мгновенно сменилась выражением похоронной торжественности. — С особенным нетерпением я буду поджидать мистера Хювиша, — продолжал он. — Мистер Хювиш, надеюсь, вы усвоили приглашение?

— Еще бы, старина! — ответил общительный Хьюиш.

— Значит, условились. Вы поняли меня правильно, не так ли? Мистер Хювиш и капитан Браун в половине седьмого, и не раньше, а вы, Хэй, ровно в четыре.

И Этуотер окликнул лодку.

В продолжение переговоров капитан сохранял озабоченный вид, его явно обуревали какие-то мысли или же тревога. Природа как нельзя более щедро наделила его чертами капитана-весельчака. Но сегодня он был молчалив и рассеян. Зная его, можно было видеть, что он не пропускает ни одного сказанного слова, обдумывает их, взвешивает. Трудно было бы сказать, что выражал его взгляд, когда он смотрел на ничего не замечавшего гостя, — холодный, пристальный и недобрый взгляд, какой бывает у человека, что-то замышляющего. Выражение это порой бывало так неуловимо, что Геррик бранил себя за пустую подозрительность, а то становилось таким яв-

ным и ощутимым, что каждая черточка на лице капитана излучала зло.

Сейчас он очнулся как от толчка.

— Вы говорили про то, чтобы зафрахтовать судно? — спросил он.

— Разве? — ответил Этуотер. — Ну, так пока больше не будем об этом говорить.

— А ваша шхуна, как я понял, запаздывает? — не отставал капитан.

— Вы все поняли превосходно, капитан Браун, — отвечал Этуотер, — сегодня в полдень будет тридцать три дня опоздания.

— Она приходит и уходит, так ведь? Курсирует между вашим островом и… — закинул удочку капитан.

— Совершенно верно, каждые четыре месяца, итого три рейса в год.

— Сами тоже на ней выходите?

— Нет, живу здесь безвыездно, — отвечал Этуотер, — хлопот полон рот.

— Живете здесь, вот как! — воскликнул Дэвис. — И давно?

— Давно ли? О господи! — произнес Этуотер серьезно и торжественно. — Но времени я не замечаю, — добавил он, улыбаясь.

— Нет, я тоже так думаю, — сказал Дэвис. — Еще

бы, конечно. Со всеми вашими богами, с такой уютной стоянкой… Да, стоянка у вас здорово уютная, — повторил он.

— В самом деле, как вы справедливо изволили заметить, место не совсем лишено приятности, — последовал ответ.

— Есть раковины?

— Да, встречались и раковины, — ответил Этуотер.

— Чертовски большая лагуна, сэр, — продолжал капитан. — А вообще-то можно назвать ловлю удачной?

— Не знаю, как я вообще ее назову, когда вы скажете прямо, что вы имеете в виду.

— И жемчужины попадались? — спросил Дэвис.

— И жемчужины, — ответил Этуотер.

— Ну, сдаюсь! — расхохотался Дэвис, но смех его прозвучал резко и фальшиво. — Не хотите рассказывать — не рассказывайте, и баста.

— Нет никаких причин держать в секрете что бы то ни было относительно моего острова, — возразил Этуотер. — Ваше появление все равно положило конец секрету, а кроме того, таких джентльменов, как вы и мистер Хювиш, я, можно сказать, всегда счастлив всячески уважить. Во-

прос, по которому мы сейчас с вами расходимся — если можно это назвать расхождением, — касается времени и уместности. Я располагаю сведениями, которыми, по вашему мнению, мне следует поделиться с вами, а по моему мнению — не следует. Что ж, вечером посмотрим. Пока, Хювиш! — Он сошел в лодку и оттолкнул ее от борта. — Значит, все поняли? Капитан и мистер Хювиш в половине седьмого, а вы, Хэй, ровно в четыре. Вам ясно, Хэй? Имейте в виду, отказа я не принимаю. Если в назначенное время вы не явитесь, званый обед не состоится, не будет песен, мистер Хювиш, не будет пира!

Вверху, в воздухе, проносились белые птицы, внизу, в стихии не менее прозрачной, — стайки пестрых рыб, а посредине, точно гроб Магомета, по глади лагуны быстро удалялась лодка, и за ней по мерцающему морскому дну скользила ее тень. Этуотер, не отрывая взгляда смотрел через плечо назад, на «Фараллону» и группу на шканцах возле надстройки, пока лодка не пристала к пирсу. Тогда он проворно зашагал в глубь острова, и его белый костюм выделялся в изменчивом сумраке рощи, пока его не поглотил дом.

Капитан жестом пригласил своих компаньонов в каюту. Выражение его лица было яснее слов.

— Ну, — удовлетворенно сказал он Геррику, когда они заняли свои места, — по крайней мере, одно хорошо: вы ему приглянулись.

— Что же здесь хорошего? — спросил Геррик.

— Сейчас поймете, чем это пахнет, — возразил Дэвис. — Вы отправляетесь на берег и стараетесь поддержать дружбу, вот и все, зато выясните кучу вопросов: разузнаете, что у него там есть, что за фрахт и кто четвертый — их там четверо, а нас только трое.

— Ну, предположим, я узнаю. Что дальше? — воскликнул Геррик. — Ответьте мне!

— И отвечу, Роберт Геррик! Но сперва давайте разберемся. Вы, наверное, понимаете, — продолжал он с назидательной торжественностью, — вы, наверное, понимаете, что спекуляция с «Фараллоной» погорела? Вы, наверное, понимаете, что она погорела дотла? И если бы тут не подвернулся этот остров, вы, наверное, догадываетесь, где бы мы — вы, я и Хьюиш — очутились?

— Да, все это я понимаю, — ответил Геррик. — Не важно, по чьей вине это произошло бы, но я понимаю. И что дальше?

— Весьма обязан вам за напоминание, именно так: не важно, по чьей вине. Теперь об Этуотере: что вы о нем думаете?

— Не знаю, что и думать, — ответил Геррик. — Он меня и влечет и отталкивает. С вами он был груб невыносимо.

— А вы, Хьюиш?

Хьюиш сидел и прочищал свою любимую вересковую трубку и даже не поднял головы, поглощенный этим увлекательным занятием.

— Не спрашивайте, что я про него думаю! — огрызнулся он. — Даст бог, придет день, когда я скажу это ему самому.

— Хьюиш выразил и мои мысли, — сказал Дэвис. — Как только этот тип ступил на палубу и сказал: «Эй, вы, я Этуотер» (а что он не врет, так это сразу видно!), я мигом определил, что он за птица. «Настоящая вещь без подделок, — сказал я себе, — и мне она не нравится. Настоящий, первоклассный, чистокровный аристократ». «Ах, я с вами, кажется, не знаком! Кто вас создал, черт побери, Бог?» Да тут так и прет порода, таким надо родиться. И заметьте: кипит, как шампанское, а жесткий, как кремень. Его не проведешь, нет, сэр! Глупости ни грамма! «Ладно, чем же он тут занимается, на этом треклятом острове?» — спросил я себя. Уж конечно, не птичьи яйца собирает. Дома у него небось дворец и напудренные лакеи, и, коли он не сидит там, значит, бьюсь об заклад,

у него есть на то причины! Слышите?

— Не глухие, — отозвался Хьюиш.

— Значит, дела у него тут разворачиваются неплохо, — продолжал капитан. — За десять лет развернулись даже очень хорошо. Ясно, что это жемчуг и перламутр — ничего другого в таком месте и быть не может. Раковины, конечно, регулярно отсылаются с «Тринити Холл», а вырученные денежки идут прямо в банк, так что деньгами нам у него не разжиться. Но что же у него еще есть? Что еще он может держать при себе? И держит, как пить дать держит. Жемчуг — вот что, сэр! Во-первых, жемчуг требует тщательной подборки и сортировки, и если кто продает жемчужины сразу, как вылавливает, — одну одному покупателю, другую другому, вместо того чтобы воздержаться и выждать, — тот просто дурак, а уж об Этуотере этого не скажешь.

— Может, и так, — заметил Хьюиш, — не факт, но может быть, и так.

— Для меня это факт! — резко сказал Дэвис.

— Ну и что из этого? — проговорил Геррик. — Предположим, все правильно, и у него есть жемчуг — десятилетний сбор. Так что из этого, я вас спрашиваю?

Капитан побарабанил толстыми пальцами по

столу, потом пристально поглядел Геррику в лицо, но Геррик так же пристально глядел в стол на барабанящие пальцы. Судно чуть заметно покачивалось, и по столу между сидящими перебегал туда-сюда солнечный зайчик.

— Выслушайте меня! — не выдержал Геррик.

— Нет, сперва вы послушайте, — перебил Дэвис. — Послушайте и постарайтесь понять. Не знаю, как вам, а нам этот тип ни к чему. Он вашей породы, а не нашей, вы ему понравились, а о нас с Хьюишем он вытер башмаки. Попробуйте его спасти, если можете! Да, спасти, если вы на это способны! — еще раз сказал Дэвис, ударив по столу кулаком. — Ступайте на берег, потолкуйте с ним, и, если доставите его на судно вместе с жемчугом, я его пощажу. Если не приведете, ждите похорон. Так, Хьюиш? Вас это устраивает?

— Я зла не забываю, — сказал Хьюиш, — но и дела портить не люблю. Приведете субчика на шхуну вместе с его жемчугом — поступайте как хотите, высаживайте его где желаете, я не против.

— Ну а если мне не удастся? — вскричал Геррик, у которого пот струился по лицу. — Вы говорите так, будто я Господь всемогущий: сделай то, сделай это. А если я не сумею?

— Сын мой, — сказал капитан, — советую вам расстараться, а то увидите такое, что волосы дыбом встанут!

— Уж это да, — подхватил Хьюиш. — Крайки, пайки — да!

Он посмотрел на Геррика, улыбаясь тонкогубым ртом, и его улыбка, не обнажавшая зубов, показалась Геррику до ужаса кровожадной. И тут, как видно увлеченный своими последними идиотскими словами, Хьюиш разразился припевом к комической песенке, которую слышал, должно быть, лет двадцать назад в Лондоне; бессмысленная чепуха показалась в этих обстоятельствах отвратительной, как богохульство:

— Хайки, пайки, крайки, файки, чилинга валоба дори!

Капитан с неподвижным лицом терпеливо ждал, пока тот закончит.

— Многие на моем месте не отпустили бы вас сейчас на берег, — заключил он. — Но я не из таковских. Я знаю, вы меня не продадите, Геррик! А если продадите, так черт с вами! — прокричал он и резко встал из-за стола.

Он пошел к двери, но, не дойдя до нее, повернулся и позвал Хьюиша — неожиданно и бешено, точно пролаял. Хьюиш повиновался, и Геррик

остался в каюте один.

— Слушай! — шепнул Дэвис Хьюишу. — Я его хорошо знаю. Если ты ему еще что-нибудь скажешь, все пропало.

Глава 2
Ближайшее знакомство

Шлюпка ушла обратно и была уже на полпути к «Фараллоне», и тогда только Геррик отвернулся от моря и нехотя побрел вверх от пирса.

Впереди корабельная статуя взирала на него сверху как бы с иронией, ее голова в шлеме была запрокинута назад, могучая рука словно швыряла что-то, раковину или метательный снаряд, в стоящую на якоре шхуну. Статуя казалась воинственной богиней, которая порывисто выбежала на порог своего острова, словно собиралась взлететь, да так и замерла навеки в этой стремительной позе. Ее голова и плечи высились над Герриком; он задрал лицо вверх, испытывая любопытство, отдаваясь мечтательному настроению. Он мысленно блуждал по ее жизненному пути: так долго она была слепой водительницей корабля среди морских просторов, так долго пребывала здесь в праздности под палящим солнцем, которому пока еще не удалось испепелить ее! «Но конец ли это ее приключениям? — размышлял он. — Или впереди ждут новые?» И Геррик

в глубине души пожалел, что она не идол, а он не язычник и не может преклонить перед ней колени в этот трудный для него час.

Когда он наконец двинулся дальше, то сразу попал в прохладную сень высоких пальм. Порывы замирающего ветерка раскачивали их верхушки; повсюду с быстротой стрекоз или ласточек, и даже еще быстрей, порхали, мелькали, парили пятна света.

Под ногами лежал плотный, ровный песок, и ноги Геррика ступали неслышно, точно по свежевыпавшему снегу. Заметно было, что когда-то этот путь выделывали как садовую дорожку, но эпидемия сделала свое, и сорняки теперь мало-помалу возвращались. Там и сям между колоннами пальм проглядывали дома поселка — свежевыкрашенные, опрятные, даже нарядные, но безмолвные, как гробы. Только кое-где в тиши этого огромного склепа раздавался шорох, топот легких ног, кудахтанье, а из-за дома с верандой виднелся дымок и слышалось потрескивание костра.

С правой стороны к Геррику близко подходили каменные домики. Первый дом оказался заперт, во втором он смутно разглядел через окно гору раковин в дальнем углу комнаты; третий дом,

распахнутый навстречу дневному свету, поразил воображение Геррика беспорядком и многообразием всевозможных романтических предметов. Там валялись якорные цепи, лебедки и блоки всех размеров и любой грузоподъемности; иллюминаторы и трапы, ржавые баки, крышка люка, нактоуз в медной оправе с компасом, бессмысленно указывающий посреди кавардака и сумрака склада на невесть какой полюс; канаты, якоря, гарпуны, медный, позеленевший от возраста черпак для ворвани[44], рулевое колесо, ящик для инструментов с названием судна на крышке «Азия» — словом, целая антикварная лавка с корабельными диковинками, громоздкими и массивными, не поддающимися разрушению, вделанными в медь, окованными железом. По меньшей мере два кораблекрушения содействовали этому нагромождению хлама.

Геррик глядел и глядел, и ему вдруг почудилось, будто экипажи этих двух кораблей находятся здесь, стерегут свое добро, несут караул, будто он слышит шаги, перешептывание и даже видит уголком глаза призраки матросов.

Дело было не только в разыгравшемся вообра-

---

[44] Примечания: 44

Ворвань — жидкий жир, добываемый из сала китов, тюленей и др.

жении — галлюцинации имели вполне реальную почву: послышались тихие шаги, и, в то время как Геррик все еще стоял и смотрел на хлам, за спиной у него неожиданно раздался голос хозяина, еще более вкрадчивый, чем обычно.

— Старье, — сказал он, — ненужное старье! Так как же, нашел мистер Хэй подходящую к случаю аллегорию?

— Во всяком случае, я получил сильное впечатление, — ответил Геррик и быстро обернулся, чтобы уловить на лице говорящего какой-то комментарий к его словам.

Этуотер стоял в дверях, почти целиком заполнив собой проем; вытянутыми кверху руками он держался за притолоку. Глаза их встретились. Этуотер улыбнулся, но лицо осталось непроницаемым.

— Да, впечатление неотразимое. Вы похожи на меня: ничто меня так не волнует, как корабли! Руины целой империи оставили бы меня равнодушным, а вот перед куском ржавого поручня, на который опирался во время ночной вахты старый морской волк, я застываю с благоговением. Однако пойдемте осмотрим остров. В нем только и есть, что песок, кораллы и пальмы, но есть в нем и какая-то привлекательность.

— Мне он кажется райским местом, — сказал Геррик, стоя с непокрытой головой в тени и глубоко дыша.

— Ну, это оттого, что вы только что с моря, — возразил Этуотер. — Смею думать, вы оцените, как я назвал его. Прелестное название. В нем есть аромат, есть цвет, есть звучание, оно подобно тому, кто его впервые придумал, — оно тоже наполовину языческое! Вспомните ваше первое впечатление от острова — только леса, леса и воды, и предположим, вы спросили название острова и получили ответ: Nemorosa Zacynthos[45].

— Iam medio apparet fluctu![46] — воскликнул Геррик. — Боже мой, до чего же хорошо!

— Если остров попадет на карту, воображаю, как шкиперы все переврут, — заметил Этуотер. — Зайдите еще туда, взгляните на водолазное снаряжение.

Он открыл дверь, и Геррик увидел целую выставку аккуратно расставленной аппаратуры: помпы и трубки, башмаки на свинцовой подошве и огромные носатые шлемы, сверкающие вдоль стены, — десять полных комплектов.

---

[45] Примечания: 45
Закинф Лесистый *(лат.).* Из «Энеиды» Вергилия.

[46] Примечания: 46
Сейчас появляется прямо из воды *(лат.).* Там же.

— Видите ли, вся восточная часть лагуны неглубока, — сказал Этуотер, — так что нам удалось весьма успешно использовать скафандры. Это оказалось неслыханно выгодным. Странное было зрелище, когда ловцы принялись нырять, и эти морские чудовища, — он постучал по ближайшему шлему, — начали то появляться, то исчезать посреди лагуны. Любите аллегории? — спросил он вдруг.

— Да, очень, — ответил Геррик.

— Так вот, я смотрел, как эти скафандры всплывали, и с них стекала вода, и они опять ныряли, и опять всплывали, и снова ныряли, а ловцы внутри них оставались неизменно сухими! И я думал, что все мы нуждаемся в скафандре, чтобы погружаться в мир и выходить из него невредимыми. Как, по-вашему, можно назвать такой скафандр?

— Самомнение, — ответил Геррик.

— Нет, я спрашиваю серьезно!

— Ну, так назовите его самоуважением! — со смехом поправился Геррик.

— А почему не благодатью? Почему не Божьей благодатью, Хэй? — спросил Этуотер. — Почему не благодатью Творца и Спасителя? Того, кто умер за нас, Того, кто поддерживает вас, кого вы ежедневно распинаете снова и снова? Нет

ничего здесь, — он ударил себя в грудь, — ничего тут, — он постучал по стене, — и ничего там, — он топнул ногой, — кроме Божьей благодати! Мы ступаем по ней, вдыхаем ее, мы живем и умираем с нею, она составляет основу основ Вселенной. А какой-нибудь молокосос в пижаме предпочитает самомнение!

Большой непонятный человек возвышался над Герриком. Он, казалось, вырастал на глазах и излучал зловещее сияние. Однако в следующую секунду воодушевление покинуло его.

— Прошу прощения, — сказал он, — я вижу, вы не верите в Бога.

— Боюсь, что, в вашем понимании, нет, — ответил Геррик.

— Никогда не спорю с молодыми атеистами или с пьянчугами, — вызывающе сказал Этуотер. — Перейдемте на ту сторону острова, где берег выходит на океан.

Идти было недалеко, ширина острова нигде не превышала восьмой части мили, так что они шли не торопясь. Геррик чувствовал себя как во сне. Он явился сюда, раздираемый сомнениями; он приготовился к тому, чтобы разгадать эту непонятную глумливую маску, извлечь из-под нее подлинного человека и только тогда решить,

как действовать. Холодную жестокость, нечувствительность к страданию других, неуклонное следование своим интересам, бесчеловечную образованность, бездушную воспитанность — вот что ожидал он найти, и ему казалось — нашел. Но то, что эта машина озаряется сиянием религиозного фанатизма, необычайно удивило его. И пока они шли, он тщетно пытался связать воедино обрывочные сведения, придать четкость расплывшимся очертаниям, ввести в фокус созданный им ранее образ человека, который шел рядом с ним.

— Что привело вас сюда, в южные моря? — спросил он.

— Многое, — ответил Этуотер. — Молодость, любознательность, романтика, любовь к морю и — вы, должно быть, удивитесь — интерес к миссиям. Миссионерство довольно основательно пришло в упадок, что уже не столь удивительно. У миссионеров неправильный подход к делу, в них слишком много поповского, провинциального, жеманного. Одежды, одежды — вот их главная идея, но одежды еще не есть христианство, так же как и они — не солнце в небе и не могут заменить его! Они думают, что церковный приход с розами, колоколами и уютными старушками, вяжущи-

ми на скамеечках в переулках, есть сущность религии. Но на самом деле религия жестока, как и Вселенная, которую она озаряет, — жестока, холодна и проста, но бесконечно могущественна.

— И вы обнаружили остров случайно? — спросил Геррик.

— Так же, как и вы! И с тех пор у меня появилось предприятие, колония и собственная миссия. Прежде чем стать христианином, я был мирским человеком. Я и сейчас мирской, и я выжал из миссии все, что мог. Никогда еще из баловства не выходило ничего хорошего. Человек должен смело стоять перед лицом Бога и заслужить трудом звание человека Тогда только я стану с ним разговаривать, но не раньше. Я дал беднягам то, в чем они нуждались: судью израильского, носителя меча и бича, я почти уже сделал из них новых людей, но ангел Господень поразил их, и их не стало.

Едва он произнес эти слова, сопроводив их взмахом руки, как они вышли из-под свода пальмового леса и оказались на самой кромке моря, напротив заходящего солнца. Перед ними медленно набегали на берег волны. Во все стороны от них, точно корявые кусочки коры, наделенные злобной энергией, суетливо разбегались по сво-

им норкам крабы. Справа, куда сперва показал, а потом направился Этуотер, лежало кладбище: поле, усеянное обломками камней величиной от детской ладони до детской головы, и между ними — холмики из таких же камней; все это обнесено грубо сложенной прямоугольной стеной. Там не росло ничего, кроме одного-двух кустов в белых цветах, и, помимо холмиков и их наводящей тревогу формы, ничто не указывало на присутствие мертвых.

— «Здесь праотцы села… сном непробудным спят!» — продекламировал Этуотер, входя через незакрытую калитку внутрь. — Коралл к кораллу, камушек к камушку, — продолжал он, — здесь главная арена моей деятельности в южных морях. Одни были хорошие, другие скверные, а большинство, как всегда и всюду, — никакие. Тут лежит один, который вилял хвостом, как пес; если вы подзывали его, он несся к вам, как стрела из лука, а если он являлся незваным, надо было видеть его умоляющие глаза и заплетающиеся, пританцовывающие шажки. Да, теперь его заботы окончились, он покоится там же, где лежат цари и министры, а все его поступки — разве они не вписаны в летопись? А вот этот был с Пенрина; подобно всем пенринцам, он плохо поддавался

укрощению — горячий, ревнивый, вспыльчивый, одним словом, с характером. Теперь он успокоился в мире. И так все они. «И мертвых погребла ночная тьма…»

Он стоял в ярком зареве закатного солнца, склонив голову, голос его звучал то мягко, то резко, в зависимости от того, что он говорил.

— Вы любили этих людей? — спросил Геррик, растроганный.

— Я? — переспросил Этуотер. — Избави Бог! Не принимайте меня за филантропа. Я не люблю людей, не выношу женщин. Если мне и нравятся острова, то лишь за то, что здесь мужчин и женщин видишь без всяких приложений, без париков и треуголок, без нижних юбок и цветных панталон. Этого я, правда, любил. — Он поставил ногу на холмик. — Он был настоящий дикарь с темной душой. Да, его я любил. У меня бывают причуды, — добавил он, пристально глядя на Геррика, — я способен увлекаться. Например, мне нравитесь вы.

Геррик поспешно отвернулся и устремил взгляд вдаль, где облака начинали толпиться вокруг погребаемого дня.

— Я никому не могу нравиться, — проговорил он.

— Вы ошибаетесь, — возразил его собеседник, — впрочем, люди всегда заблуждаются относительно себя. Вы привлекательны, очень привлекательны.

— Только не я, — повторил Геррик. — Я никому не могу нравиться. Если бы вы знали, как я себя презираю — и за что…

Голос его прозвучал громко в тиши кладбища:

— Я так и понял, что вы себя презираете. Я видел, как кровь бросилась вам в лицо, когда вы упомянули Оксфорд. Я и сам чуть не покраснел, видя вас, джентльмена и человека, в обществе этих презренных волков.

Геррик с испугом уставился на него.

— Волков? — переспросил он.

— Я сказал волков, презренных волков, — повторил Этуотер. — Знаете ли вы, что, когда сегодня я был у вас на судне, я дрожал от страха?

— Вы отлично это скрыли, — пробормотал Геррик.

— Привычка… И все-таки я боялся! Боялся двух волков. — Он медленно поднял руку. — Но что же, Хэй, бедная заблудшая овечка, что вы делаете в компании двух волков?

— Что я делаю? Ровно ничего, — ответил Геррик. — Ничего дурного не происходит, все как

на ладони. Капитан Браун — славный человек, он… он… — В ушах у него прозвучал голос Дэвиса: «Ждите похорон», — и пот выступил у него на лбу. — Он человек семейный, — закончил он, глотнув, — у него дома дети… жена.

— Значит, славный человек? — проговорил Этуотер. — И мистер Хювиш, без сомнения, тоже?

— Нет, этого я не скажу, — ответил Геррик. — Хьюиша я не люблю. Но все же… у него тоже есть свои достоинства.

— Короче говоря, в общем и целом, лучшей судовой компании и желать нельзя? — заключил Этуотер.

— О да, — сказал Геррик, — это так и есть!

— Следовательно, существует другая причина, почему вы презираете себя? — спросил Этуотер.

— А разве все мы не презираем себя? — вырвался крик у Геррика. — Разве вы не презираете себя?

— Естественно, я отвечу «да». Но так ли это на самом деле? Одно я по крайней мере знаю твердо: я никогда не издавал таких воплей, как вы, Хэй! Это крик нечистой совести! Полно, ваш убогий скафандр самомнения порван самым жалким образом! Сегодня же, если вы готовы прислушаться к моему голосу, сегодня же, сейчас, пока еще не

село солнце, здесь, где покоятся невинные души темнокожих, станьте на колени и переложите ваши грехи и печали на Искупителя, Хэй…

— Нет, не Хэй! — прервал тот сдавленным голосом. — Не называйте меня так! Я хочу сказать… Ради бога, не видите вы разве, что я на дыбе?

— Я вижу, знаю, я сам вас на ней держу и не отпускаю, я сам вас подтягиваю своими руками! Если Господь пожелает, сегодня вечером я приведу перед его престол раскаявшегося грешника. Приди, приди пред его милосердный престол! Он жаждет явить свою милость, друг мой, жаждет!

Он раскинул руки, как распятый, лицо его светилось, как ангельский лик, он возвысил на последних словах голос, и в голосе послышались слезы.

Геррик сделал величайшее усилие и взял себя в руки.

— Этуотер, — сказал он, — вы хотите от меня невозможного. Что я должен делать? Я не верю в Бога. Для вас он — непреложная истина, для меня, скажу по совести, всего только легенда. Я не верю, что есть такие слова, с помощью которых я мог бы снять со своих плеч бремя. Мне суждено до конца моих дней влачить ношу ответственности. Мне не избавиться от нее. Думаете, я не сделал

бы этого, если бы мог? Но я не могу, не могу, и хватит об этом.

Экстаз сошел с лица Этуотера, грозный апостол исчез, и на его месте снова появился ироничный господин с непринужденными манерами, который снял шляпу и поклонился. Проделано это было дерзко, и лицо Геррика загорелось.

— Что вы хотите этим сказать? — проговорил Этуотер. — Скоро соберутся гости.

Геррик с минуту продолжал стоять не двигаясь, сжав кулаки и зубы. И пока он стоял, ему медленно, словно луна между облаками, приоткрылся смысл задания, с которым он сюда явился. Он явился, чтобы заманить этого человека на шхуну. Однако дело не ладилось, если и считать, что он пытался это сделать; его ждала верная неудача, он это знал и знал, что так к лучшему. Но что же впереди?

Он со стоном повернулся, чтобы следовать за хозяином, который стоял и ждал с вежливой улыбкой и в ту же секунду с какой-то преувеличенной любезностью повел Геррика под колоннаду пальм, где уже сгущался мрак. Они шли молча. От земли исходил пряный аромат, в ноздри ударял теплый благоухающий воздух; еще издалека яркие огни зажженных ламп и пламя

костра указали дом Этуотера.

Пока они шли, Геррик испытал и поборол сильнейшее искушение подойти к Этуотеру, тронуть за руку и шепнуть: «Берегитесь, они хотят вас убить». Одна жизнь была бы спасена, но как быть с двумя другими? Три жизни поднимались и опускались перед ним, как на весах, или словно бадьи в колодце. Наступило время сделать выбор, и сделать его быстро. Несколько драгоценных минут колеса жизни катились впереди него, и в его власти было повернуть их в ту или иную сторону простым прикосновением — в его власти решить, кому жить, а кому умереть. Он сравнивал троих. Этуотер интересовал его, озадачивал, ослеплял, приводил в восторг и возмущал; живой, он казался сомнительным благом, но представлять его мертвым было невероятно тягостно, и видение это преследовало Геррика во всех цветовых и звуковых подробностях, его мысленному взору непрерывно мерещилось это крупное тело поверженным, в разных позах и с разными ранами; Этуотер лежал ничком, лежал навзничь, лежал на боку или же в предсмертной агонии, с искаженным лицом цеплялся пальцами за дверной косяк. Он слышал щелканье курка, глухой удар пули, крик жертвы. Он видел льющуюся кровь.

Нагромождение воображаемых деталей как бы делало этого человека обреченным, и для Геррика он шел уже в жертвенных гирляндах.

Потом Геррик задумался о Дэвисе с его грубой немудреной душой, неукротимым мужеством и веселостью в дни их прежней нищенской жизни, столь симпатичным для Геррика сочетанием недостатков и достоинств, внезапными проблесками нежности, таившейся где-то глубже слез, задумался о его детях, Эйде, ее болезни, ее кукле. Нет, даже в мыслях нельзя было и близко подпускать смерть к этому человеку. Чувствуя жар во всем теле, боль в сведенных мускулах, Геррик понял, что до конца отец Эйды найдет в нем сына. И даже Хьюиш оказался осененным святостью этого решения. Живя столько времени бок о бок, они стали братьями; их совместное существование на корабле и прошлые невзгоды подразумевали лояльность, которой Геррик должен был оставаться хоть немного верен, если не хотел окончательно потерять честь.

Ужас внезапной смерти был неизбежен в любом случае, но колебаний быть не могло: жертвой выпадало быть Этуотеру. Однако едва только созрела эта мысль (она же — приговор), как тут же, в панике, он всей душой устремился в другую

крайность, и когда он заглянул в себя, то нашел там сплошное смятение и немой вопль. Во всем этом не было и мысли о Роберте Геррике. Он покорился отливу в своей судьбе, и отлив нес его прочь; он слышал уже рев водоворота, который должен был увлечь его на дно. Но в его терзающейся обесчещенной душе не было и мысли о себе самом.

Геррик не знал, как долго он шел подле своего спутника молча.

Неожиданно тучи умчались; душевные конвульсии кончились. Теперь Геррик был спокоен спокойствием отчаяния, к нему вернулась способность говорить банальные слова, и он с удивлением услышал собственный голос:

— Какой прелестный вечер!

— Не правда ли? — отозвался Этуотер. — Да, вечера здесь были бы хороши, если бы всегда было чем заняться. Днем, разумеется, можно стрелять.

— А вы стреляете? — спросил Геррик.

— Да, я-то, что называется, первоклассный стрелок. Все дело в вере. Я верю, что мои пули попадут в цель. Если бы я хоть раз промахнулся, я не смог бы стрелять добрых девять месяцев.

— Стало быть, вы еще ни разу не промахнулись?

— Нечаянно — нет, — ответил Этуотер. — Но промахнуться нарочно — это настоящее искусство. Я знавал одного царька с западных островов, который умел обстрелять человека всего кругом из винчестера, не задев ни волоска, не вырвав ни клочка из его одежды, и только последнюю пулю он всаживал точно между глаз. Красивая была работа.

— А вы тоже могли бы так? — спросил, холодея, Геррик.

— О, я могу что угодно! — ответил Этуотер. — Вам это непонятно: чему быть, того не миновать.

Они приблизились к задней стороне дома. Один из туземцев хлопотал у костра, который горел ясным, сильным летучим пламенем, как горит обычно кокосовая скорлупа. В воздухе носился аромат незнакомых кушаний. По всей веранде были зажжены лампы, ярко освещавшие лесной сумрак дома и рождавшие причудливые сплетения теней.

— Заходите, помойте руки, — предложил Этуотер и провел Геррика в чистую комнату, устланную циновками, где стояли походная кровать, сейф, несколько застекленных полок с книгами и железный умывальник.

Этуотер крикнул что-то по-туземному, и в

дверях на момент показалась полненькая хорошенькая молодая женщина с чистым полотенцем в руках.

— Это кто? — воскликнул Геррик, увидев наконец четвертого, кого пощадила эпидемия, и внезапно вспомнив о приказе капитана.

— Да, — сказал Этуотер, — вся колония помещается в этом доме, вернее, то, что от нее осталось. Мы, если хотите, все боимся дьявола! Поэтому Танлера и она спят в первой гостиной, а еще один — на веранде.

— Хорошенькая девушка, — заметил Геррик.

— Даже слишком, — ответил Этуотер. — Поэтому-то я выдал ее замуж. Ведь никогда не знаешь, не вздумает ли мужчина свалять дурака из-за женщины. Так что, когда нас осталось четверо, я отвел ее и Танлеру в церковь и совершил церемонию. Женщина из-за этого пустяка устроила много шума. Но я начисто не разделяю романтического взгляда на брак.

— И для вас это полная гарантия? — с изумлением спросил Геррик.

— Естественно. Я человек простой и понимаю все буквально. Если не ошибаюсь, там есть слова: «Кого соединил Господь». Вот я и поженил их и почитаю брак священным.

— Вот как! — произнес Геррик.

— Видите ли, я могу надеяться на выгодную женитьбу, когда вернусь на родину, — сказал доверительным тоном Этуотер. — Я богат. Один этот сейф, — он положил на него руку, — даст немалое состояние, когда я соберусь выставить мои жемчужины на продажу. Здесь находятся сборы из лагуны за десять лет; каждый день с утра до вечера у меня работали десять ловцов. Я забрался глубже, чем это обычно делают люди в здешних краях; у меня горы гниющих раковин, но я достиг превосходных результатов. Не хотите взглянуть?

Такое подтверждение догадки капитана тяжко поразило Геррика, и ему с трудом удалось не выдать своих чувств.

— Нет, спасибо, не хочется, — сказал он. — Жемчуг меня не интересует. Я равнодушен к подобным…

— Безделушкам? — досказал за него Этуотер. — И все-таки, я считаю, вам стоит взглянуть на мою коллекцию: она действительно уникальна, и, кроме того, она… как, впрочем, и все мы и все нас окружающее… висит на волоске. Сегодня она приумножается и процветает, завтра с ней покончено, она брошена в печь. Сегодня она здесь,

нераздельна, в сейфе, завтра — даже сегодня вечером! — она рассеется. Сегодня, глупец, сегодня могут у тебя потребовать душу!

— Я вас не понимаю, — проговорил Геррик.

— Нет? — спросил Этуотер.

— Вы говорите загадками, — неуверенным голосом произнес Геррик. — Я не могу понять, что вы за человек и к чему вы клоните.

Этуотер стоял, упершись руками в бока, нагнув голову вперед.

— Я фаталист, — ответил он, — а сейчас — если вы настаиваете — еще и экспериментатор. Кстати говоря, кто вымарал название шхуны? — с издевательской вкрадчивостью добавил он. — Знаете, по-моему, следует довести дело до конца. Название частично можно прочесть. Если уж что делать, так делать хорошо. Вы согласны со мной? Как приятно это слышать! Ну а теперь перейдем на веранду? У меня есть сухой херес; мне интересно знать ваше мнение о нем.

Геррик последовал за ним на веранду, где стол, освещенный висячими лампами, сверкал белоснежной скатертью, салфетками и хрусталем. Геррик последовал за ним, как преступник следует за палачом, как овца за мясником; машинально взял рюмку с хересом, попробовал,

машинально похвалил. Неожиданно опасения его приняли обратный характер: до сих пор он видел Этуотера связанным, с кляпом во рту, беспомощной жертвой; он жаждал броситься на его защиту, спасти его. Теперь тот высился перед ним, загадочный, таящий угрозу, как ангел гнева, вооруженный знанием, несущий кару. Геррик поставил назад рюмку и с удивлением увидел, что она пуста.

— Вы всегда носите при себе оружие? — спросил он и тут же готов был вырвать себе язык.

— Всегда, — ответил Этуотер. — Мне довелось здесь пережить бунт — одно из приключений моей миссионерской жизни.

В ту же минуту до них донеслись голоса, и сквозь переплет веранды они увидели приближающихся Хьюиша и капитана.

Глава 3
Званый обед

Они принялись за обед, примечательный своим разнообразием и изысканностью: черепаховый суп, жаркое, рыба, птица, молочный поросенок, салат из листьев кокосовой пальмы и на десерт — жареные побеги кокоса. Никаких консервов; даже приправы, кроме масла и уксуса в салате и нескольких перышек зеленого лука, собственноручно выращенного Этуотером, не были европейскими. Херес, рейнвейн, кларет сменяли друг друга, а завершило обед поданное к десерту шампанское с «Фараллоны».

Очевидно было, что Этуотеру, подобно многим глубоко религиозным людям, в эпоху, предшествующую «сухому закону», была свойственна доля эпикурейства[47]. Хорошая пища действует на такие натуры умиротворяюще, а тем более когда превосходная трапеза задумана и приготовлена, чтобы угостить других. Поэтому манеры хозяина в этот вечер оказались приятным обра-

[47] Примечания: 47

Эпикурейство — образ жизни, при котором выше всего ставятся личные удовольствия и чувственные наслаждения.

зом смягчены. Громадных размеров кот сидел у него на плече, мурлыча и время от времени ловко подхватывая лапкой брошенный ему кусочек. Этуотера и самого можно было уподобить коту, когда он сидел во главе стола, оделяя гостей то знаками внимания, то ядовитыми намеками, пуская в ход без разбора то бархатные лапки, то когти. И Хьюиш и капитан постепенно попали под обаяние его небрежно-гостеприимного обращения. Для третьего гостя события обеда долгое время протекали незамеченными. Геррик принимал все, что ему подавали, ел и пил, не разбирая вкуса, и слушал, не вникая в смысл. Разум его существовал сам по себе и был занят созерцанием ужасного положения, в котором обладатель его очутился. Что известно Этуотеру, что замышляет капитан, с какой стороны ожидать предательского нападения — вот были главные темы размышлений Геррика. Порой ему хотелось выскочить из-за стола и бежать в темноту. Но даже это было для него исключено: любой поступок, любое слово, какое бы то ни было движение могли лишь ускорить жестокую трагедию. И он сидел замерев и ел бескровными губами. Двое из его сотрапезников внимательно наблюдали за ним: Этуотер искоса бросал зоркие

взгляды, не прерывая беседы, капитан — мрачно и озабоченно.

— Ну, я вам доложу, это всем хересам херес, — объявил Хьюиш. — Сколько он вам стоит, если не секрет?

— Сто двенадцать шиллингов в Лондоне да перевозка в Вальпараисо и дальше, — отвечал Этуотер. — Он действительно производит впечатление недурного питья.

— Сто двенадцать! — пробормотал клерк, смакуя вино и цифру с откровенным восторгом. — Мать честная!

— Очень рад, что вам нравится, — продолжал Этуотер. — Наливайте еще, мистер Хювиш, держите бутылку около себя.

— Моего приятеля зовут Хьюиш, а не Хювиш, сэр, — сказал, покраснев, капитан.

— О, конечно, прошу простить меня, Хьюиш, а не Хювиш, разумеется. Я собирался сказать, что у меня есть еще восемь дюжин, — добавил он, бросая пронзительный взгляд на капитана.

— Восемь дюжин чего? — спросил Дэвис.

— Хереса, — последовал ответ. — Восемь дюжин превосходного хереса. Пожалуй, уже один херес стоит того, чтобы… для человека, любящего выпить…

Двусмысленные слова попали в цель. Хьюиш с капитаном застыли на месте и с испугом уставились на говорящего.

— Стоит чего? — спросил Дэвис.

— Стоит ста двенадцати шиллингов, естественно, — ответил Этуотер.

Капитан запыхтел, поискал было связь между всеми намеками Этуотера, затем неуклюже переменил тему разговора.

— Сдается мне, сэр, что на этом острове мы почти что первые белые, — сказал он.

Этуотер с готовностью и с полной серьезностью подхватил новую тему:

— Если не считать меня и доктора Саймондса, можно сказать — единственные. Но кто может знать наверное? За эти долгие века, возможно, кто-нибудь и жил здесь; порой даже кажется, что так оно и есть. Кокосовые пальмы опоясывают весь остров, и не похоже, чтобы они выросли так естественным путем. Кроме того, когда мы здесь высадились впервые, мы обнаружили на берегу пирамиду неизвестного назначения, сложенную из камней явно человеческими руками: вероятно, ее воздвигли какие-нибудь тупоумные людишки, чьи кости давно истлели, в надежде умилостивить какого-нибудь мамба-джумбо, чье

имя давно забыто. Об острове сообщалось дважды — обратитесь к справочнику, — а за время моего владения дважды у наших берегов выбрасывало корабли, оба раза покинутые командой. Остальное — догадки.

— Доктор Саймондс — ваш компаньон, так я полагаю? — спросил Дэвис.

— Старина Саймондс! Как он пожалел бы, если бы знал, что вы здесь без него!

— Он, видать, на «Тринити Холл»? — осведомился Хьюиш.

— Ах, мистер Хювиш, если бы вы могли сказать мне, где сейчас «Тринити Холл», вы оказали бы мне большую услугу!

— На ней, верно, туземная команда? — задал вопрос Дэвис.

— Надо думать, раз секрет оставался секретом в течение десяти лет.

— Слушайте-ка, — сказал Хьюиш. — Тут у вас сплошной шик, спору нет, но это, я вам доложу, не по мне. Слишком уж тут тихая заводь, слишком пусто. Мне подавай городские колокола!

— Не думайте, что так было всегда, — возразил Этуотер. — Когда-то здесь кипела деятельность, хотя теперь — увы! — сами слышите, какая тишина. Меня она вдохновляет. Кстати говоря, о

колоколах: будьте любезны, посидите тихо, я проделаю маленький эксперимент.

По правую руку от него на столе стоял серебряный колокольчик, которым вызывают слуг; сделав знак замолчать, он с силой тряхнул колокольчик и жадно прислушался. Раздался чистый и сильный звон; он разнесся далеко во мраке над пустынным островом, постепенно затихая вдали, пока от него осталось в ушной раковине только колебание воздуха, которое уже нельзя было назвать звуком.

— Пустые дома, пустой океан, пустынные берега! — промолвил Этуотер. — Но Господь-то слышит этот звон! Мы сидим на веранде, как на освещенной сцене, и небеса взирают на нас с вышины! И это вы называете уединенностью?

Повисло тяжелое молчание. Капитан сидел как загипнотизированный.

Затем Этуотер тихонько засмеялся.

— Развлечения одинокого человека, — заключил он, — и, вероятно, не совсем хорошего вкуса. Тешу себя такими сказочками от скуки. А вдруг и вправду в легендах что-то есть, мистер Хэй! А вот и кларет. Не предлагаю вам лафита, капитан, так как, по моим сведениям, им набиты все вагоны-рестораны вашей великой страны, но вот

этот бран-мутон почтенного возраста, и мистер Хювиш должен дать мне о нем отзыв.

— Ну и странную вы придумали штуку! — воскликнул капитан, со вздохом освобождаясь от сковывавших его чар. — Значит, вы сидите себе здесь вечерами и звоните… да, звоните ангелам… совсем один?

— Если уж вы так прямо ставите вопрос, то, придерживаясь исторической правды, нет, не звоню, — ответил Этуотер. — Зачем, если внутри во мне и во всем вокруг звучит столь прекрасная тишина? Если любое биение моего сердца, любая мысль отдаются эхом в вечности и не умолкают никогда?

— Эй, слушайте, — вмешался Хьюиш, — вы еще свет потушите! Здесь вам не спиритический сеанс!

— Легенды — не для мистера Хювиша. Прошу прощения, капитан, разумеется, Хьюиша, а не Хювиша.

В то время как слуга наливал Хьюишу вино, бутылка выскользнула у него из руки, разбилась вдребезги, и вино залило пол веранды. Мгновенно зловещее, как смерть, выражение появилось на лице Этуотера. Он властно потряс колокольчиком, и оба туземца застыли в выжидающих позах,

безмолвные и дрожащие. Сперва последовала тишина и суровый взгляд, потом — несколько туземных слов, сказанных взбешенным тоном, затем Этуотер отпустил слуг жестом, и они продолжали прислуживать гостям, как прежде. Только теперь гости обратили внимание на то, как прекрасно вышколены слуги. Они были темнокожие, низкорослые, но отлично сложенные, ступали бесшумно, ожидали безмолвно, подавали вино и блюда по одному взгляду хозяина и не спускали с него преданных глаз.

— Где вы добываете себе рабочие руки, интересно узнать? — спросил Дэвис.

— Где их нет?.. — ответил Этуотер.

— Нелегкое это, верно, дело? — продолжал капитан.

— Скажите мне: где легко добывать рабочие руки? — Этуотер пожал плечами. — А в нашем случае назвать координаты мы, естественно, не могли, поэтому нам пришлось изрядно поездить и потрудиться. Мы забрались на запад, до самого Кингсмилза, и на юг, до самого Рапаити. Какая жалость, что с нами нет Саймондса! Он бы порассказал вам историй. Это его было дело — добывать рабочих. Потом настала моя очередь — воспитывать их.

— То есть управлять ими? — вставил Дэвис.

— То есть управлять ими.

— Погодите-ка, — сказал Дэвис, — у меня что-то голова плохо варит. Как это? Вы что же, справлялись с ними в одиночку?

— Справлялся в одиночку, ибо помощников не было.

— Черт побери, вы, должно быть, сущий дьявол! — с жаром вскричал восхищенный капитан.

— Стараюсь по мере сил, — последовал ответ.

— Ну и ну! — не успокаивался Дэвис. — Много я видел на своем веку муштры, сам, считалось, недурно муштровал. Я начал третьим помощником и обогнул мыс Горн с бандой таких отъявленных головорезов, что они дьявола вышибли бы из ада и заперли за ним дверь. Но я скажу, что мне далеко до мистера Этуотера. На судне — что ж, там управляться нехитро: на твоей стороне закон, он за тебя все сделает. Но высадите меня одного на этот треклятый остров без ничего, только с кнутом и запасом скверных слов, и заставьте… Ну нет, сэр! Ничего у меня не выйдет! Пороху не хватит! Легко, когда закон за спиной, — заключил он, — закон всегда вывозит.

— Ну, не так уж страшен черт… — насмешливо протянул Хьюиш.

— Со мной тоже в некотором роде закон, — сказал Этуотер. — Приходилось брать на себя самые разные роли. Порой это бывало несколько утомительно.

— Можно себе представить! — отозвался Дэвис. — Солоно небось приходилось?

— Именно это я и имел в виду, — сказал Этуотер. — Так или иначе, удалось вбить им в головы, что они должны трудиться, и они трудились, пока Господь их не призвал!

— Они у вас небось изрядно попотели, — заметил Хьюиш.

— Они у меня попотели, мистер Хювиш, когда это было необходимо.

— Уж будьте уверены! — воскликнул капитан. Он порядком разгорячился, но не столько от вина, сколько от восхищения. Он с упоением пожирал глазами хозяина. — Бьюсь об заклад, что оно так и было, я так и вижу, как вы это делаете! Ей-ей, вы настоящий мужчина. Запомните, пожалуйста, что это я так сказал.

— Вы слишком любезны, — заметил Этуотер.

— А у вас… у вас тут случалось когда-нибудь преступление? — спросил Геррик, резко нарушив наконец свое молчание.

— Да, случалось, — ответил Этуотер.

— И как вы с ним справились, сэр? — воскликнул с нетерпением капитан.

— Видите ли, случай был особенный, — ответил Этуотер. — Такой случай озадачил бы самого Соломона[48]. Рассказать вам его? Хотите?

Капитан восторженно согласился.

— Хорошо, — процедил Этуотер, — слушайте же. Полагаю, вам известны два типа туземцев: послушный и строптивый? Так вот, у меня были оба, оба — воплощение этих типов. Послушание струилось из одного, как вино из бутылки, другого переполняла строптивость. Послушный весь состоял из улыбок, он забегал вперед, чтобы уловить ваш взгляд, он любил болтать, он располагал десятком жаргонных английских слов, прижившихся в Полинезии, и восьмой долей дюйма налета христианства. Строптивый был трудолюбив, этакая громадная угрюмая пчела. Когда к нему обращались, он отвечал хмурым взглядом и дергал плечом, но дело делал. Я не выдаю его за образец хороших манер, ничего показного у строптивого не было, но он был

[48] Примечания: 48

Соломон — израильский царь (965–928 гг. до н. э.) Провел административные реформы, добивался централизации религиозного культа. Согласно библейской традиции, славился необычайной мудростью. Автор некоторых книг Библии, в том числе «Песни Песней».

сильный и надежный и хотя нелюбезно, но повиновался. И вдруг строптивый провинился, не важно как, но он нарушил установленные правила и соответственно был наказан — наказание не подействовало. То же повторилось на следующий день, и еще на следующий, и так далее, пока мне не надоела вся эта история, а строптивому, как я догадываюсь, еще больше. Настал день, когда он снова провинился, вероятно, уже в тридцатый раз, и тут он скосил на меня свои упрямые глаза, в которых на сей раз ярко вспыхнуло желание заговорить. А надо сказать, что наши правила особенно строго соблюдаются в одном пункте: объяснения у нас исключаются, их не принимают и давать их запрещено. Поэтому я немедленно его остановил, однако это обстоятельство про себя отметил. На следующий день он исчез из поселка Это было как нельзя более досадно: если рабочие примутся убегать, промысел погиб. Остров тянется на шестьдесят миль, он длинен, как королевская дорога[49]. Преследовать беглеца в наших зарослях было бы наивным ребячеством — я сразу же отверг эту идею. Два дня спустя я сделал открытие: меня вдруг осенило, что строптивого

[49] Примечания: 49

Королевская дорога — т. е. шоссе, тракт; выражение возникло в эпоху, когда дороги в Англии находились под особой охраной короля.

с начала до конца наказывали несправедливо, а истинным виновником все это время был послушный. Стоит туземцу заговорить, и он, как женщина, которая заколебалась, погиб. Стоит дать ему возможность говорить и лгать, и он говорит и лжет и следит за вашим лицом — угодил ли он вам, и наконец правда выплывает наружу! Правда выплыла из послушного. Я ничего ему не сказал, отпустил его и, несмотря на поздний час (уже наступила ночь), отправился на поиски строптивого. Далеко мне идти не пришлось: примерно в двухстах ярдах от дома его осветила луна. Он висел на кокосовой пальме. Я не ботаник, не берусь объяснить, на чем он там висел, но в девяти случаях из десяти именно так кончают с собой туземцы. Язык у него вывалился наружу, птицы основательно поклевали беднягу. Избавлю вас, однако, от подробностей: он представлял собой неприглядное зрелище! Добрых шесть часов я просидел здесь, на веранде, ломая себе голову, как поступить. Из моего правосудия было сделано посмешище; мне кажется, я никогда не был обозлен сильнее. На следующее утро, еще до восхода солнца, я велел бить в раковину и созвать всех рабочих. Потом взял винтовку и пошел впереди вместе с послушным. Он был в то утро

очень разговорчив; мерзавец полагал, что теперь, когда он сознался, все позади, и он, по школьной терминологии, попросту ко мне «подлизывался», не переставая заверял в лучших намерениях и давал обещания хорошо вести себя. Не помню уж, что я ему отвечал. Вскоре показались то дерево и висящий на нем. Все принялись оплакивать своего товарища на туземный лад, и послушный вопил громче всех. И он был совершенно искренен, безнравственное существо, без малейшего сознания своей вины. Тут, короче говоря, я приказал ему лезть на дерево. Он насторожился, с испуганной улыбкой уставился на меня, но полез. Он слушался до конца, у него была куча добродетелей, но правдивости среди них не было. Как только он взобрался наверх, он глянул вниз — и увидел направленное на него дуло ружья. Тогда он заскулил, как пес. После этого стало так тихо, что было бы слышно, как иголка упадет. Причитания оборвались. Внизу все припали к земле с выпученными от страха глазами, наверху сидел он, свинцово-серый, а в воздухе болтался труп. Послушный слушался до конца, покаялся в содеянном, поручил свою душу Богу, а затем…

Этуотер умолк, и Геррик, напряженно слушавший, сделал судорожное движение и опрокинул

рюмку.

— А затем? — произнес капитан, который внимал, затаив дыхание.

— Я выстрелил, — ответил Этуотер. — Они свалились на землю вместе.

Геррик вскочил с пронзительным криком, бессмысленно взмахнув руками.

— Это же убийство! — истерически выкрикнул он. — Хладнокровное, жестокое убийство! Вы чудовище! Убийца и лицемер, убийца и лицемер!.. — повторял он заплетающимся языком.

Капитан в одно мгновение очутился возле него.

— Геррик! — воскликнул он. — Опомнитесь! Да ну же, не стройте из себя дурака!

Геррик бился в его руках как обезумевший и вдруг, закрыв лицо руками, задохнулся в рыданиях; тело его тихо сотрясалось, у него вырывались странные, бессмысленные звуки.

— Ваш друг, кажется, несколько разволновался, — заметил Этуотер, продолжая неподвижно и напряженно сидеть за столом.

— Это все от вина, — сказал капитан. — Он человек непьющий. Я… я, пожалуй, уведу его отсюда. Авось прогулка его протрезвит.

Он вывел Геррика с веранды, тот не сопротив-

лялся, и скоро они растворились во мраке. Но еще некоторое время слышалось, как капитан спокойным голосом уговаривает и увещевает Геррика и как тот прерывает его истерическими вскриками.

— Ишь раскудахтался, точно на птичьем дворе! — заметил Хьюиш, подливая себе вина с истинно светской непринужденностью (и при этом порядком проливая на стол). — Нужно уметь вести себя за столом, — добавил он.

— Дурные манеры, не правда ли? — подхватил Этуотер. — Так-так, вот мы и остались наконец тет-а-тет! Выпьем, мистер Хювиш?!

Глава 4
Открытая дверь

Между тем капитан и Геррик, оставив позади ярко освещенную веранду, направились прямо к пирсу.

В эту вечернюю пору остров с его плотным песчаным полом и лиственной крышей, подпертой колоннами пальм, озаренный только светом из дверей и окон дома, выглядел нереальным, словно пустой театр или общественный сад в полночь. Взгляд невольно начинал искать вокруг столики и статуи. Ни одно дуновение не колебало листьев, и тишину только подчеркивал непрерывный шум берегового прибоя, напоминавший уличный шум. Не переставая уговаривать, успокаивать своего пациента, капитан вел его все дальше, подвел наконец к самому берегу и смочил ему лицо и голову тепловатой водой из лагуны. Постепенно пароксизм[50] утих, рыдания сделались менее судорожными, а затем и совсем прекратились; прекратился и поток успокоительных

[50] Примечания: 50

Пароксизм — внезапный приступ сильного душевного возбуждения, сильного чувства.

речей капитана, и двое погрузились в молчание.

Небольшие волны с тихим, как шепот, звуком разбивались у их ног; звезды всех величин любовались собственным отражением в этом огромном зеркале, а посреди лагуны виднелся воспаленный свет фонаря стоявшей на якоре «Фараллоны».

Долго они глядели на расстилавшуюся перед ними картину и с беспокойством прислушивались к шороху и плеску этого уменьшенного прибоя и к отголоскам дальнего, мощного прибоя со стороны открытого моря. Долго они молчали, утратив способность разговаривать, и когда наконец очнулись, то заговорили оба враз.

— Геррик, послушайте… — начал капитан.

Но Геррик резко обернулся к своему товарищу и заставил его замолчать, страстно крикнув:

— Снимемся с якоря, капитан, и в море!

— Куда, сынок? — спросил капитан. — Легко сказать — снимемся. Но куда?

— В море, — повторил Геррик. — Океан велик. Куда угодно — прочь от этого ужасного острова и этого… этого страшного человека!

— Ну, с ним мы еще сведем счеты, — сказал Дэвис. — Ваше дело приободриться, а с ним мы сведем счеты. Вы совсем расклеились, вот в чем

беда, нервы совсем развинтились, как у Джемаймы[51]. Вам надо приободриться как следует, а когда вы придете в себя, тогда поговорим.

— В море, — повторил Геррик, — сегодня, сейчас, сию минуту!

— Не будет этого, сынок, — твердо возразил капитан. — Никогда еще мое судно не выходило в море без провизии, так и знайте.

— Нет, вы не понимаете, — не отставал Геррик. — Все кончено, я вас уверяю. Здесь больше делать нечего — он знает все. Этот человек, сидящий там с кошкой, знает все. Неужели вы не видите?

— Что — все? — спросил капитан, немного обеспокоенный. — Принял он нас как настоящий джентльмен и обращался с нами по-рыцарски, пока вы не начали нести всю эту чепуху. Надо сказать, я видал, как в людей стреляли за меньшее, и никто о них не пожалел! Чего вы хотите?

Геррик, однако, раскачивался, сидя на песке, и тряс головой.

— Издевался, — продолжал он, — он же издевался над нами, и ничего больше. И поделом нам.

— Что мне в самом деле показалось стран-

---

[51] Примечания: 51

Джемайма — персонаж романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

ным, — неуверенным голосом проговорил капитан, — это насчет хереса. Провалиться мне, если я понял, к чему он клонит. Геррик, слушайте, а вы меня не выдали?

— Не выдал ли я? — раздраженно, с презрением произнес Геррик. — Да что выдавать? Нас и так видно насквозь: на нас клеймо мошенников — явные мошенники, явные! Еще прежде чем он ступил на борт «Фараллоны», ему бросилась в глаза замалеванная надпись, и он сразу все понял. Он не сомневался, что мы убьем его тут же, на месте, но он стоял и издевался над вами с Хьюишем и вызывал на убийство. И еще говорит, что он боялся! Потом он заманил меня на берег — и что я только вытерпел! «Волки» — называет он вас и Хьюиша. «А что делает овечка с двумя волками?» — спросил он. Он показал мне свой жемчуг, сказал, что еще не кончится этот день, как жемчуг может рассеяться. «Все висит на волоске», — сказал он и улыбнулся. Видели бы вы эту улыбку! Нет, все напрасно, говорю вам! Он знает все, обо всем догадывается, мы со своим притворством ему просто смешны: он смотрит на нас и смеется, как Господь Бог.

Наступило молчание. Дэвис, нахмурившись, уставился в темноту.

— Жемчуг? — спросил он вдруг. — Он вам его показывал? Значит, он тут!

— Нет, не показывал, но я видел сейф, где хранятся жемчужины. Вам до них никогда не добраться!

— Это еще бабушка надвое сказала, — возразил капитан.

— Думаете, он вел бы себя за столом так свободно, если бы не подготовился? — вскричал Геррик. — Двое слуг вооружены. Он тоже вооружен и не расстается с оружием. Он сам мне сказал. Вам его бдительность не усыпить, Дэвис, я знаю! Всему конец, я вам повторяю и доказываю. Всему конец, всему! Ничего не осталось, ничего нельзя поделать, все ушло — жизнь, честь, любовь. Господи, зачем я родился на свет?

За этим взрывом опять последовало молчание.

Капитан приложил руки ко лбу.

— Еще загадка! — воскликнул он. — Зачем он вам все раскрыл? Прямо сумасшествие какое-то!

Геррик с мрачным видом снова покачал головой.

— Вам не понять, если я и скажу, — ответил он.

— Ерунда, я все могу понять, что вы мне скажете.

— Хорошо, пожалуйста. Он — фаталист.

— Это что еще за штука такая — фаталист? — спросил Дэвис.

— Ну, это человек, который верит в судьбу. Верит, что его пули всегда попадут в цель, верит, что все случится так, как захочет Господь, и человек тут бессилен. И так далее.

— Так ведь и я в это же, пожалуй, верю, — проговорил Дэвис.

— Неужели? — иронически спросил Геррик.

— Будьте уверены! — ответил Дэвис.

Геррик пожал плечами.

— Ну и глупо, — сказал он и уткнул голову в колени.

Капитан продолжал стоять, покусывая пальцы.

— Одно я знаю твердо, — сказал он наконец. — Надо убрать оттуда Хьюиша. Ему этот человек не по зубам, если он таков, каким вы его расписываете.

И он повернулся, чтобы идти. Слова его были просты, но иным был тон, и Геррик сразу уловил его.

— Дэвис! — закричал он. — Не надо, не делайте этого! Пощадите себя — бросьте это! Ради бога, ради ваших детей!

Голос его прозвучал страстно и пронзительно;

его могла услышать будущая жертва, находившаяся не так далеко. Дэвис обернулся к Геррику с грубой бранью и бешено замахнулся на него. Несчастный молодой человек перекатился на живот и остался так лежать, лицом в песок, безмолвный и беспомощный.

А капитан быстро зашагал к дому Этуотера. На ходу он торопливо обдумывал услышанное, мысли его мчались неудержимо, обгоняя друг друга. Тот человек все понял, он с самого начала насмехался над ним; он, Джон Дэвис, покажет ему, как над ним насмехаться! Геррик считает его чуть ли не Богом — дайте ему секунду, чтобы прицелиться, и Бог будет повержен. Он радостно засмеялся, нащупав рукоять револьвера. Надо действовать прямо сейчас, как только он вернется. Со спины? Нет, сзади подобраться трудно. За столом? Нет, удобнее стрелять стоя, руке ловчее держать револьвер. Лучше всего позвать Хьюиша, а когда Этуотер встанет и повернется… Ага, именно в этот момент. Усердно прикидывая и так и этак, погруженный в свои мысли, капитан шел к дому, опустив голову.

— Руки вверх! Стой! — услышал он голос Этуотера.

И капитан, не успев даже сообразить, что дела-

ет, повиновался. Неожиданность была полной, положение непоправимым. В самый разгар своих кровавых замыслов он угодил в засаду и теперь стоял, бессильно подняв руки кверху, устремив взгляд на веранду.

Званый обед окончился, Этуотер, прислонившись к столбу, целился в Дэвиса из винчестера. Неподалеку один из слуг также держал перед собой винчестер, пригнувшись вперед, широко раскрыв глаза в нетерпеливом ожидании. На верхней ступеньке в дверном проеме второй туземец поддерживал Хьюиша; лицо у Хьюиша расплылось в бессмысленней улыбке; он был, очевидно, целиком погружен в созерцание незажженной сигары, которую держал в руке.

— Ну-с, — сказал Этуотер, — и дешевый же вы пиратишка!

Капитан издал горлом звук, определить который нет возможности: его душила ярость.

— Сейчас я намерен выдать вам мистера Хювиша, вернее, подонки, которые от него остались, — продолжал Этуотер. — Когда он пьет, он очень много говорит, капитан Дэвис с «Морского скитальца». Больше он мне не нужен, и я его с благодарностью возвращаю. Ну-ну! — угрожающе крикнул он вдруг. — Еще одно такое движение

— и вашей семье придется оплакивать гибель бесценного папаши. Не вздумайте больше шевелиться, Дэвис!

Этуотер произнес какое-то слово на местном наречии, не сводя взгляда с капитана, и слуга ловко спихнул Хьюиша с верхней ступеньки. С достойной удивления одновременностью раскинув руки и ноги, этот джентльмен ринулся в пространство, ударился об землю, рикошетом отлетел в сторону и замер, обняв пальму. Разум его в происходящих событиях начисто не участвовал, и выражение страдания, исказившее его черты в момент прыжка, было, вероятно, бессознательным; он перенес свой неприятный полет молча, нежно прильнул к пальме и, судя по жестам, воображал, будто сбивает ради своего удовольствия яблоки с яблони. Кто-нибудь более сочувственно настроенный или более наблюдательный заметил бы на песке перед ним, на недосягаемом для него расстоянии, незажженную сигару.

— Получайте вашу падаль! — проговорил Этуотер. — Вы, естественно, вправе поинтересоваться, почему я не покончил с вами сейчас, тут же, как вы того заслуживаете. Я отвечу вам, Дэвис. Потому что я не имею ничего общего ни с «Морским скитальцем» и людьми, которых вы потопили,

ни с «Фараллоной» и шампанским, которое вы украли. Рассчитывайтесь с Господом сами: он ведет счет и потребует расплаты, когда пробьет час. Я могу только подозревать о ваших замыслах относительно меня, а чтобы убить человека, даже такого хищника, как вы, мне одних подозрений мало. Но имейте в виду: если я еще раз увижу кого-нибудь из вас здесь, разговор пойдет другой, тогда уж вы схлопочете пулю. Теперь убирайтесь. Марш! И если вам дорога ваша так называемая жизнь, не опускайте рук!

Капитан продолжал стоять неподвижно, подняв руки вверх, приоткрыв рот, загипнотизированный собственной яростью.

— Марш! — повторил Этуотер. — Раз-два-три!

Дэвис повернулся и медленно двинулся прочь. Но, шагая с поднятыми руками, он обдумывал план быстрой контратаки. Он вдруг молниеносно отпрыгнул за дерево и скорчился там, оскалив зубы, с револьвером в руке, выглядывая то с одной, то с другой стороны, — змея, приготовившаяся ужалить. Но он опоздал: Этуотер и его слуга уже исчезли. Только лампы продолжали освещать покинутый стол и яркий песок вокруг дома, да во всех направлениях от веранды во мрак уходили длинные черные тени пальм. Дэвис сжал

зубы. Куда они подевались, трусы? В какую дыру забились? Бесполезно и пытаться что-нибудь предпринять одному, со старым револьвером, против троих вооруженных винчестерами людей, которых как будто и нет в освещенном притихшем доме. Кто-то из них мог уже выскользнуть с заднего хода и сейчас целиться в него из темного подвала, хранилища пустых бутылок и черепков. Нет, ничего нельзя поделать, остается лишь отвести (если это еще возможно) свои разбитые, деморализованные войска.

— Хьюиш, — скомандовал он, — пошли!

— П-трял сига-ау, — пролепетал Хьюиш, шаря по воздуху руками.

Капитан грубо выругался.

— Сию минуту иди сюда, — сказал он.

— Тут так хр-шо. Стаюсь спать у Туота. Утром врнусь на крабль, — отвечал гуляка.

— Если ты не пойдешь сейчас же, клянусь Богом, я тебя застрелю! — закричал капитан.

Не нужно думать, что смысл угрозы каким-нибудь образом проник в сознание Хьюиша. Скорее всего, сделав новую попытку поднять сигару, он потерял равновесие и нежданно-негаданно полетел вперед по некоей траектории, которая и привела его в объятия Дэвиса.

— А ну, шагай прямо, — рявкнул капитан, подхватив его, — а не то я не знаю, что с тобой сделаю!

— Я п-трял сига-ау, — вместо ответа пролепетал опять Хьюиш.

Долго сдерживаемое бешенство капитана прорвалось наконец наружу. Он рывком повернул Хьюиша, схватил его за шиворот, довел, толкая перед собой, до пирса и грубо пихнул так, что тот шлепнулся физиономией об землю.

— Ищи теперь свою сигару, свинья! — сказал капитан и с такой яростью принялся дуть в боцманский свисток, что горошина в нем застряла и перестала прыгать.

На борту «Фараллоны» немедленно поднялась возня: по воде донеслись отдаленные голоса, плеск весел, и одновременно невдалеке с песка поднялся Геррик и медленно побрел к ним. Он склонился над щуплой фигуркой Хьюиша, в бесчувственном состоянии валявшегося у подножия корабельной статуи.

— Мертвый? — спросил он.

— Никакой он не мертвый, — буркнул Дэвис.

— А Этуотер?

— Да заткнитесь вы наконец? — зарычал Дэвис. — Сумеете сами или показать вам, как это

делается, черт вас задави? Довольно с меня вашего нытья!

После этого им оставалось только молча ждать, когда лодка уткнется в дальние столбы пирса. Тогда они подняли Хьюиша за плечи и за ноги, сволокли в шлюпку и без церемоний бросили на дно. Дорогой можно было разобрать, что тот горюет об утраченной сигаре, а когда его подали снизу на борт шхуны, точно груз, и оставили проспаться в проходе, последним высказыванием его было: «Вклепныч еектуот?» Люди опытные истолковали это как «великолепный человек Этуотер!» — столько наивности и простодушия вынес сей великий ум из событий прошедшего вечера?

Капитан принялся мерить шкафут короткими гневными шагами; Геррик облокотился на гакаборт; команда улеглась спать. Судно легонько и убаюкивающе покачивалось, порой какой-нибудь блок попискивал, как сонная птица. На берегу сквозь колоннаду стволов дом Этуотера продолжал сиять огнями. И больше ни в небе, ни в лагуне не было ничего, кроме звезд и их отражений. Может быть, протекли минуты, может быть, часы, а Геррик все стоял, глядя на величавую воду и наслаждаясь покоем. «Звездная купель», — подумалось ему, и вдруг он почувствовал на своем

плече руку.

— Геррик, — произнес капитан, — я проветрился, и мне полегчало.

Нервная дрожь пробежала по телу молодого человека, он промолчал и даже не повернул головы.

— Я вам, понятно, нагрубил на берегу, — не отступал капитан, — но я тогда, право, здорово разозлился. Теперь все прошло, нам с вами надо хорошенько подумать и все обмозговать.

— Мне думать нечего, — ответил Геррик.

— Послушайте, дружище, — ласково продолжал Дэвис, — так не годится, вы сами знаете! Вы должны взбодриться и помочь мне поправить дела. Ведь вы не измените своему другу? На вас это не похоже, Геррик!

— Отчего же, очень похоже, — отвечал Геррик.

— Полно, полно, — произнес капитан и замолчал в растерянности. — Слушайте, — воскликнул он, — выпейте-ка шампанского! Я-то до него не дотронусь, чтоб вы поняли, что на меня можно положиться. Но вас оно укрепит, вы мигом воспрянете духом.

— Ах, да оставьте вы меня в покое! — крикнул Геррик и отвернулся.

Капитан ухватил его за рукав, но Геррик

сбросил руку капитана и стремительно как одержимый повернулся к нему.

— Проваливайте в ад сами, как знаете! — крикнул он опять.

И он снова рванулся прочь, на этот раз беспрепятственно, и очутился над тем местом, где внизу шлюпка терлась о борт, покачиваясь на волнах.

Геррик огляделся. Угол надстройки закрывал его от глаз капитана — тем лучше, никто не должен быть свидетелем его последнего поступка. Геррик бесшумно скользнул в шлюпку, оттуда — в звездную воду. Затем проплыл немного — остановиться он еще успеет.

Очутившись в воде, он сразу отрезвел, в голове прояснилось. Перед его мысленным взором, как в панораме, предстали позорные события минувшего дня, и он возблагодарил богов, все равно каких, за то, что они открыли ему дверь к самоубийству. Совсем скоро он поставит точку, с никчемной жизнью будет покончено, блудный сын вернется домой.

Прямо впереди светила очень яркая звезда, прочерчивая на воде четкую дорожку. Геррик выбрал звезду путеводной и поплыл по дорожке. Пусть звезда будет последним, на что он будет смотреть, — лучезарное пятнышко, которое

незаметно превратилось в его воображении в некую Лапуту[52], где по галереям расхаживали мужчины и женщины с уродливыми и милостивыми лицами и взирали на него со сдержанным сочувствием. Присутствие этих воображаемых зрителей, их разговоры между собой принесли ему облегчение; они беседуют о нем, решил он, о нем и его несчастной участи.

Этот полет фантазии оборвался, когда вода сделалась холоднее. Что он тянет? Сейчас, сразу, он опустит занавес, отыщет несказанный приют, ляжет вместе со всеми народами и поколениями в царстве сна. Легко сказать, легко сделать: надо только перестать двигать руками и ногами — ничего сложного, если только он сможет это сделать. Но сможет ли он? Нет! Это он понял вмиг. Тотчас же он почувствовал единодушное сопротивление всех частей организма. Они дружно, с упорством и одержимостью, цеплялись за жизнь — палец к пальцу, мускул к мускулу; сопротивление это как будто исходило от него самого и в то же время помимо него; это был он и не он, словно в мозгу его закрылся клапан, но достаточно одной мужественной мысли, чтобы его открыть.

---

[52] Примечания: 52

Лапута — летающий остров, на котором в одном из своих путешествий побывал Гулливер.

Однако Геррик ощущал власть не зависящей от него судьбы, неотвратимой, как сила тяготения. Любой человек порой испытывает чувство, будто во все закоулки его тела проник чуждый ему дух, что разум его восстал против него самого, что кто-то завладел им и ведет туда, куда он идти не хочет. Именно такое чувство испытал сейчас Геррик, притом со всей силой откровения. Путей избавления не было. Открывшаяся дверь захлопнулась из-за его малодушия. Ему остается вернуться в мир и жить без иллюзий. До конца своих дней он будет брести, сгибаясь под бременем ответственности и бесчестия, пока болезнь, случайная милосердная пуля или столь же милосердный палач не избавят его от позора Есть люди, которые способны на самоубийство, и есть люди, которые на это не способны; он принадлежал к последним.

С минуту в душе его царила сумятица, вызванная неожиданным открытием, затем наступила безрадостная уверенность, и, с небывалой простотой покорившись неизбежному, он поплыл к берегу.

В этом решении было мужество, которого сам он в эту минуту, исполненный сознания своей постыдной трусости, оценить не мог. Он плыл

вперед против течения, которое било ему в лицо, точно ветер, он боролся с ним устало, без воодушевления, однако заметно продвигался вперед, равнодушно отмечая свое продвижение по приближающимся силуэтам деревьев. Один раз у него мелькнула надежда: он услышал неподалеку, ближе к центру лагуны, тяжелый всплеск крупной рыбы, скорее всего акулы, и помедлил немного, приняв стоячее положение. «Не это ли желанный палач?» — подумал он. Но всплеск не повторился, снова наступила тишина.

И Геррик снова двинулся к берегу, проклиная свой характер. Да, конечно, он подождал бы акулу… если бы только знал наверняка, что она приближается к нему.

Он горько улыбнулся. Он готов был плюнуть себе в лицо, если бы мог…

Около трех часов утра судьба, направление течения и правая рука Геррика, которая от рождения была сильнее левой, порешили между собой так, чтобы он вышел на берег как раз напротив дома Этуотера. Он сел на песок и без малейшего проблеска надежды в душе принялся размышлять о том, как жить дальше. Убогий скафандр самомнения был самым жалким образом прорван! До сих пор он обманывал и поддерживал

себя в своих злоключениях мыслью о возможности самоубийства, о том, что у него всегда есть в запасе такой выход; теперь оказалось, что это всего лишь обман, небылица, легенда. Теперь он предвидел, что ему всю остальную жизнь неумолимо предстоит быть распятым и пригвожденным к кресту железными стрелами собственной трусости. Он не плакал, не тешил больше себя притчами. Его отвращение к себе было настолько полным, что у него даже исчезла потребность в аллегориях, которые он раньше придумывал в свое извинение. Геррик чувствовал себя как человек, которого сбросили с высоты и который переломал себе кости. Он лежал на песке и признавался себе во всем и даже не делал попытки подняться.

Заря забрезжила на другом конце атолла, небо просветлело, облака окрасились в роскошные тона, ночные тени исчезли. И Геррик вдруг увидел, что лагуна и деревья снова оделись в свои дневные наряды, увидел, что на «Фараллоне» Дэвис гасит фонарь, а над камбузом подымается дымок. Несомненно, Дэвис заметил и узнал фигуру на берегу, но, впрочем, не сразу: он долго всматривался из-под руки, а потом ушел в каюту и вернулся с подзорной трубой. Труба была

очень сильной, Геррик сам часто пользовался ею. Поэтому стыдливым жестом он непроизвольно закрыл лицо руками.

— Так что же привело сюда мистера Геррика — Хэя или мистера Хэя — Геррика? — раздался голос Этуотера. — Вид со спины необычайно хорош, я бы не менял этого положения. Мы отлично поладим, сохранив наши позиции, а вот если вы обернетесь… Знаете, мне кажется, это создаст некоторую неловкость.

Геррик медленно поднялся, сердце его тяжело стучало, он еле стоял на ногах от страшного возбуждения, но полностью владел собой. Он медленно повернулся и увидел Этуотера и мушку направленной на него винтовки. «Почему я не сдался ему вчера вечером?» — подумал он.

— Почему же вы не стреляете? — спросил Геррик, и голос его дрогнул.

Этуотер неторопливо сунул винтовку под мышку, а потом — руки в карманы.

— Что вас привело сюда? — повторил он.

— Не знаю, — ответил Геррик. И вслед за этим вскрикнул: — Помогите мне, сделайте со мной что-нибудь!

— У вас есть оружие? — спросил Этуотер. — Я спрашиваю просто так, для соблюдения формы.

— Оружие? Нет! — ответил Геррик. — Ах да, есть! — И он швырнул на песок револьвер, с которого капала вода.

— Вы промокли, — сказал Этуотер.

— Да, я промок, — ответил Геррик. — Можете вы со мной что-нибудь сделать?

Этуотер пристально вгляделся в его лицо.

— Это в значительной степени зависит от того, что вы собой представляете, — сказал он.

— Что? Я трус!

— Это вряд ли исправимо, — возразил Этуотер. — И все же, мне кажется, характеристику нельзя назвать исчерпывающей.

— Не все ли равно? — воскликнул Геррик. — Вот я здесь, я — черепки посуды, разбитой вдребезги, я — лопнувший барабан, жизнь ушла из меня, я больше в себя не верю, я испытываю безнадежное отвращение к себе. Почему я пришел к вам? Не знаю. Вы жестокий, бессердечный, неприятный человек. Я ненавижу вас или, может быть, думаю, что ненавижу. Но вы честный, порядочный человек. Я отдаю себя, растерянного, в ваши руки. Что мне делать? Если я ни на что не годен, явите милосердие, всадите в меня пулю, считайте, что перед вами пес со сломанной лапой.

— На вашем месте я подобрал бы револьвер,

пошел в дом и переоделся в сухое, — сказал Этуотер.

— Вы в самом деле так считаете? — спросил Геррик. — Вы знаете, ведь они… мы… они… Впрочем, вам известно все.

— Мне известно вполне достаточно, — заключил Этуотер. — Пойдемте в дом.

И капитан увидел с «Фараллоны», как двое скрылись под сенью пальмовой рощи.

Глава 5
Давид и Голиаф

Хьюиш сидел лицом к надстройке, подогнув колени и съежившись, чтобы уберечься от слепящего солнца В легкой тропической одежде он казался жалким костлявым цыпленком; Дэвис примостился на перилах, обхватил столб рукой и сумрачно рассматривал Хьюиша, размышляя, каким советником окажется это ничтожество. Ибо теперь, когда Геррик покинул его и перешел на сторону врага, один Хьюиш во всем мире остался его единственным помощником и оракулом.

С замирающим сердцем оценивал он создавшееся положение: судно их краденое; припасов — не важно из-за чего, из-за первоначальной ли беспечности или из-за расточительности во время путешествия, могло хватить единственно на то, чтобы добраться обратно под Папеэте, а там их ждала кара в лице жандарма, судьи в диковинной шляпе и ужасов далекой Нумеи. Там надеяться было не на что. Здесь же, на острове, они разбудили дракона: Этуотер со своими людьми и винчестерами охраняет дом — пусть-ка

осмелится кто-нибудь приблизиться к нему! Что же делать? Остается только бездействовать, шагать по палубе и ждать, когда придет «Тринити Холл» и их закуют в кандалы или когда выйдет вся пища и начнутся муки голода.

К прибытию «Тринити Холла» Дэвис был готов: он забаррикадирует надстройку и умрет, защищаясь, как крыса в щели. Но что касается голода… Неужто таков будет кошмарный конец путешествия, в которое он пустился всего две недели назад с самыми радужными ожиданиями? Судно будет гнить на якоре, а команда бродить и подыхать в шпигатах. Нет, любой риск лучше этой гнусной неизбежности; уж лучше действительно сняться с якоря, пуститься куда глаза глядят и пусть даже достаться людоедам на самом безвестном из островов Туамото.

Дэвис быстро обвел взглядом море и небо в надежде увидеть признаки ветра, но источники пассатов, должно быть, иссякли. Там, где вчера и много недель назад по ревущей синей небесной реке ветер гнал облака, сейчас царила тишина. На выстроившихся по обе стороны от капитана рядах золотых, зеленых и серебристых пальм не шевелились даже самые легкие листы. Они склонялись к своему неподвижному отражению

в лагуне, словно вырезанные из металла, а вокруг длинной шеренги пальм уже начинал колыхаться жар. Ни сегодня, ни завтра на избавление надеяться нечего.

А запасы тем временем убывают…

И тут из глубины души Дэвиса или, вернее, из глубины воспоминаний детства поднялась и нахлынула на него волна суеверия. В наступившей полосе невезения есть что-то сверхъестественное. Обычно во всякой игре больше разнообразия. А тут словно дьявол вмешивается. Дьявол? Он опять услышал чистый звук колокольчика, растворившийся в ночной тишине. А что, если это Бог?..

Он заставил себя отвлечься от этих мыслей. Этуотер — вот его ближайшая цель. У Этуотера есть провизия, есть жемчуг, а это означает спасение в настоящем и богатство в будущем. Они еще схватятся с Этуотером, и тот должен погибнуть.

Лицо капитана запылало, глаза застлала пелена, когда он вспомнил, какую жалкую, бессильную фигуру представлял он собой накануне вечером, какие презрительные слова он вынужден был сносить молча. Гнев, стыд, жажда жизни — все указывало ему один путь. Оставалось только придумать способ, как подобраться к Этуотеру.

Хватит ли у него сил? Можно ли ждать помощи от этого ублюдка, этого мешка с костями, сидящего на палубе?

Глаза Дэвиса с жадным вниманием устремились на спящего, будто ему хотелось заглянуть в его душу, и сразу же тот беспокойно шевельнулся, неожиданно повернул голову и, щурясь, посмотрел на Дэвиса. Дэвис продолжал мрачно и испытующе смотреть на него, и тот отвел взгляд и сел.

— Ух, как голова трещит! — сказал он. — Кажется, я вчера порядком нагрузился. А где эта плакса Геррик?

— Ушел, — ответил капитан.

— На берег? Вот оно как! Что ж, я и сам бы не прочь.

— Неужели? — проговорил капитан.

— Ей-ей. Мне Этуотер нравится. Он парень что надо. Когда вы убрались, мы с ним поболтали душа в душу. А херес один чего стоит! Что твое амонтильядо! Хотел бы я сейчас его глотнуть… — Хьюиш вздохнул.

— Больше ты его ни капли не получишь, так и знай, — угрюмо произнес Дэвис.

— Эге, какая вас муха укусила, Дэвис? Не протрезвели, что ли? Поглядите на меня! Я ведь не

брюзжу. Я весел, как канарейка.

— Да, — сказал Дэвис, — ты весел, это я вижу. Ты и вчера веселился и, говорят, чертовски недурное представление разыграл, чертовски недурное…

— Чего вы там несете? Какое еще представление? — насторожился Хьюиш.

— Хорошо же, я тебе расскажу, — проговорил капитан, медленно слезая с перил.

И он рассказал со всеми подробностями, не упуская ни одного обидного эпитета, ни одной унизительной детали, повторяя, акцентируя свои ядовитые слова. Он положил самолюбие, свое и Хьюиша, на горячие угольях и поджаривал безжалостно. Он причинял своей жертве муки унижения и сам их испытывал. Это был образец сардонической речи простого, неученого человека.

— Что вы об этом думаете? — спросил он, закончив, и посмотрел вниз на Хьюиша, притихшего и смущенного, но презрительно усмехающегося.

— Сейчас скажу, что я думаю, — последовал ответ, — я думаю, что мы с вами сваляли дурака.

— Вот именно, — сказал Дэвис. — Самым безмозглым образом сваляли, черт побери! Я хочу увидеть этого человека передо мной на коленях.

— Ха! — сказал Хьюиш. — А как это сделать?

— В этом и загвоздка! — воскликнул Дэвис. — Как его взять? Их четверо, а нас двое, хотя среди них в счет идет только один — Этуотер. Стоит покончить с Этуотером, и все остальные пустятся наутек и закудахчут, как испуганные курицы, а старина Геррик приползет с протянутой рукой за своей долей жемчуга. Да, сэр! Вопрос в том, как добраться до Этуотера. Мы даже на берег сойти не можем: он пристрелит нас в лодке, как собак.

— Вам все равно, живой он будет или мертвый? — спросил Хьюиш.

— Предпочитаю мертвого, — ответил капитан.

— Ага, ладно, — сказал Хьюиш, — теперь я, пожалуй, пойду перекушу.

И он скрылся в кают-компании. Капитан с угрюмым видом последовал за ним.

— Что это значит? — спросил он. — Что вы там задумали?

— Отвяжитесь от меня, слышите?! — огрызнулся Хьюиш, откупоривая бутылку шампанского. — Придет время — узнаете. Обождите, пока я опохмелюсь. — Он выпил стакан и сделал вид, будто прислушивается. — Ага! — сказал он. — Слышно, как шипит! Будто сало жарится, ей-ей! Выпейте стаканчик и глядите веселей!

— Нет! — сказал капитан с силой. — Нет, не

стану. Дело прежде всего.

— Как хотите, было бы предложено, старина. С моей стороны просто стыдно портить вам завтрак из-за какой-то давно потопленной посудины.

С преувеличенной неторопливостью он дососал бутылку и похрустел сухарем, в то время как капитан, сидя напротив, буквально грыз удила от нетерпения. Наконец Хьюиш оперся локтями о стол и взглянул Дэвису в лицо.

— Ну вот, к вашим услугам! — объявил он.

— Выкладывайте, что вы придумали, — со вздохом проговорил Дэвис.

— Сперва вы. Играем честно? — возразил Хьюиш.

— Беда в том, что ничего я не придумал. — И Дэвис пустился в бессмысленные описания трудностей на их пути и ненужные объяснения по поводу собственного фиаско.

— Закончили? — спросил Хьюиш.

— Молчу, — отозвался Дэвис.

— Так! А теперь, — сказал Хьюиш, — дайте мне руку и повторяйте за мной: «Пусть поразит меня Бог, если я вас не поддержу».

Голос его прозвучал не громче обычного, но он заставил капитана задрожать. Лицо клерка дышало коварством, и капитан отпрянул как

от удара.

— Зачем это? — спросил он.

— На счастье, — ответил Хьюиш. — Требуются прочные гарантии.

Он продолжал тянуть руку.

— Не вижу проку от такого дурачества, — сказал Дэвис.

— А я вижу. Давайте руку и говорите слова, тогда услышите мой план; не дадите — не услышите.

Тяжело дыша и глядя на клерка страдальческим взглядом, капитан проделал требуемую церемонию. Чего он боялся, он и сам не знал и тем не менее рабски боялся тех слов, которые вот-вот должны были сорваться с бледных губ клерка.

— А теперь, с вашего позволения, — проговорил Хьюиш, — я отлучусь на полминуты и принесу малютку.

— «Малютку»? — переспросил Дэвис. — Это что?

— Стекло. Осторожно. Не кантовать, — ответил, подмигивая, клерк и исчез.

Он тут же вернулся, самодовольно улыбаясь, неся в руке что-то завернутое в шелковый платок. По лбу Дэвиса разбежались морщины глупого удивления. Что бы это такое скрывалось в

платке? В голову ему не пришло ничего, кроме револьвера.

Хьюиш занял прежнее место.

— Ну, так берете вы на себя Геррика и черномазых? А уж я позабочусь об Этуотере.

— Как? — воскликнул Дэвис. — Вам же не удастся!

— Но-но, — отозвался клерк. — Не торопитесь, сейчас увидите. Первым делом — что? Первым делом надо высадиться, а это, я вам скажу, самое трудное. Но как насчет флага перемирия? Как вы думаете, пройдет этот номер? Или Этуотер застрелит нас прямо в шлюпке и не поморщится?

— Нет, — сказал Дэвис, — не думаю, чтобы он так поступил.

— Я тоже не думаю, — продолжал Хьюиш. — Мне что-то не верится, чтобы он так поступил, я прямо-таки уверен, что не поступит! Значит, мы высаживаемся на берег. Вопрос второй: как взять нужное направление? Для этого вы напишете письмо: вам, дескать, стыдно смотреть ему в глаза, и потому податель письма, мистер Джи Эл Хьюиш, уполномочен представлять вас. Вооруженный таким с виду простым средством, мистер Джи Эл Хьюиш приступит к делу.

Он умолк, как будто высказался до конца, но не

спускал глаз с Дэвиса.

— Как? — спросил Дэвис. — И почему вы?

— Ну, видите ли, вы человек рослый, он знает, что у вас при себе револьвер, а всякий, глядя на вас, сразу смекнет, что вы пустите его в ход без долгих колебаний. Значит, о вас речи нет и быть не может, вы из игры выпадаете, Дэвис. Но меня он не побоится: я ведь такой замухрышка! Оружия при мне нет, тут все без обмана, и я буду держать руки кверху честь по чести... — Хьюиш помолчал. — Если за время переговоров мне удастся подобраться к нему поближе, будьте начеку и вступайте в игру без промашки. Если не удастся, то мы отправляемся восвояси и игра окончена. Ясно?

Лицо капитана выражало мучительные усилия ухватить смысл.

— Нет, неясно! — воскликнул он. — Понять не могу, к чему вы ведете.

— К тому, чтобы отомстить этой сволочи! — выкрикнул Хьюиш в порыве злобного торжества. — Я свалю эту вредную скотину! Он меня по-всякому вышучивал, зато теперь я сыграю отменную шутку!

— Какую? — почти шепотом спросил капитан.

— А вы и вправду хотите знать? — спросил

Хьюиш.

Дэвис поднялся и сделал круг по каюте.

— Да, хочу, — ответил он наконец с усилием.

— Когда вас припрут к стенке, вы ведь сопротивляетесь как только можете, правда? — начал клерк. — Я это к тому, что на этот счет существует предубеждение: считают, видите ли, это недостойным, ужас каким недостойным! — При этих словах он развернул платок и показал пузырек примерно в четыре унции. — Тут серная кислота. Вот тут что, — сказал он.

Капитан уставился на него с побелевшим лицом.

— Да, это та самая штука, — продолжал клерк, подняв пузырек, — что прожигает до кости. Увидите — он задымится, как в адском огне. Одна капля в его подлые глаза, и прости-прощай Этуотер.

— Нет, нет, ни за что! — воскликнул капитан.

— Слушайте-ка, голубчик, — сказал Хьюиш, — кажется, мы договорились? Это мой праздник. Я подойду к нему в одиночку, вот так. В нем семь футов росту, а во мне пять. У него в руках винтовка, он настороже, и он не вчера родился. Давид и Голиаф — вот мы с ним кто. Если бы я еще попросил вас к нему подойти и расхлебывать кашу,

тогда я понимаю. Но я и не думаю вас просить. Я только прошу смотреть в оба и расправиться с черномазыми. Все пойдет как по маслу, сами увидите! Не успеете оглянуться, как он будет бегать и выть как полоумный.

— Не надо! — умоляюще остановил его Дэвис. — Не говорите про это!

— Ну и олух же вы! — воскликнул Хьюиш. — А сами-то вы чего хотели? Убить его хотели и пытались убить вчера вечером. Вы их всех хотели поубивать и пытались это сделать, так я же вас и учу теперь, как это сделать. И только оттого, что в пузырьке у меня немножко лекарства, вы поднимаете такой шум!

— Да, наверное, дело именно в этом, — сказал Дэвис. — Может, я и не прав, но только никуда от этого не денешься.

— Медицина, значит, вас напугала, — насмешливо фыркнул Хьюиш.

— Уж не знаю, в чем тут штука, — ответил Дэвис, меряя шагами каюту, — но это так! Я пасую. Не могу участвовать в такой подлости. Чересчур для меня гнусно!

— А когда, значит, вы берете револьвер и кусочек свинца и вышибаете человеку мозги, то для вас это сплошное удовольствие? На вкус и

на цвет…

— Глупость — не отрицаю, — проговорил капитан, — но что-то мне мешает вот тут, внутри меня. Согласен, проклятая глупость. Не спорю. Просто пасую. А нет ли все-таки другого способа?

— Думайте сами, — ответил Хьюиш. — Я за свое не держусь. Не воображайте, будто я гонюсь за славой, разыгрывать главаря мне ни к чему. Мое дело предложить. Не можете придумать ничего лучше — побожусь, я возьму все в свои руки!

— Но риск-то какой! — умоляюще произнес Дэвис.

— Если хотите знать мое мнение, то у нас верных семь шансов против одного, да и пари-то держать не с кем. Но это мое мнение, голубок, а я отчаянный. Поглядите на меня получше, Дэвис, я робеть не буду. Я отчаянный, говорю вам, насквозь отчаянный.

Капитан поглядел на него. Хьюиш сидел напротив; он сейчас упивался своим зловещим бахвальством, щеголял искушенностью в грехе; гнусная отвага, готовность на любую подлость так и светилась в нем, как свеча в фонаре. Страх и подобие уважения к нему, несмотря ни на что, охватили Дэвиса. До сих пор клерк вечно отлынивал, оставался безучастным, равнодушным,

огрызался на любую просьбу что-то сделать. А тут, словно по мановению волшебной палочки, он превратился в подтянутого, энергичного человека с излучающим решимость лицом. Дэвис сам разбудил в нем дьявола и теперь спрашивал себя: кто усмирит его? И сердце у него упало.

— Глядите сколько влезет, — продолжал Хьюиш, — страха у меня в глазах не найдете. Этуотера я не боюсь, и вас не боюсь, и всяких слов не боюсь. Вам охота их убить — это у вас на лице написано. Но вам охота сделать это в лайковых перчатках, а из этого ничего не выйдет. Что и говорить: убивать неблагородно, убивать трудно, убивать опасно, тут нужен настоящий мужчина. Вот он перед вами…

— Хьюиш! — начал капитан решительно, осекся и застыл с нахмуренным лбом.

— Ну, что там, выкладывайте! — подбодрял его Хьюиш. — Что-нибудь надумали? Другой способ нашли?

Капитан промолчал.

— То-то и оно! — пожав плечами, сказал Хьюиш.

Дэвис снова принялся вышагивать.

— Ходите, как часовой, пока не посинеете, все равно лучше ничего не придумаете! — торже-

ствующе объявил Хьюиш.

Наступило короткое молчание. Капитана, точно на качелях, кидало до головокружения из одной крайности в другую — от согласия к отказу.

— Но все-таки, — сказал он, вдруг останавливаясь, — сможете вы это сделать? И вообще, можно это сделать? Это… это ведь нелегко.

— Если мне удастся подойти к нему на двадцать футов, считайте, что дело в шляпе, и тут уж не теряйтесь, — ответил Хьюиш с абсолютной уверенностью.

— Да откуда вы знаете? — вырвался у капитана сдавленный крик. — Ах вы, бестия, вы, наверное, проделывали это раньше?

— Это уж мое личное дело, — отрезал Хьюиш. — Я не из болтливых.

Капитана затрясло от омерзения. И может быть, капитан бросился бы на Хьюиша, оторвал от пола, снова бросил оземь и таскал бы его по каюте с исступлением, которое было бы отчасти оправданно.

Но миг был упущен, бесплодный кризис оставил капитана без сил. На карту ставилось так много: с одной стороны жемчуг, с другой — нищета и позор. Десять лет сборов жемчуга! Воображение

Дэвиса перенесло его в другую, новую жизнь для него и его семьи. Местожительством их станет теперь Лондон — вместо Портленда, штат Мэн. Он видел, как его мальчики шагают в школьной процессии в форменной одежде, их ведет младший учитель и читает по дороге большую книгу. Дэвисы поселились в загородном доме на две семьи; на воротах надпись: «Розовый уголок». Сам он сидит в кресле, стоящем на гравиевой дорожке, курит сигарету, в петлице у него голубая ленточка ордена Подвязки[53] — он победитель, победитель, победивший самого себя, обстоятельства и злоумышленных банкиров. Дэвис видел гостиную с красными портьерами и раковинами на каминной полке, а сам он — о, восхитительная непоследовательность видений! — мешает грог у стола красного дерева перед отходом ко сну.

На этом месте видения «Фараллона» сделала одно из тех необъяснимых движений, которые, даже на судне, стоящем на якоре, и даже в самый глубокий штиль, напоминают о непостоянстве жидкостей, и Дэвис вдруг опять очутился

[53] Примечания: 53

Орден Подвязки — высший английский орден, учрежденный в 1350 г. Считается, что английский король Эдуард III принял решение утвердить его в ответ на насмешки придворных, когда он поднял подвязку, оброненную на балу его фавориткой графиней Солсбери.

в кают-компании. Неистовый солнечный свет прорывался в щели, осаждая ее со всех сторон, а клерк в весьма беззаботной позе ждал его решения.

Капитан снова принялся ходить. Он жаждал исполнения своих грез, как лошадь, которая ржет, завидев воду; жажда эта сжигала его нутро. Сейчас единственным препятствием был Этуотер, который оскорбил его в первую же минуту знакомства. Геррику Дэвис отдаст всю его долю жемчуга, он настоит на этом. Хьюиш, конечно, будет противиться, но капитан подавит его сопротивление — он уже превозносил себя за это до небес. Сам ведь он не собирается пускать в ход серную кислоту, но Хьюишу он не нянька. Жаль, что так приходится поступить, но в конце концов…

Ему снова представились его мальчики в школьной процессии, в форме, которая издавна казалась ему такой аристократической. В груди у него с новой силой забушевало сжигавшее его пламя невыносимого позора, пережитого накануне.

— Делайте как хотите, — хрипло сказал он.

— Эх, я так и знал, что вы поломаетесь да согласитесь, — сказал Хьюиш. — Теперь за письмо.

Вот вам бумага, перо и чернила. Садитесь, я буду диктовать.

Капитан покорно сел, взял перо и беспомощно посмотрел на бумагу, потом перевел взгляд на Хьюиша. Качели качнулись в другую сторону — глаза его подернулись влагой.

— Страшное это дело, — сказал он, передернувшись всем телом.

— Да, не цветочки собирать, — отозвался Хьюиш. — Макайте перо. «Вильяму Джону Этуотеру, эсквайру. Сэр…» — начал он диктовать.

— Откуда вы знаете, что его зовут Вильям Джон? — спросил Дэвис.

— Видел на упаковочном ящике. Написали?

— Нет, — ответил Дэвис. — Еще один вопрос: что именно мы будем писать?

— А-а, мать честная! — раздраженно воскликнул Хьюиш. — Да что вы за человек такой? Я, я буду вам говорить, что писать, это уж моя забота, а вы сделайте такое снисхождение, пишите, черт возьми! «Вильяму Джону Этуотеру, эсквайру. Сэр…» — повторил он.

Капитан наконец начал почти бессознательно водить пером, и диктовка продолжалась.

«С чувством стыда и искреннего раскаяния обращаюсь к вам после оскорбительных явлений вчерашнего вечера Наш мистер Геррик покинул судно и, несомненно, сообщил вам содержание наших надежд. Нечего и говорить, мы их больше не питаем: судьба объявила нам войну, и мы склоняем головы. Уважая ваше полное право мне не доверять, я не осмеливаюсь надеяться на одолжение личной встречи, но, чтобы положить конец позиции, равномерно неприятной для всех, я уполномочил моего друга и компаньона мистера Джи Эл Хьюиша изложить вам мои предложения, которые благодаря скромности заслуживают вашего всестороннего внимания. Мистер Джи Эл Хьюиш полностью обезоружен и – клянусь Богом! – будет держать руки над головой по мере своего приближения. Остаюсь ваш преданный слуга

Джон Дэвис».

Хьюиш, посмеиваясь, перечел письмо с невинной радостью дилетанта, сложил его, потом развернул несколько раз и снова сложил, желая

продлить удовольствие. Тем временем Дэвис сидел неподвижно, мрачно насупившись.

Неожиданно он вскочил. Казалось, он совершенно потерял голову.

— Нет! — завопил он. — Нет, невозможно! Это уж слишком, нам не избежать проклятия. Бог такого ни за что не простит!

— Не простит — и не надо, — возразил Хьюиш пронзительным от гнева голосом. — Вы уже давным-давно прокляты за «Морского скитальца», сами говорили. Ну, так будете прокляты еще разок, и заткнитесь!

Капитан посмотрел на него потухшим взглядом.

— Нет, — умолял он, — не надо, дружище! Не делайте этого!

— Ладно, — оборвал его Хьюиш. — Говорю вам в последний раз. Хотите — идите, хотите — оставайтесь. Я все равно отправлюсь туда, чтобы плеснуть этому гаду в глаза серной кислоты. Останетесь здесь — я пойду один. Черномазые, наверное, меня прихлопнут, вот тогда будете знать! Но так или иначе, а я больше не желаю слушать ваше идиотское слюнявое нытье, зарубите это себе на носу!

Капитан выслушал все молча, только мигнул

и с усилием глотнул. Голос памяти призрачным эхом повторил ему то, что сам он когда-то, казалось, сто лет назад, говорил Геррику.

— Ну, давайте сюда ваш револьвер! — скомандовал Хьюиш. — Я сам проверю, чтобы все было в порядке. Помните — шесть выстрелов, и ни одного зря.

Капитан замедленным движением, как в кошмарном сне, выложил револьвер на стол. Хьюиш протер патроны и смазал барабан.

Время близилось к полудню, не было ни малейшего ветерка, жара сделалась почти невыносимой, когда эти двое появились на палубе, послали в шлюпку гребцов, а потом заняли свои места. Белая рубаха на конце весла служила флагом перемирия, и по их приказанию матросы, дабы шлюпку успели заметить с берега, принялись грести необычайно медленно.

Раскаленный остров трепетал перед их глазами; многочисленные медно-красные солнца, не больше шестипенсовиков, плясали на поверхности лагуны и слепили их. От песка, от воды, даже от шлюпки исходил нестерпимо яркий блеск. Но оттого, что вдаль они могли глядеть только сильно прищурившись, изобилие света словно превратилось в зловещую предгрозовую тьму.

Капитан взялся за это страшное дело по разным причинам, но меньше всего движимый желанием, чтобы экспедиция завершилась успешно. Суеверию подвластны все люди, а такими невежественными, грубыми натурами, как капитан Дэвис, оно правит безраздельно. На убийство он был готов, но ужас перед снадобьем в пузырьке затмевал все, и ему казалось, что рвутся последние нити, связывающие его с Богом. Шлюпка несла его навстречу проклятию, осуждению навечно; он покорился и молча прощался с тем лучшим, что в нем было.

Хьюиш, сидевший рядом, пребывал, однако, в весьма приподнятом настроении, которое отчасти было напускным. Как ни был он храбр, мы бы сказали, храбростью мелкого хищника, ему все время требовалось подбадривать себя интонациями собственного голоса, оскорблять все, достойное уважения, бросать вызов всему значительному, требовалось лезть из кожи вон, чтобы переродить Ирода[54] в какой-то отчаянной

[54] Примечания: 54

Ирод Великий (ок. 73 — 4 гг. до н. э.) — царь Иудеи с 40 г. до н. э., обладал выдающимися военными и политическими способностями, за что был назначен на царство распоряжением римского сената. В 37 г., в период своего могущества, отстроил Иерусалим в качестве своей блестящей резиденции. Не сумев достичь популярности у народа мягкой политикой, постепенно превратился в жестокого деспота.

браваде перед самим собой.

— Ну и жарища, мать честная! — говорил он. — Адова жарища. Ничего себе подходящий денек, чтобы окочуриться! Слушайте, ведь чертовски забавно быть укокошенным в такой день. Я бы предпочел загнуться в холодное морозное утро, а вы? — Запел: — «Мы водим, водим хоровод холодным зимним утром!» Честное слово, я не вспоминал эту песню лет этак десять. Я ее пел, бывало, в школе в Хэкни, Хэкни Уик. «Портной, он делает вот так, он делает вот так!» Чушь собачья! Ну а что вы думаете насчет будущего? Что вам больше по нраву: райские чаепития либо адское пламя?

— Заткнитесь! — ответил капитан.

— Нет, я правда хочу знать, — настаивал Хьюиш, — это для нас с вами очень важно, старина. Практическое руководство к действию. Нас с вами через десять минут могут укокошить: одного отправят в рай, другого — в ад. Вот отменная будет шутка, если вы возьмете и вынырнете с улыбочкой из-за облаков и ангел вас встретит с бутылкой виски с содовой под крылышком. «Хэлло, — говорите вы, — давайте ее сюда, я с удовольствием».

Капитан застонал. Пока Хьюиш храбрился

и кривлялся, спутник его был погружен в молитву. О чем он молился? Бог знает. Однако из глубины его противоречивой, неразумной, взбудораженной души потоком изливалась молитва, несуразная, как он сам, но прямая и суровая, как смерть, как приговор.

— «Ты видишь мя, Господи…» — продолжал Хьюиш. — Помнится, так было написано в моей Библии. И Библию помню, все-то там про Аминадава[55] и прочих людишек. Да, Господи! — обратился он к небу. — Сейчас у тебя глаза на лоб полезут, обещаю тебе!

Капитан рванулся к нему.

— Без богохульства! — закричал он. — Я не потерплю богохульства у себя в шлюпке!

— Ладно, кэп, — отозвался Хьюиш. — Как вам угодно. Какую закажете новую тему: дождемер, громоотвод или музыкальные стаканы? Любой разговор наготове: суньте монету в щель и… Эй! Вон они! — закричал он вдруг. — Ну, теперь или никогда! Что он, стрелять, что ли, собирается?

И плюгавенький Хьюиш выпрямился, принял настороженную лихую позу и вперил взгляд в противника.

---

[55] Примечания: 55

Аминадав (Авинадав) — имя троих лиц упоминаемых в Ветхом Завете.

Но капитан приподнялся, и глаза его вылезли из орбит.

— Что это такое? — воскликнул он.

— Где? — вопросил Хьюиш.

— Вон те анафемские штуки, — запинаясь, проговорил капитан.

На берегу и в самом деле возникло что-то странное. Из рощи позади корабельной статуи показались Геррик и Этуотер, вооруженные винчестерами, а по обе стороны от них солнце сверкало на двух металлических предметах Они занимали место голов на туловищах загадочных существ, которые передвигались, как люди, но лиц у них не было. Дэвису в его взвинченном состоянии почудилось, будто его мистические опасения стали явью, и Тофет[56] изрыгает демонов.

Но Хьюиш ни на минуту не был введен в заблуждение.

— Да это водолазные шлемы, олух вы этакий! Не видите, что ли?

---

[56] Примечания: 56

Тофет — место в небольшом ущелье Енном, недалеко от Иерусалима, где в древние времена приносились человеческие жертвы. Впоследствии, после уничтожения идолопоклонничества, здесь была устроена свалка нечистот, павших животных и казненных преступников, а для уничтожения оных постоянно горел костер. Постепенно ущелье стали называть геенною огненной, и, по мнению некоторых священнослужителей, она должна была служить вратами ада.

— И впрямь шлемы, — выдохнул Дэвис. — А зачем? А-а, понимаю, вместо брони.

— А я что вам говорил? — сказал Хьюиш. — В точности Давид и Голиаф.

Два туземца (ибо именно они были наряжены в столь оригинальные доспехи) разошлись в стороны и потом улеглись в тени на крайних флангах. Даже теперь, когда загадка разъяснилась, Дэвис все еще в смятении не сводил глаз со шлемов, на которых играло солнце, на момент забыл, но потом опять с улыбкой облегчения вспомнил объяснение загадки.

Этуотер скрылся в роще, а Геррик с винтовкой под мышкой направился к пирсу один.

Примерно на полпути он замедлил шаг и окликнул шлюпку:

— Что вам надо?

— Это я скажу мистеру Этуотеру, — ответил Хьюиш, проворно ступая на трап. — А не вам, потому что вы подхалим и ябеда. Вот передайте ему письмо, держите и проваливайте ко всем чертям.

— Дэвис, тут без подвоха? — спросил Геррик.

Дэвис задрал подбородок, бросил искоса быстрый взгляд на Геррика и снова отвернулся, но не произнес ни слова. В глазах его заметно было

волнение, но была ли причиной тому ненависть или страх — Геррик угадать не мог.

— Хорошо, — сказал он наконец, — передам. — Он провел ногой черту на досках причала. — Пока я не вернусь с ответом, дальше этой черты не заходить.

Он направился туда, где, прислонившись к дереву, стоял Этуотер, и вручил письмо. Этуотер быстро пробежал его.

— Что это означает? — спросил он, передавая письмо Геррику. — Вероломство?

— О да, не сомневаюсь! — ответил Геррик.

— Что ж, пусть идет сюда. Даром, что ли, я фаталист. Велите ему подойти, но соблюдать благоразумие.

Геррик пошел назад. Клерк с Дэвисом ждали его на середине пирса…

— Можете идти, Хьюиш, — сказал Геррик. — Но он предупреждает — никаких фокусов.

Хьюиш живо двинулся вперед и остановился, дойдя до Геррика.

— Где он там? — спросил он, и, к удивлению Геррика, его мелкое невыразительное личико вдруг вспыхнуло и опять побледнело.

— Прямо и вперед, — кивнув, ответил Геррик. — Подымайте-ка руки вверх!

Клерк повернулся и стремительно сделал шаг к статуе, словно желая принести какие-то молитвы, потом глубоко вздохнул и поднял руки.

Как это часто бывает у людей невзрачной наружности, руки у Хьюиша были непропорционально длинные и широкие, особенно в кисти, поэтому маленький пузырек без труда уместился в его объемистом кулаке. В следующую минуту он шагал к своей цели.

Геррик тронулся было за ним. Но шум позади испугал его, он обернулся и увидел, что Дэвис уже передвинулся до статуи. Дэвис пробирался, пригнувшись, приоткрыв рот, как загипнотизированный следует за гипнотизером. Всякие естественные человеческие соображения, даже просто боязнь за свою жизнь, — все поглотило захлестывающее животное любопытство.

— Стойте! — крикнул Геррик, наводя на него винчестер. — Дэвис, что вы делаете? Вам-то не велено двигаться. Дэвис, спиной к статуе, слышите? Живо! — продолжал Геррик.

Капитан перевел дух, отступил, прижался спиной к статуе и тут же снова устремил взгляд вслед Хьюишу. Как раз в этом месте в песке образовалась ложбина, а дальше, как продолжение этой ложбины, в глубь кокосовой рощи уходи-

ла просека, которую прямые лучи полуденного солнца освещали с немилосердной яркостью. В самом конце просеки в тени виднелась высокая фигура Этуотера, прислонившегося к дереву, и туда-то, подняв руки, утопая в песке, с трудом ковылял клерк.

Слепящий блеск вокруг подчеркивал и преувеличивал невзрачность Хьюиша; он казался не опаснее щенка, задумавшего брать штурмом цитадель.

— Стоп, мистер Хювиш! Достаточно! — крикнул Этуотер. — С этого расстояния, причем не опуская рук, вы прелестно можете ознакомить меня с планами вашего командира.

Расстояние между ними составляло каких-нибудь футов сорок; Хьюиш измерил его на глазок и тихо выругался. Он совсем уже выдохся, пока тащился по глубокому песку; руки у него затекли от неестественного положения. В правом кулаке он держал наготове пузырек, и, когда он заговорил, сердце его прыгало и голос прерывался.

— Мистер Этуотер, — начал он, — если у вас была когда-нибудь родная матушка…

— Могу вас на этот счет успокоить, — прервал его Этуотер, — была, и я позволю себе предложить, чтобы впредь в нашей беседе ее имя не

упоминалось. Следует, пожалуй, вас предупредить, что патетикой меня не проймешь.

— Прошу прощения, сэр, если я злоупотребил вашими чувствами, — угодливо проговорил клерк, съеживаясь и делая незаметно шаг вперед. — По крайности, сэр, вам меня никогда не убедить, будто вы не настоящий джентльмен — джентльмена я сразу распознаю, поэтому без колебаний предаю себя вашему милостивому вниманию. Мне, конечно, нелегко… Ведь нелегко признать, что ты побежден, нелегко прийти и просить о милосердии.

— Еще бы, когда, обернись все по-иному, весь остров мог бы стать вашей собственностью, — закончил Этуотер. — Вполне понимаю ваши чувства.

— Видит Бог, мистер Этуотер, — проговорил клерк, — вы меня строго судите, и судите несправедливо! «Ты видишь мя, Господи!» — так было написано у меня в Библии… Эту надпись сделал мой отец собственной рукой на чистом переднем листе…

— Очень сожалею, что еще раз вынужден прервать вас, — вставил Этуотер, — по-моему, вы сейчас находитесь несколько ближе ко мне, чем раньше, а это не входит в нашу сделку. Осмелюсь

предложить вам отступить на два-три шага и там остаться.

При этом предложении, которое опрокидывало все расчеты Хьюиша, из глаз его глянул дьявол, и Этуотер мгновенно что-то заподозрил. Он нахмурился, устремил задумчивый взгляд на стоящего перед ним замухрышку и начал быстро соображать, зачем ему понадобилось подкрадываться ближе. Еще секунда — и он приложил винтовку к плечу.

— Извольте разжать пальцы, шире, шире, растопырь пальцы, мерзавец, брось, что ты там держишь! — загремел Этуотер, когда уверенность его и гнев созрели одновременно.

И тут неукротимый Хьюиш решил бросить пузырек, а Этуотер почти в тот же самый момент спустил курок. Между двумя их движениями едва ли прошла секунда, но она оказалась решающей в пользу человека с винчестером: пузырек еще был в руке у Хьюиша, когда пуля раздробила и руку и пузырек. Жидкость выплеснулась на Хьюиша, какое-то мгновение несчастный терпел муки ада, визжа как сумасшедший, затем вторая, более милосердная пуля повергла его наземь мертвым.

Все произошло молниеносно. Не успел Геррик обернуться, не успел Дэвис в ужасе вскрикнуть,

как клерк уже лежал на песке, разбросав руки, дергаясь в конвульсиях.

Этуотер подбежал к трупу, нагнулся, разглядывая его, потом тронул пальцем каплю жидкости, и лицо его побледнело и стало жестоким.

Дэвис так и не двинулся с места; он стоял как пригвожденный к статуе, вцепившись в нее руками позади себя, наклонившись вперед.

Этуотер не спеша повернулся и прицелился в него.

— Дэвис! — крикнул он, и голос его зазвучал, как труба. — Даю вам шестьдесят секунд, чтобы уладить свои дела с Богом!

Дэвис взглянул на него и как будто очнулся. Он и не думал о том, чтобы защищаться, он не потянулся за револьвером. С раздувающимися ноздрями он выпрямился, чтобы встретить смерть достойно.

— Сдается мне, не стоит его тревожить, — сказал он. — Если сообразить, зачем я сюда пожаловал, пожалуй, лучше будет просто закрыть лицо.

Этуотер выстрелил — жертва непроизвольно дернулась, и над самой головой Дэвиса возникла черная дыра, пятнающая белизну статуи. Страшная пауза, затем еще выстрел, удар и резкий визг пули о дерево. На этот раз капитан почувство-

вал, как пуля просвистела мимо щеки. Третий выстрел — и одно ухо у него окрасилось кровью. А из-за винтовки, точно краснокожий, скалился Этуотер.

Дэвис понял теперь, какую роль ему отвели в жестокой игре. Трижды его коснулась смерть, и ему предстояло испить чашу еще семь раз, прежде чем его отправят на тот свет. Он поднял руку.

— Стойте! — крикнул он. — Я беру ваши шестьдесят секунд!

— Отлично! — ответил Этуотер.

Капитан крепко, как ребенок, зажмурил глаза и поднял кверху руки смешным и в то же время трагическим жестом.

— Господи, Христа ради позаботься о моих ребятишках… — И, помолчав, с запинкой: — Христа ради, аминь…

Он открыл глаза и посмотрел прямо в дуло. Губы его задрожали.

— Только не мучайте меня долго! — умоляюще попросил он.

— И это вся ваша молитва? — спросил Этуотер, и голос его странно зазвенел.

— Пожалуй, что да, — сказал Дэвис.

— Да? — повторил Этуотер, ставя винтовку прикладом на песок. — Вы закончили? Вы свели

счеты с Богом? Ибо со мной вы уже свели. Идите и не грешите больше, многогрешный отец семейства. И помните: какое бы зло вы ни причинили другим, Господь покарает за это сторицей ваших невинных младенцев.

Несчастный Дэвис, шатаясь, сделал несколько шагов вперед, упал на колени, взмахнул руками и рухнул в обмороке.

Когда он опять пришел в себя, голова его лежала на руке Этуотера, а рядом стоял один из туземцев с ведром воды, из которого его недавний палач обмывал ему лицо. Капитан разом вспомнил об ужасных событиях, снова увидел мертвого Хьюиша, снова ему почудилось, что он шатается на краю провала в беспредельную вечность. Трясущимися руками он ухватился за человека, которого хотел убить, и закричал, как дитя, мучимое кошмарами:

— О-о, простит ли меня Господь? О-о-о, что мне делать, чтобы спастись?

«Да, — подумал Этуотер, — вот истинно раскаявшийся».

Глава 6
Заключительная

Очень ярким, жарким, красивым, очень ветреным днем, две недели спустя после описанных событий на острове и месяц спустя после того, как над этой историей о троих людях поднялся занавес, на берегу лагуны можно было видеть человека, который молился, стоя на коленях. Группа пальм отделяла его от деревни, и с того места, где он стоял, видно было лишь одно творение человеческих рук, нарушающее безлюдный простор, — «Фараллону». Стоянка ее была перенесена: теперь она покачивалась на якоре милях в двух от берега, ближе к наветренной стороне, посредине лагуны.

Шумные пассаты неистовствовали по всему острову, ближайшие к берегу пальмы трещали и насвистывали при каждом сильном порыве. Те, что подальше, издавали низкий, басовый звук, подобный городскому гулу. И все же любой другой, менее погруженный в себя человек услыхал бы еще доносившийся из деревни более резкий звук человеческого голоса, перекрывавший рев

ветра.

В деревне кипела работа. Этуотер, обнаженный до пояса, принимал в ней самое деятельное участие, отдавал приказания пятерым канакам, подбадривал их. Судя по его оживленному голосу и по их более оживленным, чем обычно, стараниям, можно было заключить, что всю эту суматоху вызвало какое-то непредвиденное событие. К тому же на флагштоке развевался Юнион Джек[57].

Однако молящийся не слышал людских голосов и продолжал настойчиво, со рвением возносить молитву к Богу. Голос его то возвышался, то падал, лицо то становилось просветленным, то искажалось выражением набожности и страха попеременно.

А тем временем, невидимо для его закрытых глаз, по направлению к далекой заброшенной «Фараллоне» продвигался ялик, на котором можно было разглядеть Геррика. Достигнув «Фараллоны», он перебрался на судно, ненадолго заглянул в надстройку, оттуда перешел на бак и, наконец, исчез в главном люке. Куда бы он ни заходил, всюду появлялись хвосты дыма, и едва он успел спуститься обратно в ялик и

---

[57] Примечания: 57

Юнион Джек — прозвище английского государственного флага.

оттолкнуться от борта, как из шхуны начало вырываться пламя. Шхуна весело пылала: керосина не пожалели, да и бушующие пассаты раздували пожар. Оказавшись на середине обратного пути, Геррик оглянулся и увидел, что «Фараллона» по самые стеньги объята прыгающими языками огня; за яликом по лагуне гнались массивные клубы дыма.

По расчетам Геррика, через час вода должна была сомкнуться над краденым судном.

Случилось так, что пока ялик весьма проворно несся по ветру, а сам Геррик не отрывал взгляда от шхуны, следя за тем, как разгорается пожар, ялик занесло в залив к северу от пальмового мыса. И тут Геррик сразу заметил Дэвиса, погруженного в молитву. У него вырвалось восклицание. Испытывая досаду и в то же время посмеиваясь, он взялся за руль, повернул ялик к берегу и пристал футах в двадцати от Дэвиса, ничего не видевшего и не слышавшего.

Взяв фалинь[58] в руку, Геррик вышел на берег, приблизился к молящемуся и встал около него. Но по-прежнему нескончаемо текла несвязная, многословная молитва. Невозможно было долго

---

[58] Примечания: 58

Фалинь — трос, служащий для привязывания шлюпки.

подслушивать мольбы, однако Геррик все-таки стоял и слушал со смешанным чувством жалости и насмешки. Но когда наконец начало встречаться его имя в соединении с хвалебными эпитетами, он не выдержал и положил руку капитану на плечо.

— Простите, что прерываю ваше увлекательное занятие, — сказал он, — я прошу вас взглянуть на «Фараллону».

Капитан с трудом поднялся и, тяжело дыша, уставился на Геррика чуть ли не со страхом.

— Мистер Геррик, нельзя так пугать людей! Я и без того не в себе с той поры, как… — Он не окончил фразу. — Что вы сказали? Ах да, «Фараллона». — И он апатично посмотрел вдаль.

— Да, — сказал Геррик, — вон как она полыхает! Можете сами догадаться, каковы новости.

— Наверное, «Тринити Холл», — сказал капитан.

— Именно, — ответил Геррик, — замечена полчаса назад, быстро приближается.

— Ну и что, какое это имеет значение? — со вздохом вымолвил капитан.

— Ну полно, оставьте, это же чистая неблагодарность! — воскликнул Геррик.

— Может, и так, — задумчиво ответил капи-

тан, — вам не понять, как я на это смотрю, только я с большей охотой остался бы тут, на острове. Я обрел здесь покой, покой в вере. Да, сдается мне, этот остров как раз под стать Джону Дэвису.

— Ну и вздор! — воскликнул Геррик. — Что с вами? Как раз тогда, когда все оборачивается в вашу пользу: «Фараллона» уничтожена, команда пристроена, впереди счастливая жизнь для вашей семьи и для вас самого; вы, можно сказать, баловень Этуотера, его любимый раскаявшийся грешник — и вы отказываетесь!

— Не надо, мистер Геррик, не говорите так, — мягко остановил его капитан, — вы же знаете: он между нами разницы не делает. Но почему, почему вы не хотите присоединиться к нам? Почему не прийти к Христу, и тогда все мы когда-нибудь встретимся в прекрасном царствии Божьем. Только одно и нужно — сказать: «Господи, я верю, помоги мне, неверующему!» И он примет вас в свои объятия. Уж я-то знаю. Я сам был грешником!